Priluko-Prilut͡skiĭ, N. G.

Goncharov

DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Н. Г. ПРИЛУКО-ПРИЛУЦКІЙ

КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА

СБОРНИКЪ КРИТИЧЕСКИХЪ И БІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И САМООБРАЗОВАНІЯ

Prilukо-Prilutskii

ГОНЧАРОВЪ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

=11.

ВЫПУСКЪ ОДИННАДЦАТЫЙ

ЦѢНА 1 РУБ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „ОРОСЪ"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ — ВАРШАВА

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Изм. п., 7 рота, 26.

891.73
G635ZPR

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Предисловіе 1
Основныя особенности таланта и творчества Гончарова. — Д. С. Мережковскаго 3
Любовь къ жизни во всѣхъ ея мелочахъ и свѣтлая печаль Гончарова. — Ю. Айхенвальда 12
Значеніе литературной дѣятельности Гончарова.—Евг. Соловьева (Андреевича) 31
Характеристика таланта Гончарова въ связи съ оцѣнкой „Обломова“.—Н. А. Добролюбова 42
Племянникъ и дядя Адуевы.—В. Г. Бѣлинскаго 50
Дядя и племянникъ Адуевы, Обломовъ, Райскій, Штольцъ и Волоховъ.—Д. С. Мережковскаго 73
Женскіе типы въ „Обыкновенной исторіи“.—В. Г. Бѣлинскаго . . 80
Илья Ильичъ Обломовъ.—Н. Г. Григорьева 81
Что такое обломовщина?—Н. А. Добролюбова. 92
Обломовщина какъ родъ болѣзни русскаго національнаго уклада.—Д. Н. Овсянико-Куликовскаго 122
Сходство и различіе между Обломовымъ и людьми 40-хъ годовъ.—Д. Н. Овсянико-Куликовскаго 132
Штольцъ - отрицатель и противникъ обломовщины. — Д. Н. Овсянико-Куликовскаго 145
Ольга Ильинская — намекъ на новую русскую жизнь. — Н. А. Добролюбова. 154
Ольга Ильинская—психологическій типъ, объединяющій лучшія стороны русской образованной женщины.—Д. Н. Овсянико-Куликовскаго 158
„Обрывъ“.—И. Нелюбова 160
Отношеніе Гончарова къ прошлому.—Д. С. Мережковскаго . . . 205
Гончаровъ и мѣщанство.—Иванова-Разумника 213

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Обращаемъ вниманіе читателей на превосходныя статьи Бѣлинскаго, Добролюбова, Овсянико-Куликовскаго, Мережковскаго и Григорьева.

Прекрасна статья Айхенвальда, за исключеніемъ того мѣста, гдѣ говорится о любви въ произведеніяхъ Гончарова.

Съ особой осторожностью надо пользоваться статьей Иванова-Разумника, непріятно-поражающей развязностью тона и поверхностнымъ отношеніемъ къ разбираемому автору. Замѣтивъ призракъ мнимаго мѣщанства въ произведеніяхъ Гончарова, Ивановъ-Разумникъ проглядѣлъ тотъ первостепенной важности фактъ, что для Ивана Александровича особенно характерна *„конечная неудовлетворенность прозаическимъ ходомъ существованія, конечная побѣда центробѣжнаго начала надъ осѣдлостью“*.

Нельзя видѣть мѣщанства въ писателѣ, который заставляетъ Адуева-дядю подъ старость раскаяться въ своемъ мѣщанствѣ,—а въ Ольгѣ сумѣлъ подмѣтить ту тоску въ счастьи, какая составляетъ украшеніе, гордость этой чудной женщины.

Н. Г. Прилуко-Прилуцкій.

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/goncharov01pril

Основныя особенности таланта и творчества Гончарова.

(Цѣльность и крѣпость души Гончарова.—Оптимизмъ его.—Спокойный взглядъ на смерть.—Трезвость взгляда на міръ.—Простота и здоровье могучаго таланта.—Ровный свѣтъ разумной любви къ человѣческой жизни.—Пониманіе темной стороны жизни.—Въ чемъ Гончаровъ видитъ основной трагизмъ жизни?—Юморъ Гончарова.—Высокій комизмъ его образовъ.—Античная любовь къ будничной сторонѣ жизни.—Вліяніе характера на среду.—Вліяніе среды на характеръ.—Анализъ и синтезъ.—Гигантское растеніе и роса художественныхъ мелочей).

Однажды, на Индійскомъ океанѣ, близъ мыса Доброй Надежды, Гончарову пришлось испытать сильный штормъ. „Штормъ былъ классическій, во всей формѣ,—разсказываетъ онъ—въ теченіе вечера приходили раза два за мной сверху, звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ съ одной стороны вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи“... Но не удалось. Вода случайно проникла черезъ открытые люки въ каюту. Дѣлать нечего, онъ неохотно поднялся и пошелъ на палубу. „Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.

— Какова картина?—спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

— Безобразіе, безпорядокъ!—отвѣчалъ я, уходя, весь мокрый, въ каюту перемѣнить обувь и бѣлье“.

Эта маленькая сцена чрезвычайно характерна для творца „*Обломова*“. Люди привыкли восхищаться необычайнымъ, поражающимъ, рѣдкимъ въ природѣ и въ жизни. *Гончаровъ, проходя равнодушно мимо яркихъ эффектовъ, относится гораздо внимательнѣе и любовнѣе къ простому и будничному.*

«Зачѣмъ оно, это дикое и грандіозное? спрашиваетъ онъ себя при созерцаніи мирной обломовской природы, —море, напримѣръ? Богъ съ нимъ. Оно наводитъ только грусть на человѣка: глядя на него, хочется плакать. Сердце смущается робостью передъ необозримой неленой водъ»... Поэтъ, *влюбленный въ дѣйствительность, въ земной міръ*, чувствуетъ себя подавленнымъ величіемъ моря. Оно ему чуждо со своей неразгаданной пѣснью о чемъ-то таинственномъ и темномъ, лежащемъ за гранью жизни. Горы и пропасти тоже привлекаютъ его мало. «Онѣ созданы, —говоритъ онъ—не для увеселенія человѣка. Онѣ грозны, страшны». И *онъ обращается съ любовью къ тихому уголку будничной обломовской природы.*

Небо тамъ — въ благословенной Обломовкѣ, «ближе жмется къ землѣ, но не съ тѣмъ, чтобы метать сильнѣе стрѣлы, а развѣ только, чтобы обнять ее покрѣпче, съ любовью: оно распростерлось такъ невысоко надъ головой, какъ родительская надежная кровля, чтобы уберечь, кажется, избранный уголокъ отъ всякихъ невзгодъ... Сердце такъ и просится спрятаться въ этотъ забытый всѣми уголокъ и жить никому невѣдомымъ счастіемъ. Все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до сѣдины волосъ и незамѣтную, сну подобную, смерть».

Вотъ природа, какъ ни одинъ изъ новыхъ поэтовъ не понимаетъ ея—природа, *лишенная тайны, ограниченная и прекрасная, какой представляли ее древніе*: декорація для идилліи Ѳеокритовскихъ пастуховъ или, еще лучше, для счастія патріархальныхъ помѣщиковъ.

Когда Гончаровъ видитъ дикое, нетронутое рукой человѣка мѣсто, ему не по себѣ, неуютно, *онъ хочетъ населить* нелюдимую природу, украсить ее слѣдами человѣческой цивилизаціи.

Близъ Нагасаки смотритъ онъ на пустынные берега Японіи: «Вонъ тотъ холмъ, какъ онъ ни зеленъ, ни пріютенъ, но ему чего-то недостаетъ; онъ долженъ бы быть увѣнчанъ бѣлой колоннадой съ портикомъ или виллой, съ балконами на всѣ стороны, съ паркомъ, съ бѣгущими по отлогостямъ тропинками. А тамъ, въ рытвинѣ, хорошо бы устроить спускъ и дорогу къ морю, да пристань, у которой шипѣли бы пароходы и гомозились люди... Здѣсь бы

хорошо быть складочнымъ магазинамъ, передъ которыми тѣснились бы суда съ лѣсомъ мачтъ»...

Вспомните великихъ романтиковъ, изгнанниковъ изъ общества, вродѣ Байрона или Лермонтова. Природа имъ казалась прекрасной только тогда, когда она не тронута, не оскорблена рукою человѣка. Конечно, не пожелали бы они складочныхъ магазиновъ и дыма пароходовъ въ дикомъ первобытномъ пейзажѣ. Они радуются, что въ пустынѣ, внемлющей Богу, не раздается «въ торжественный хваленья часъ, лишь человѣка гордый гласъ». Для Лермонтова «звуковъ небесъ замѣнить не могли скучныя пѣсни земли»; *для Гончарова на землѣ—все, вся его любовь, вся его жизнь.* Онъ не рвется отъ земли, *онъ крѣпко привязанъ къ ней* и, подобно античнымъ поэтамъ, *видитъ въ ней свою родину*; прекрасный, уютный человѣческій міръ онъ не согласится отдать за звѣздныя пространства неба, за чуждыя тайны природы.

Цѣльность и крѣпость души его не надломлены современнымъ недугомъ. Гончаровъ разсудкомъ понимаетъ пессимизмъ. Но въ сердце, въ плоть и въ кровь его не проникла ни одна капля яда. Романическая грусть Ольги въ третьей части Обломова такъ же далека отъ скорби, разрушающей всѣ радости жизни, какъ тѣнь лѣтняго облачка далека отъ байроновской Тьмы, поглотившей міръ.

Степень оптимизма писателя лучше всего опредѣляется его отношеніемъ *къ смерти.* Гончаровъ почти не думаетъ о ней. Въ «Обыкновенной исторіи» ему пришлось говорить, какъ умерла мать Александра Адуева. Эта женщина—живой, яркій характеръ и занимаетъ важное мѣсто въ романѣ. Сынъ присутствуетъ при смерти. А между тѣмъ о кончинѣ ея два слова: «она умерла». Ни одной подробности, ни одного ощущенія, никакой обстановки! И такъ Гончаровъ пишетъ въ эпоху, когда ужасъ смерти составляетъ одинъ изъ преобладающихъ мотивовъ литературы.

Въ счастливой Обломовкѣ смерть—такой же прекрасный обрядъ, такая же идиллія, какъ и жизнь. Это, кажется, — та самая «безболѣзненная, мирная кончина живота», о которой молятся вѣрующіе. Адуевъ, во второмъ своемъ періодѣ—примиренія съ жизнью, разсуждаетъ такъ: «не страшна и смерть—она представляется не пугаломъ, а

прекраснымъ опытомъ. И теперь уже въ душу вѣетъ невѣдомое спокойствіе»...

Обломовъ умеръ мгновенно, отъ апоплексическаго удара; никто и не видѣлъ, какъ онъ незамѣтно перешелъ въ другой міръ. Хозяйка «застала его, такъ же кротко покоящагося на одрѣ смерти, какъ на ложѣ сна»... «Что же стало съ Обломовымъ?—спрашиваетъ авторъ.—гдѣ онъ? гдѣ? На ближайшемъ кладбищѣ, подъ скромной урной, покоится тѣло его между кустовъ, въ затишьѣ. Вѣтки сирени, посаженныя дружеской рукой, дремлютъ надъ могилой, да безмятежно пахнетъ полынь. Кажется, самъ ангелъ тишины охраняетъ сонъ его». Вотъ *спокойный взглядъ на смерть*, какимъ онъ былъ въ древности, у простыхъ и здоровыхъ людей. Смерть—только вечеръ жизни, когда легкія тѣни Элизіума слетаютъ на очи и смежаютъ ихъ для вѣчнаго сна.

Александръ Адуевъ, человѣкъ еще молодой, но пресыщенный жизнью, входитъ въ старую деревенскую церковь. Тихое вечернее солнце озаряло иконы... Свѣжій вѣтерокъ врывался въ окно... Вверху, въ куполѣ, звучно кричали галки и чирикали воробьи... «Въ душѣ Александра пробуждались воспоминанія. Онъ мысленно пробѣжалъ свое дѣтство и юношество до поѣздки въ Петербургъ; вспомнилъ, какъ, будучи ребенкомъ, онъ повторялъ за матерью слова молитвы, какъ она твердила ему объ ангелѣ-хранителѣ... какъ она, указывая ему на звѣзды, говорила, что—это очи божьихъ ангеловъ, которые смотрятъ на міръ и считаютъ добрыя и злыя дѣла людей; какъ небожители плачутъ, когда въ итогѣ окажется больше злыхъ, нежели добрыхъ дѣлъ. Показывая на синеву дальняго горизонта, она говорила, что это—Сіонъ»...

Вотъ религія, какъ она представляется Гончарову.—*религія, которая не мучитъ человѣка* неутолимой жаждой Бога, *а ласкаетъ и согрѣваетъ сердце*, какъ тихое воспоминаніе дѣтства.

По изумительной трезвости взгляда на міръ Гончаровъ приближается къ Пушкину. Тургеневъ опьяняетъ красотой, Достоевскій — страданіями людей, Левъ Толстой—жаждой истины, и всѣ они созерцаютъ жизнь съ особенной точки зрѣнія. Дѣйствительность немного искажается, какъ очертанія предметовъ на взволнованной поверхности воды.

У Гончарова нѣтъ опьяненія. Въ его душѣ жизнь рисуется невозмутимо-ясно, какъ мельчайшія былинки и далекія звѣзды отражаются въ лѣсномъ глубокомъ родникѣ, защищенномъ отъ вѣтра. *Трезвость, простота и здоровье могучаго таланта* имѣютъ въ себѣ что-то освѣжающее. Какъ бы ни были прекрасны созданія другихъ современныхъ писателей, въ нихъ почти всегда есть какой-нибудь темный уголъ, откуда вѣетъ на читателя холодомъ и ужасомъ. *Такихъ страшныхъ угловъ нѣтъ у Гончарова.* Все огромное зданіе его эпопей озарено *ровнымъ свѣтомъ разумной любви къ человѣческой жизни.*

А между тѣмъ *онъ понимаетъ не меньше другихъ ея темную сторону.* Наивный романтикъ, Александръ Адуевъ, влюбленный въ стихи, луну и Шиллера, свято вѣрующій въ любовь, дружбу и безкорыстіе людей, пріѣзжаетъ изъ провинціальной глуши въ Петербургъ. Онъ влюбляется. Любовь измѣняетъ разъ, два... потомъ измѣняетъ дружба. Бѣдный романтикъ не выдерживаетъ, приходитъ въ отчаяніе. Въ эпилогѣ у бывшаго поклонника Шиллера — плѣшь, почтенное брюшко, начало геморроя, прекрасное жалованье и богатая невѣста. «Ты, кажется, идешь по моимъ слѣдамъ?» — спрашиваетъ его дядя, чиновникъ-карьеристъ. — «Пріятно бы, дядюшка!—Дядя, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ нѣсколько минутъ съ уваженіемъ на племянника —И карьера, и фортуна! — говорилъ онъ почти про себя, любуясь имъ... Александръ — гордо, торжественно прибавилъ онъ—ты моя кровь, ты Адуевъ! Такъ и быть, обними меня!»

Тотъ же трагизмъ пошлости, спокойный, будничный трагизмъ — основная тема «Обломова». Илья Ильичъ возвращается домой, навѣки разставшись съ Ольгой. Онъ убитъ горемъ — такимъ, отъ котораго люди умираютъ. Любовь, т. е. послѣдняя надежда выкарабкаться изъ пошлости, исчезла. Онъ знаетъ, что теперь ему нѣтъ спасенія отъ апатіи, отъ лѣни, отъ нравственнаго паденія. Онъ долженъ погибнуть. Обломовъ «почти не замѣтилъ, какъ Захаръ раздѣлъ его, стащилъ сапоги и накинулъ на него халатъ».

— «Что это»?—спросилъ онъ только, поглядѣвъ на халатъ.

— «Хозяйка сегодня принесла: вымыли и починили халатъ,—сказалъ Захаръ... Обломовъ, какъ сѣлъ, такъ и остался въ креслѣ».

Но вотъ чистый образъ Вѣры. Онъ стоитъ такъ высоко надъ будничной жизнью, что, конечно, пошлость не посмѣетъ запятнать его.

Но мутная волна захлестнула и Вѣру, эту гордую весталку, «мерцающую, таинственную ночь», какъ называетъ ее Гончаровъ. Паденіе, грѣхъ сводятъ Вѣру съ пьедестала. Богиня развѣнчана.

Пошлость, торжествующая надъ чистотой сердца, любовью, идеалами — вотъ для Гончарова основной трагизмъ жизни. Другіе поэты дѣйствуютъ на читателя смертью, муками, великими страстями героевъ, *онъ потрясаетъ насъ—самодовольной улыбкой начинающаго карьериста, халатомъ Обломова промокшими ботинками Вѣры* въ ту страшную ночь, когда она вернулась отъ обрыва, отъ Волохова...

Юморъ Грибоѣдова и Гоголя почти совсѣмъ изсякъ въ русской литературѣ.

Вмѣсто прежняго смѣха, у Тургенева, Толстого, Достоевскаго кое-гдѣ слабая улыбка, болѣзненная, какъ лучъ солнца въ сѣверную осень; у Щедрина рѣзкій, желчный хохотъ.

Гончаровъ въ этомъ случаѣ представляетъ отрадное исключеніе. Онъ *первый великій юмористъ послѣ Гоголя и Грибоѣдова.* Захаръ, слуга Обломова, навѣки останется воплощеніемъ крѣпостного права, всего смѣшного и жалкаго, чѣмъ рабство сказывается въ людяхъ. Безконечная вереница слугъ—Василиса, Евсѣй, Анисья, Марина, Егорка, Улита, наконецъ, самъ Обломовъ—всѣ эти фигуры, не уступающія созданіямъ Гоголя, озарены *высокимъ комизмомъ*, который даетъ не меньшее наслажденіе, чѣмъ идеальная красота.

Гомеръ въ своихъ описаніяхъ подолгу останавливался съ особенною любовью на прозаическихъ подробностяхъ жизни. Онъ до мельчайшихъ деталей изображаетъ, какъ его герои и полубоги ѣдятъ, пьютъ, принимаютъ ванну, спятъ, одѣваются. Для Гомера нѣтъ некрасиваго въ жизни. Такъ же наивно и просто, какъ онъ говоритъ о смерти великихъ мужей, о совѣтѣ боговъ, о разрушеніи Трои, онъ разсказываетъ о грязномъ платьѣ, которое отправилась мыть

на рѣчку царская дочь Навзикая съ рабынями; онъ съ дѣтскимъ простодушіемъ описываетъ, какъ

Начали платья онѣ полоскать, и потомъ, до-чиста ихъ
Вымывъ, по взморью на млекоблестящемъ хрящѣ, наносимомъ
На берегъ плоскій морскою волною, ихъ всѣ разостлали.

Такая же античная любовь къ будничной сторонѣ жизни, такая же способность однимъ прикосновеніемъ преображать прозу дѣйствительности въ поэзію и красоту, составляетъ *характерную черту Пушкина и Гончарова.* Перечтите «Сонъ Обломова». Ѣда, чаепитіе, заказываніе кушаній, болтовня, забавы старосвѣтскихъ помѣщиковъ принимаютъ здѣсь гомеровскія идеальныя очертанія.

Вотъ какъ изображается смѣхъ этихъ счастливыхъ людей: «Хохотъ разлился по всему обществу, проникъ до передней и до дѣвичьей, объялъ весь домъ, всѣ вспоминаютъ забавный случай, всѣ хохочутъ долго, дружно, несказанно, какъ олимпійскіе боги. Только начнутъ умолкать, кто-нибудь подхватитъ опять—и пошло писать». И дальше почти на цѣлой страницѣ описывается этотъ гомерическій хохотъ. Патріархальные нравы обломовскихъ помѣщиковъ до такой степени фантастичны, не современны и своими эпическими размѣрами напоминаютъ сказку, что читатель нисколько не удивляется, когда Гончаровъ прямо изъ Обломовки переноситъ его въ героическую среду древне-русскихъ сказаній и былинъ.

Какъ все это не похоже на легкую, поверхностную манеру, на полунебрежный стиль современныхъ романистовъ! Кажется, что творецъ «Обломова» покидаетъ здѣсь перо и берется за древнюю лиру; онъ уже не описываетъ—онъ воспѣваетъ нравы обломовцевъ, которыхъ недаромъ приравниваетъ къ «олимпійскимъ богамъ».

Гончаровъ описываетъ комнату Обломова. Мы едва взглянули на героя, не слышали изъ устъ его ни одного слова, но уже знакомы съ нимъ по мельчайшимъ подробностямъ обстановки: по этой паутинѣ, фестонами лѣпящейся около картинъ, по запыленнымъ зеркаламъ, по пятнамъ на коврахъ, по забытому на диванѣ полотенцу, по тарелкѣ на столѣ, неубранной отъ вчерашняго ужина, съ солонкой и

съ обглоданной косточкой, по пыльнымъ и пожелтѣвшимъ страницамъ давно развернутой и давно нечитанной книги, по номеру прошлогодней газеты, по чернильницѣ, изъ которой, «если обмокнуть въ нее перо, вырвалась бы развѣ только съ жужжаньемъ испуганная муха». *Окраска характера такъ сильна, что она кидаетъ свой отблескъ на всѣ приближающіеся предметы.*

Вотъ спальня молодой аристократки. «Если книга въ богатомъ переплетѣ оказывалась лежащею на диванѣ, на стулѣ, — Надежда Васильевна (старая тетка) ставила ее на полку; если западалъ слишкомъ вольный лучъ солнца и игралъ на хрусталѣ, на зеркалѣ, на серебрѣ, — Анна Васильевна (другая тетка) находила, что глазамъ больно, молча указывала человѣку пальцемъ на портьеру, и тяжелая, не гнущаяся шелковая завѣса мѣрно падала съ петли и закрывала свѣтъ».

Софья Николаевна Бѣловодова, «Венера Невы, окруженная крещенскимъ холодомъ», могла бы не появляться — *мы уже чувствуемъ ея аристократическую чопорность, строгую обрядность жизни по этой тяжелой завѣсѣ*, падающей на лучъ солнца, также какъ чуется намъ лѣнь, апатія, безпорядочность русскаго барина во вчерашней тарелкѣ Обломова съ обглоданной косточкой. Что можетъ быть, повидимому, значительнаго и характернаго въ томъ, какъ человѣкъ одѣваетъ туфли, а между тѣмъ Гончаровъ влагаетъ въ эту мелочь столько же содержанія, сколько другіе поэты въ цѣлыя событія, монологи, катастрофы.

«Когда на душѣ Обломова было спокойно и тихо, когда жизнь его не трогала, и Штольцъ не звалъ къ дѣятельности, вставая съ постели, онъ, не глядя, привычнымъ движеніемъ попадалъ ногами прямо въ туфли». Но въ немъ пробудились сомнѣнія, заговорило раскаяніе. «Теперь или никогда!» «Быть или не быть!» — разсуждаетъ онъ. И вотъ Илья Ильичъ «приподнялся-было съ кресла, но не попалъ сразу ногой въ туфлю и сѣлъ опять».

Каждый изъ характеровъ, созданныхъ Гончаровымъ, — идеальное обобщеніе человѣческой природы. Скрытая идея поднимаетъ на недостижимую высоту мелкія подробности быта, дѣлаетъ ихъ прекрасными и цѣнными.

Гончаровъ показываетъ намъ не только *вліяніе характера на среду*, на всѣ мелочи бытовой обстановки, но и обратно—*вліяніе среды на характеръ*.

Онъ слѣдитъ, какъ мягкія степныя очертанія холмовъ, какъ жаркое «румяное» солнце Обломовки отразились на мечтательномъ, лѣнивомъ и кроткомъ характерѣ Ильи Ильича; какъ сырость, холодъ и мракъ глубокихъ ледниковъ и рабская должность сказались на нелюдимомъ, сосредоточенномъ нравѣ старой ключницы Улиты, этого полуфантастическаго крѣпостного гнома. Онъ выяснилъ до неуловимыхъ мелочей *вліяніе такого явленія, какъ крѣпостное право, на привычки, страсти, идеалы нѣсколькихъ поколѣній*.

Гончаровъ *разлагаетъ ткань жизни до ея первоначальной клѣтки*, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладаетъ могучей способностью *творческаго синтеза*: воображеніе его создаетъ отдѣльные міры эпопей и потомъ соединяетъ ихъ стройныя системы. Онъ показываетъ, что однимъ и тѣмъ же законамъ добра и зла, любви и ненависти, которые производятъ въ исторіи перевороты, подчинены и мельчайшіе атомы жизни.

«Обыкновенная исторія»—первое произведеніе Гончарова—громадный ростокъ, только что пробившійся изъ земли, еще не окрѣпшій, зеленый, но переполненный свѣжими соками. Потомъ на могучемъ отросткѣ, одинъ за другимъ, распускаются два великолѣпныхъ цвѣтка—«Обломовъ» и «Обрывъ». Всѣ три произведенія—одинъ эпосъ, одна жизнь, одно растеніе. Когда приближаешься къ нему, видишь, что по его колоссальнымъ лепесткамъ разсыпана *цѣлая роса едва замѣтныхъ капель, драгоцѣнныхъ художественныхъ мелочей*. И не знаешь, чѣмъ больше любоваться—красотой ли всего гигантскаго растенія, или же этими мелкими каплями, въ которыхъ отражаются солнце, земля и небо.

Д. С. Мережковскій.

Любовь къ жизни во всѣхъ ея мелочахъ и свѣтлая печаль Гончарова.

(Умственная и нравственная физіономія Гончарова достаточно ясно отразилась въ его художественныхъ твореніяхъ. — Онъ даетъ намъ свою внутреннюю автобіографію.—Недоразумѣніе съ мнимой объективностью Гончарова. — Спокойный лиризмъ и необыкновенная субъективность Гончарова. —Гончаровъ объективенъ, т. е. спокоенъ, только какъ человѣкъ, а не какъ художникъ. — Онъ—организація внутренне-осѣдлая. — Столкновеніе домосѣда и путешественника. — Начало центростремительное и его послѣдствіе: Гончаровъ несравненный мастеръ жанра. — Онъ любитъ человѣка въ его домашней обстановкѣ, среди вещей уютнаго родного угла. — Онъ—поэтъ комнаты, пѣвецъ дома. — Онъ художникъ „фламандской школы". — Добродушный юморъ, освѣщающій его произведенія. — Путешествіе на фрегатѣ „Паллада". — Новые узоры для жанра. — Что интересовало Гончарова въ чужихъ странахъ?— Не въ природѣ для него центръ тяжести,—онъ предпочитаетъ заходу южнаго солнца человѣческое лицо и мило-прозаическія вещи.—Синтезъ свѣта не получился въ его наблюдательной душѣ. — Несложные, однородные люди выписаны Гончаровымъ съ необыкновенной рельефностью, но въ изображеніи болѣе культурныхъ и сложныхъ натуръ ему недостаетъ драматизма, діалога, непосредственной изобрѣтательности. — Растянутость его романовъ. — Блѣдность Штольца и другихъ. — Методъ прямолинейнаго контраста. — Книжность разговоровъ. — Схематичность высшихъ типовъ и всей „необыкновенной исторіи". — Мы не видимъ, какъ собственно идеалистъ превратился въ пошляка.—Гончаровъ не предъявлялъ строгихъ требованій къ человѣку. — Онъ не мятеженъ, не проситъ бури, — но не рисуя зловѣщихъ сторонъ жизни, онъ часто показываетъ ея трогательныя и задушевныя картины.—У него есть сцены, полная нѣжности и ласки. — Любовь въ произведеніяхъ Гончарова.—Изъяны въ изображеніи этого чувства.— Единственное исключеніе: классическое описаніе любви Пшеницыной къ Обломову. — Обломовъ: лучшіе мазки своей кисти авторъ отдалъ на изображеніе его осѣдлости. — Физіологическій характеръ гончаровской обломовщины.—Заслоненіе физическимъ Обломовымъ Обломова души. — Надуманный комментарій Гончарова къ собственнымъ произведеніямъ. — Когда авторъ дѣлается резонеромъ. — Комментаторъ клевещетъ на художника. — Сочувствіе идеалистическимъ порывамъ Ал. Адуева придаетъ лучшій колоритъ „Обыкновенной исторіи". — Конечная побѣда центробѣжнаго начала надъ осѣдлостью спасаетъ Гончарова и его романы отъ порабощенія пошлости и отъ низменнаго и нетребовательнаго оптимизма. — Ольга. — „Паллада".— Агаѳія Матвѣевна.—Резюмэ).

Незадолго до смерти, называя себя «близкимъ кандидатомъ въ покойники», Гончаровъ трогательно просилъ, во

имя своего честнаго служенія перу, чтобы не нарушали его послѣдней воли, не печатали его личной переписки и судили о немъ только по его литературнымъ произведеніямъ. Онъ хотѣлъ отойти въ потомство исключительно какъ авторъ, какъ творецъ «Обломова» и «Обрыва»; онъ хотѣлъ, чтобы мѣриломъ его оцѣнки служили не мимолетныя изъясненія случайныхъ писемъ, а то, что онъ обдумывалъ цѣлыми годами и во что вложилъ свою душу, свои творческіе замыслы.

Исполнить эту естественную и психологически-законную волю слѣдовало бы даже и въ томъ случаѣ, если бы она набрасывала покровъ на интересныя черты для его характеристики.

Но въ дѣйствительности этого нѣтъ: *умственная и нравственная физіономія Гончарова достаточно ясно отразилась въ его художественныхъ твореніяхъ*, и намъ вовсе не нужна его переписка, для того чтобы знать, кто онъ.

Въ заключительной главѣ «Обломова» мы видимъ даже его внѣшность: передъ нами является «литераторъ», полный, съ апатическимъ лицомъ, задумчивыми, какъ-будто сонными глазами».

А въ томъ классическомъ и для всѣхъ открытомъ письмѣ, которое представляетъ собою «Фрегатъ Паллада», онъ много разсказываетъ о себѣ, о своей жизни, и на картины чужой природы, на описаніе всего путешествія, налагаетъ яркій отпечатокъ своей личности.

Онъ смотритъ на насъ изъ своихъ произведеній, такъ что мы можемъ прочесть не только ихъ, но и его самого; *онъ даетъ намъ свою внутреннюю автобіографію.*

Тѣмъ разительнѣе то *глубокое недоразумѣніе*, въ силу котораго *Гончарова нерѣдко называютъ писателемъ объективнымъ*: таковъ эпитетъ, который издавна придавали ему русскіе критики.

Между тѣмъ *въ свои романы Гончаровъ свою натуру перенесъ всецѣло и нисколько не отрѣшился отъ себя*, когда живописалъ другихъ людей.

У него и помину нѣтъ о той строгой объективности, которая подавляетъ въ художникѣ его сочувствія и непріязни и безъ всякаго замѣтнаго посредничества ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ жизнью и людьми.

Мы слишкомъ ясно видимъ, кого и что онъ любитъ, кому онъ отказываетъ въ своей симпатіи; напримѣръ, рисуя фигуры Волохова и Тушина, онъ не скрываетъ, къ которой изъ нихъ лежитъ его сердце; онъ явно раздѣляетъ «бабушкину мораль», и не писатель-объективистъ провожаетъ Вѣру въ обрывъ этой лирической мольбою: «Боже, прости ее, что она обернулась!».

Такой же *лиризмъ, конечно, спокойный*, сказывается у него и въ описаніи любви Адуева и Наденьки, и на многихъ другихъ страницахъ.

Гончаровъ *необычайно субъективенъ* въ произведеніяхъ своего пера, онъ и не пытается достигнуть писательскаго безпристрастія, и даже, не умѣя индивидуализировать слога, *заставляетъ свои персонажи говорить пластическимъ языкомъ самого автора:* вѣдь молодой Адуевъ и Райскій, Штольцъ въ своихъ послѣднихъ бесѣдахъ съ Ольгой, Обломовъ въ своихъ тирадахъ противъ столичной жизни—всѣ они выражаются одинаково, и всѣ они употребляютъ тѣ же красивыя, стройныя, образныя фразы, которыя спокойно и медлительно текутъ изъ устъ самого писателя на тѣхъ многочисленныхъ страницахъ, гдѣ онъ прерываетъ нить непосредственнаго дѣйствія для своихъ разсужденій и характеристикъ.

Иногда гончаровская рѣчь или отдѣльная фраза, неосторожно вложенная въ уста какого-нибудь героя, даже рѣзко поражаетъ своимъ несоотвѣтствіемъ говорящему лицу; вспомните, напримѣръ, какъ Татьяна Марковна въ «Обрывѣ» опредѣляетъ остроту: «острота фальшива, принарядится краснымъ словцомъ, смѣхомъ, ползетъ, какъ змѣй, въ уши, норовитъ подкрасться къ уму и помрачить его»—развѣ это бабушкины рѣчи?

Если возникла все-таки по отношенію къ Гончарову иллюзія объективнаго творчества, то это объясняется лишь тѣмъ, что *онъ былъ объективенъ*, т. е. *спокоенъ, какъ человѣкъ* (а не какъ художникъ!), что *внутренній міръ его*, котораго онъ ничѣмъ и не старался заслонить, *самъ-то былъ тихъ и созерцателенъ, сторонился огня и страсти, жизнь переносилъ легко и окрашивалъ ее въ свѣтлыя и мирныя краски*

Прирожденную безмятежность духа не будемъ смѣшивать съ художественной объективностью. Не дадимъ себя убаюкать

невозмутимому краснорѣчію Гончарова, отъ котораго онъ щедро удѣляетъ и своимъ героямъ; разсѣемъ чары этого плавнаго, слишкомъ плавнаго стиля, который напоминаетъ комнату съ мягкой мебелью и портьерами, устланную пушистыми коврами, гдѣ скрадывается гулкій шумъ жизненныхъ шаговъ, умѣряются диссонансы и волненія страстей.

И вотъ, вглядываясь въ Гончарова, поскольку онъ отразился въ своихъ романахъ, мы видимъ, что *онъ никогда на спѣшитъ, никуда не торопится*, что это — *организація внутренне-осѣдлая*, привязанная къ данному укладу жизни, хотя во имя высшаго идеала, во имя нравственной красоты, и осуждающая въ себѣ эту цѣпкую привязанность.

Затаенное, но сказывающееся въ юморѣ, *бореніе двухъ моментовъ*, центростремительнаго и центробѣжнаго, *столкновеніе домосѣда и путешественника*,—вотъ что *характеризуетъ Гончарова*.

Конечно, эта разладица и двойственность въ большей или меньшей степени свойственна каждому человѣческому существу, но у нашего писателя она пріобрѣтаетъ особую силу и значительность, потому что *начало центростремительное*, земное «жизни тяготѣнье», не только *досталось ему въ прочное, неизбывное наслѣдство* отъ цѣлаго ряда домовитыхъ поколѣній, но *и нашло себѣ въ его собственномъ сердцѣ* исключительно *благодарную*, хотя уже и облагороженную *почву*.

И потому Гончаровъ прежде всего—несравненный мастеръ жанра, и въ этой сферѣ заключается его главная сила, сюда принадлежатъ его лучшія страницы.

Онъ *любитъ человѣка въ его домашней обстановкѣ*, въ кругу разнообразныхъ мелочей повседневнаго, мирно текущаго быта, *среди вещей уютнаго родного угла*.

Онъ — *поэтъ комнаты, пѣвецъ дома*; его привлекаетъ какое-нибудь село Грачи или маленькій сонный городокъ и его незатѣйливые домики съ мезонинами и садиками, гдѣ живутъ хотя и сонныя, но все-таки милыя человѣческія души, гдѣ онъ встрѣчаетъ женщину, «весь вѣкъ проведшую въ своемъ переулкѣ, безъ суматохи, безъ страстей и волненій».

Онъ съ наслажденіемъ рисуетъ nature morte и тѣхъ, кто близокъ къ ней по несложности своего психическаго

міра, — слугъ, Агаѳью Матвѣевну, эту царицу хозяйства, простодушную Мароиньку.

Его занимаетъ жизнь свѣтлая, открытая, гдѣ прозрачны дома и души. Ему близка, ему дорога Обломовка, гдѣ царитъ природа прирученная, гдѣ небо приближено къ землѣ и сама поэтическая луна очень походитъ на мѣдный вычищенный тазъ,—Обломовка во всѣхъ ея видахъ и оттѣнкахъ, и онъ самъ говоритъ, что унесъ ея почву съ собою въ тропическія страны, и тамъ вспоминалъ ея тишину, ея волжскіе пейзажи.

Въ русской литературѣ онъ является *художникомъ фламандской школы*: его тѣшитъ ея «пестрый соръ», его интересуетъ самый обрядъ жизни, и, *поэтъ обыденности*, онъ умѣетъ извлекать теплое и задушевное изъ хозяйственной прозы. Онъ освѣщаетъ ее ласковымъ огонькомъ своего *добродушнаго юмора*, который распространяетъ и на самого себя: Гончаровъ сознаетъ свою врожденную слабость въ вещамъ, къ комфорту, къ порядку, ради котораго отвергается даже величавое и грозное зрѣлище бури въ океанѣ,—онъ сознаетъ ее и посмѣивается надъ нею, далекій отъ всякаго педантизма, не склонный возводить свое удобство въ неприкосновенный догматъ.

Ибо здѣсь начинаетъ уже свою работу *второе начало его духа—центробѣжное.* Онъ любитъ свой кабинетъ подъ надежной кровлей, свое покойное кресло,—но въ немъ живутъ и мечты путешественника, въ немъ свѣжи и плѣнительны впечатлѣнія отъ разсказовъ моряка Якубова. И его, казалось бы -упорнаго домосѣда, зовутъ къ себѣ даже не края сосѣдней Европы: ему чудятся «Азія, міръ праотца Адама, юная Колумбова земля», его манятъ «пловучіе наѣзды»

Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія плещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ ліетъ созвѣздіе Креста.

И вотъ онъ покидаетъ безопасное жилище для кругосвѣтнаго плаванія на парусномъ суднѣ, ввѣряетъ морскимъ волнамъ и случайностямъ пути свое здоровье и жизнь.

Героическимъ моментомъ и поэзіей его существованія было это путешествіе; но *и оно сослужило писателю главнымъ образомъ ту службу, что дало ему новые узоры для*

жанра,—грандіознаго жанра, предметомъ котораго сдѣлался почти весь міръ.

Всюду, куда ни заносятъ Гончарова судьба и корабль, *онъ подмѣчаетъ все типическое, характерное, внѣшне-человѣческое*; его интересуютъ *лица, голоса, манеры, одежды, жилища*,— все то разнообразіе наружныхъ формъ и проявленій общежитія, въ какое облекается человѣкъ на протяженіи земель и морей.

Въ Лондонѣ, «чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски» мертваго британскаго музея, Гончарову нравится лучше простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и наблюдать *живыя уличныя сценки*; въ Капской землѣ, въ Китаѣ, въ Японіи, въ Индіи, въ Сибири—вездѣ онъ присматривается къ тому, какъ люди разговариваютъ между собою, *чѣмъ они окружаютъ себя, что ѣдятъ*; вездѣ тяготѣетъ онъ *къ однимъ и тѣмъ же впечатлѣніямъ домашняго быта и привлекательныхъ мелочей жизни*, вездѣ посвящаетъ свое роскошное перо описанію обѣдовъ, вещей, комнатной обстановки.

Онъ взялъ съ собою въ кругосвѣтное путешествіе всю свою палитру жанриста, и даже разновидность безсмертнаго Захара возитъ онъ съ собою — въ лицѣ своего вѣстового Ѳаддеева, къ которому нѣтъ-нѣтъ, да возвращается отъ созерцанія экзотическихъ красотъ.

И хотя природа тропиковъ вдохновила его на удивительно-красивыя описанія, но въ то же время онъ не стѣсняется примѣнять къ ней все тѣ же будничныя сближенія: сравниваетъ Юпитеръ съ золотой пуговицей, горизонтъ--съ занавѣской, цвѣтъ моря—съ цвѣтомъ ботвиньи. И вы чувствуете, что *не въ природѣ для него центръ тяжести*, что онъ предпочитаетъ заходу южнаго солнца *человѣческое лицо и мило-прозаическія вещи*. Его занимаетъ не столько буря въ Тихомъ океанѣ, сколько тотъ хаосъ, который она произвела въ его каютѣ, и тѣ ухищренія, съ какими Ѳаддеевъ приноситъ пищу во время качки...

Прежде чѣмъ отправиться въ путешествіе, которое должно было спасти его отъ «вѣчныхъ будней», отъ «мелкихъ, надоѣвшихъ явленій», Гончаровъ впалъ въ страшное и глубоко-характерное для него *сомнѣніе*: «Хватитъ-ли души вмѣстить вдругъ неожиданно развивающуюся картину міра? Вѣдь это дерзость почти титаническая! Гдѣ взять силы.

чтобы воспринять массу великихъ впечатлѣній? И когда ворвутся въ душу эти великолѣпные гости, не смутится-ли самъ хозяинъ среди своего пира?»

Что же, вышелъ-ли обличитель и пѣвецъ Обломовки съ честью изъ этого испытанія? Не подавилъ-ли его своимъ величіемъ тотъ міръ, который онъ объѣзжалъ на знаменитомъ фрегатѣ?

Міръ всколыхнулъ его душу, исторгъ изъ нея прекрасныя слова художественнаго удивленія передъ тропической ночью, передъ чистымъ созвѣздіемъ Южнаго Креста, иногда чаровалъ его иллюзіей волшебной сказки, — но *въ общемъ Гончаровъ остался спокоенъ*: глубокаго переворота въ немъ не совершилось, и ничто, ни одно грандіозное зрѣлище не вывело его надолго изъ его яснаго настроенія и неизмѣнной душевной трезвости.

Восторженнаго не ищите на страницахъ Гончарова. И, кромѣ того, онъ объѣхалъ кругомъ свѣта, но *синтезъ свѣта не получился въ его наблюдательной душѣ.*

Міръ раздробился, раскололся для него на мелочи и житейскія детали, прошелъ передъ его глазами длинной вереницей обыкновенныхъ людей и будничныхъ событій, и Гончаровъ низвелъ его къ уровню нормальныхъ человѣческихъ силъ и взглядовъ, описалъ его доступными для всѣхъ красками, изобразилъ его въ рядѣ привѣтливыхъ картинокъ. Величественныя силы вселенной не подавили въ немъ способности къ неожиданной шуткѣ, и онъ могъ съ улыбкой говорить о космическомъ. Вотъ, напримѣръ, онъ начинаетъ рѣчь о зрѣющихъ чудесахъ индійской природы, онъ видитъ ея творческія мечты «какъ вдохновенныя мысли на лицѣ художника». — здѣсь можно слышать, «какъ растетъ трава», и онъ надѣется услышать, какъ растетъ... «хоть сладкій картофель или табакъ». *Міръ сталъ прозаиченъ, и путешественникъ имѣетъ право относиться къ нему безъ трепета:* въ Гонъ-Конгѣ, на межѣ Индіи и Китая, нельзя даже поѣздить на слонѣ, потому что единственный слонъ занятъ.—работаетъ на сахарномъ заводѣ...

Если *безподобный жанръ составляетъ лучшую эстетическую заслугу Гончарова* и если *несложные и однородные люди выписаны имъ съ необыкновенной рельефностью*, то, съ другой стороны, *чѣмъ выше поднимается нашъ писатель надъ уров-*

немъ некультурнаго, первобытнаго, элементарнаго человѣка, тѣмъ блѣднѣе и скучнѣе становится его кисть: у него *недостаетъ драматизма, діалога, непосредственной изобразительности,* и онъ замѣняетъ ее тѣми общими характеристиками и разсужденіями, которыя такъ *невозможно растягиваютъ его романы*—и лишаютъ ихъ энергіи и дѣйствія, *отнимаютъ* у нихъ всякій *рисунокъ, архитектонику,* и дѣлаютъ ихъ похожими на Обломова.

Когда онъ подходитъ къ натурѣ болѣе или менѣе сложной, его въ значительной степени покидаетъ художникъ и съ нимъ остается умный человѣкъ; въ такой натурѣ онъ тонко подмѣтитъ и колоритно опишетъ то простое и внѣшнее, что въ нея есть, то, чѣмъ она приближается къ Захару или Агаѳьѣ Матвѣевнѣ, — но *болѣе высокія проявленія ея духа не найдутъ себѣ съ его стороны искуснаго освѣщенія и чисто-художнической обработки.* Такіе люди выходятъ у него блѣдными, иногда безъ признаковъ жизни, какъ Штольцъ; волненія такой души отличаются у него сочиненностью, и Гончаровъ намъ *разсказываетъ* о нихъ, но ихъ *не живописуетъ.*

Оттого для изображенія своихъ героевъ онъ неуклонно пользуется *методомъ прямолинейнаго контраста* и одному Адуеву противопоставляетъ другого. Обломова упрекаетъ Штольцемъ, Вѣру оттѣняетъ Марѳинькой.

Почти каждую фигуру онъ сначала пространно характеризуетъ, готовитъ къ ней читателя, а затѣмъ какъ бы оправдываетъ эту характеристику соотвѣтственнымъ діалогомъ,—онъ не рѣшается предоставить героя собственнымъ силамъ и выяснить его физіономію безъ своей авторской помощи, одной только выразительностью разговоровъ и дѣйствій. И если эти *разговоры* возвышаются надъ сферой жизненныхъ мелочей и обыденныхъ интересовъ, если въ нихъ не бьется жилка гончаровскаго юмора,—они *носятъ на себѣ отпечатокъ книжности, слишкомъ красивы и округлены, слишкомъ высокопарны и общи:* таковы въ особенности бесѣды Райскаго съ Бѣловодовой, съ Вѣрой, таковы и бесѣды Обломова съ Штольцемъ и Штольца съ Ольгой. *Въ нихъ нѣтъ дыханія жизни и нѣтъ индивидуальности.*

И самъ Гончаровъ и его критики видѣли въ этомъ его умѣнье и склонность рисовать типы, даръ обобщенія;

но *за типичное они приняли блѣдное, неопредѣленное, расплывающееся.*

Великіе художники-реалисты даютъ типы въ оболочкѣ конкретнаго и индивидуальнаго: родовыя черты выясняются изъ личныхъ, субъективное и частное является въ свѣтѣ общаго, и передъ нами встаетъ живая и особенная личность. У Гончарова мы видимъ разныя, очень интересныя, *схемы человѣка*, но не видимъ типовъ,—опять-таки въ томъ лишь случаѣ, когда онъ удаляется отъ простыхъ героевъ незатѣйливаго жанра (хотя и послѣдніе иногда, какъ Марѳинька, утрированы въ своей цѣльности).

Знаменательно, что Грибоѣдову онъ дѣлалъ упрекъ въ реальности деталей, въ излишней яркости колорита, въ преобладаніи временныхъ моментовъ надъ общечеловѣческими чертами. Для него очень существенно, что *при всей его любви къ человѣческому лицу онъ не всегда умѣетъ рисовать его отчетливыми штрихами*: онъ напишетъ мѣткій портретъ какого-нибудь Евсея, патетически и любовно чистящаго сапоги, яркимъ пятномъ набросаетъ необъятныя бакенбарды Захара, «говорящій носъ» или «всесметающую руку» его жены; онъ однимъ взмахомъ кисти, однимъ выраженіемъ: «за человѣка страшно» сдѣлаетъ для насъ живою фигуру гарнизоннаго полковника: толстаго, коротенькаго, съ налившимся кровью лицомъ и глазами; но когда эта кисть должна воспроизвести *лицо болѣе одухотворенное*, тогда художникъ ограничивается *безцвѣтными и общими мазками и не даетъ намъ физіономіи.*

Про *Лизу*, одну изъ героинь „Обыкновенной исторіи", мы узнаемъ только, что она была „хорошенькая дѣвушка, высокаго роста", главный дѣятель „Исторіи", *Александръ Адуевъ*, представленъ намъ какъ „бѣлокурый молодой человѣкъ, въ цвѣтѣ лѣтъ, здоровья и силъ"; жена старшаго Адуева—молодая, прекрасная женщина: это все примѣты, а не живыя и разнообразныя человѣческія лица. *Ольга Ильинская* въ первый разъ выступаетъ передъ нами просто какъ „прекрасная женщина", и только потомъ она изображается нѣсколько явственнѣе. И внѣшность главнаго своего героя, *Обломова*, Гончаровъ описываетъ такъ: „Это былъ человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ-трехъ отъ роду, средняго роста, пріятной наружности, съ темно-сѣрыми глазами, но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица": конечно, это не описаніе, а общее мѣсто, и физіономіи мы опять-таки не видимъ, не видимъ того Обломова, которому авторъ посвятилъ столько вни

манія и страницъ! Всѣ эти лица нѣсколько напоминаютъ того безцвѣтнаго Алексѣева или Андреева, который приходилъ въ гости къ Обломову...

Такою же *схематичностью*, какъ и большинство героевъ Гончарова, отличается и цѣликомъ одно изъ его произведеній—«*Обыкновенная исторія*». Здѣсь противопоставленіе слишкомъ рѣзко, для того чтобы оно было жизненнымъ, и мы въ концѣ-концовъ имѣемъ не исторію человѣческой души, а исторію карьеры.

Несмотря на значительный объемъ этого романа, на обиліе эпизодовъ и теоретическую помощь автора, который по своему, не объективному, обыкновенію не остается въ тѣни,—несмотря на такую обстоятельность разсказа, *мы все-таки не видимъ, какъ собственно идеалистъ обратился въ пошляка*. Передъ нами зрѣлый и молодой человѣкъ, зрѣлыя и молодыя рѣчи, передъ нами схема опытности и схема увлеченій, но *жизненной конкретности и глубины нѣтъ передъ нами и нѣтъ истиннаго психологическаго анализа*.

Когда въ «Войнѣ и мирѣ» Николай Ростовъ, пылкій юноша-рыцарь, мало-по-малу дѣлается банальнымъ патріотомъ и помѣщикомъ, который бьетъ своихъ крестьянъ, то насъ это не удивляетъ: такъ незамѣтно и такъ естественно подвигался онъ въ своемъ ростѣ, такъ психологически-правильно велъ его Толстой по жизненной, дѣйствительно—обыкновенной дорогѣ.

Между тѣмъ у Гончарова *Адуевъ-племянникъ* долженъ какъ бы олицетворять собою романтическую молодость; но *какъ всякая аллегорія*, онъ не *оказался ни типомъ, ни индивидуальностью*,—онъ *вышелъ блѣденъ и неубѣдителенъ*.

Больше жизни въ его антитезѣ—*Адуевъ старшемъ*: но *и въ немъ жизненно только то, что относится къ сферѣ жанра, дѣловитости, прозы*.

И какъ вездѣ у Гончарова, такъ и здѣсь *наиболѣе конкретны и неподражаемо-хороши фигуры несложныхъ людей*: влюбленные слуги; старикъ Костяковъ, для котораго высшее удовольствіе жизни—провести вечеръ въ банѣ, въ бесѣдахъ о торговлѣ или о преставленіи свѣта; приживальщикъ Антонъ Ивановичъ со своимъ счастливымъ аппетитомъ; и такъ какъ для жанра все одинаково важно, то не забытъ Гончаровымъ и Барбосъ, который во время отъѣзда

Адуева изъ родного гнѣзда, казалось, спрашивалъ глазами: «скажутъ-ли мнѣ, наконецъ, что у насъ сегодня за суматоха?»...

И надъ всѣми этими картинками быта, надъ этимъ противопоставленіемъ столицы маленькому городу, гдѣ всякому извѣстно чужое времяпрепровожденіе и кто куда и зачѣмъ идетъ,—надъ этой идилліей осѣдлости лежитъ *освѣщеніе гончаровскаго юмора*, который вообще скрашиваетъ и ходульность иныхъ героевъ, и книжность иныхъ сценъ. Благодаря этому юмору, этой всегда готовой улыбкѣ, вы чувствуете себя съ Гончаровымъ свободно и легко; *онъ не предъявляетъ строгихъ требованій къ человѣку, не зоветъ его далеко отъ будничной сферы, онъ самъ имѣетъ слабости и признаетъ ихъ въ другомъ*; онъ спокоенъ, никогда ничѣмъ не возмущается и самъ причастенъ тѣмъ грѣхамъ, надъ которыми подсмѣивается, самъ привязанъ душой и тѣломъ къ той Обломовкѣ, которую выставилъ на всенародное позорище. Мирный и уравновѣшенный, слегка насмѣшливый, въ мѣру эпикуреецъ, остроумный и добрый, Гончаровъ, точно Горацій съ Поволожья, всѣмъ доступенъ, никого не подавляетъ, никого не гонитъ отъ себя. Въ немъ нѣтъ мистицизма и мрачныхъ глубинъ Достоевскаго, нѣтъ пророчества и исканій Толстого: *ясное и тихое озеро напоминаютъ его произведенія*.

Онъ не любитъ бури, не способенъ къ ней и устами Райскаго такъ много и краснорѣчиво толкуетъ о страсти именно потому, что самъ ея не испыталъ, да испытать и не хочетъ. «Вѣдь бури и бѣшеныя страсти,—говоритъ онъ въ «Фрегатѣ Паллада», — не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа,—для выдѣлки спокойствія и счастья въ лабораторіи природы».

Да, *онъ не мятеженъ, не проситъ бури*; онъ слишкомъ знаетъ, что въ буряхъ нѣтъ покоя. *Паѳоса бытія нѣтъ въ его произведеніяхъ*; онъ знаетъ скорбь жизни, но не описываетъ ея трагизма, онъ его не видѣлъ; и когда въ Сибири ему встрѣтился несчастливецъ-мужикъ, котораго, по его собственнымъ словамъ, «одолѣло горе», у котораго двадцать пять лѣтъ назадъ убили отца, который потерялъ двухъ женъ, у котораго сгорѣла восьмилѣтняя дочь, у котораго

дважды украли скопленныя великимъ трудомъ деньги, — когда Гончаровъ встрѣтилъ этого мученика, ему стало жутко. «Это страданія Іова!»—думалъ я, глядя на него съ почтеніемъ. Но Дормидонъ (такъ звали мужика) не унывалъ, возилъ пріѣзжихъ, сбывалъ сѣно на пріиски, и Гончаровъ слышалъ, какъ онъ весело крикнулъ сыну-ямщику: «эй, малый, вези по старой дорогѣ!...»

Но, *не рисуя зловѣщихъ сторонъ жизни*, Гончаровъ *часто показываетъ ея трогательныя и задушевныя картины;* онъ умѣетъ съ тихой улыбкой на лицѣ затрогивать добрыя и чуткія струны сердца, и у него есть *сцены, полныя нѣжности и ласки.*

Вотъ чужая женщина, которая не выдержала суроваго прощанія старика Штольца съ Андрюшей и со слезами креститъ его, «сиротку», и цѣлуетъ его,—и онъ плачетъ, обнимая ее, потому что ему послышался голосъ матери, «возникъ на минуту ея нѣжный образъ»; вотъ поэтическій, мелькомъ брошенный силуэтъ Сони Углицкой (въ «Воспоминаніяхъ»); вотъ Титъ Никонычъ изъ «Обрыва», который «любитъ обѣихъ дѣвицъ, какъ родныхъ дочерей», и потихоньку отъ бабушки готовитъ имъ драгоцѣнные подарки; вотъ Лиза изъ «Обыкновенной исторіи», къ которой не вернется Александръ, которая, несмотря на близкую осень, несмотря на то, что ей очень холодно, не хочетъ уѣзжать съ дачи, гдѣ она съ нимъ видалась, и умоляющимъ голосомъ говоритъ отцу: «Погодите! еще воротятся красные дни»; но отецъ ей отвѣчаетъ про Адуева съ пріятелемъ: они не воротятся...—«Не воротятся!—сказала она вопросительно-печальнымъ голосомъ,—потомъ подала отцу руку и тихо, склонивъ голову, пошла домой, оглядываясь по временамъ назадъ».

Есть писатели, для которыхъ *любовь сильнѣе смерти*, которые *любовь окрашиваютъ въ трагическій цвѣтъ.*

Гончаровъ не принадлежитъ къ ихъ числу. Онъ знаетъ страстность Марины или жены Козлова, которая по-книжному говоритъ, что она «топитъ стыдъ въ поцѣлуяхъ»; но *любовь для него—либо нѣжное воркованіе* Адуева и Наденьки, Викентьева и Марѳиньки, *либо спокойное чувство* Адуева-дяди къ своей женѣ, *либо подвигъ спасенія одного изъ любящихъ другимъ.*

Именно послѣдняя, едва-ли не самая мирная разновидность любви, составляетъ одинъ изъ главныхъ моментовъ «Обломова» и «Обрыва»: *Ольга* хочетъ разбудить Обломова, вдохнуть энергію въ его усталую душу. *Вѣра* хочетъ вернуть на путь истины заблудшую овцу, Марка Волохова. *Обѣ онѣ не столько любятъ, сколько спасаютъ*, и Гончаровъ не сознаетъ, что именно поэтому обѣ онѣ терпятъ фіаско, которое, впрочемъ, кончается вполнѣ благополучно,—бракомъ: неудачныхъ спасительницъ въ свою очередь спасаютъ другіе герои.

Ольга нашла, что доброта, умъ и благородство Обломова недостаточны для счастья; она имѣла жестокость въ сценѣ разрыва сказать ему: «а нѣжность... гдѣ ея нѣтъ», и когда Обломовъ, увѣренный, что она его любитъ и не перенесетъ разлуки съ нимъ, въ трогательной заботѣ о ней воскликнулъ: «возьми меня, какъ я есть, люби во мнѣ, что есть хорошаго», то на этотъ крикъ сердца она «отрицательно покачала головой» и успокоила его, чтобы онъ не боялся за нее и за ея горе. И дѣйствительно, ея тоска скоро утихла, и она разсказала Штольцу весь свой романъ съ Ильей, всѣ подробности вплоть до поцѣлуя, въ которомъ Штольцъ (и его любила она разсудочной любовью) великодушно далъ ей отпущеніе. Ольга такъ-же повѣствуетъ другому о своей любви, какъ Вѣра разсказываетъ о своемъ романѣ не только бабушкѣ, и не только Райскій знаетъ о немъ, но и Тушину она сама шепчетъ на ухо о тайнѣ обрыва.

Для Гончарова типично вообще, что *подобныя тайны имѣютъ въ его глазахъ особенную, внѣшнюю важность и подобныя бѣды всегда, по его мнѣнію, грозятъ дѣвушкѣ*: онъ очень часто говоритъ о нихъ, и говоритъ какъ филистеръ.

Безусловный почитатель *законнаго брака*, онъ оберегаетъ дѣвушку отъ „паденія“ столь тщательно, что *это дѣлается, наконецъ, грубо и оскорбительно* и во всякомъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ цѣломудріемъ.

То, напримѣръ, что *Ольга* посѣтила Обломова въ его холостой квартирѣ, возводится и авторомъ и героемъ на степень событія чрезвычайнаго, и особенное вниманіе обращено на то, что Ольга вышла изъ этой квартиры въ „гордомъ сознаніи своей невинности“. *Марфинька* наединѣ съ кузеномъ Райскимъ тоже, если вѣрить Гончарову, подвергалась большой опасности. А когда она въ рощѣ слушаетъ съ Викентьевымъ соловья и затѣмъ упрекаетъ юношу за его смѣлость, и сама про себя говоритъ, что свою сердечную тайну она

шепнула бы бабушкѣ на ушко, а потомъ спрятала бы голову подъ подушку на цѣлый день, и когда она поучаетъ еще, что Викентьевъ тоже долженъ былъ бы свой секретъ сказать на другое ушко бабушкѣ и у ней спросить: „люблю-ли я васъ“,—то отъ этого избытка добродѣтели, которая сама себя такъ сознаетъ и выдвигаетъ, вамъ становится неловко и за Марѳиньку, и за Гончарова, подсказавшаго ей эти, къ счастью, совсѣмъ не правдоподобныя слова—не дѣвственныя и не дѣвичьи. Точно также читатель вовсе не расположенъ нравственно сопровождать бабушку *Татьяну Марковну* въ ея безумномъ хожденіи, которымъ она хотѣла заглушить угрызенія совѣсти за свой давнишній грѣхъ. Наконецъ, *Райскій*, иронически бросившій Вѣрѣ померанцевый букетъ послѣ событія въ бесѣдкѣ, и сама *Вѣра*, до обрыва такая гордая и замкнутая, а послѣ него столь склонная исповѣдоваться въ томъ, до чего никому, кромѣ нея самой, и дѣла нѣтъ,—*все это, вопреки намѣренію Гончарова, не только не производитъ впечатлѣнія чистоты, но и не достигаетъ противоположнаго эффекта.*

Понятно, что на почвѣ такой общительности и такой неуединенности чувства любовь не пронесется ураганомъ, не испепелитъ человѣка. Къ тому же и любовь эта, какъ мы уже сказали, не имѣетъ беззавѣтнаго и безумнаго характера: оттого нераздѣленность чувства оскорбляетъ больше самолюбіе, чѣмъ сердце, и сердце остается неразбитымъ.

Не спасила, а только любила, безхитростно и горячо любила Обломова другая, *невѣжественная и прозаическая женщина*, Агаѳья Матвѣевна, и о *ея любви Гончаровъ разсказалъ такъ ласково и трогательно, разсказалъ, какъ она во время болѣзни Обломова, написавъ крупными буквами на бумажкѣ „Илья“, бѣжала въ церковь*, подавала бумажку въ алтарь помянуть за здравіе; *какъ она закладывала свой жемчугъ*, для того, чтобы слаще кормить его, выхоленнаго и нѣжнаго барина. *Чувство этой несложной натуры Гончаровъ* изобразилъ такъ же *классически*, какъ изображаетъ онъ все несложное, все близкое къ элементарному содержанію жизни.

И въ самомъ Обломовѣ — центральной фигурѣ своего творчества—онъ рельефнѣе всего показалъ не то, что роднитъ его съ людьми высшихъ духовныхъ запросовъ, а то, чѣмъ онъ соприкасается съ непосредственностью жизни и ея немудрствующихъ сыновъ.

Обломовъ больше всѣхъ воплощаетъ собою консервативное, центростремительное начало жизни, но въ то же время онъ

исполненъ глубокаго идеализма и свѣтится своей душевной чистотой.

Въ немъ дорого и прекрасно то, что онъ не дѣлецъ, что онъ — созерцатель, и кроткій голубь, не могъ ужиться въ такой средѣ, гдѣ необходимо дѣло и гдѣ даже юныя и Casta diva поющія дѣвушки, въ родѣ Ольги, предварительнымъ условіемъ и доказательствомъ любви настойчиво признаютъ хозяйственную поѣздку въ деревню или посѣщеніе казенной палаты.

Но порывы своего героя авторъ оставилъ въ сторонѣ; *Илья Муромецъ, который есть въ Ильѣ Обломовѣ, описанъ больше въ томъ періодѣ, когда онъ сиднемъ сидитъ*, чѣмъ когда онъ совершаетъ подвиги духа; *лучшіе мазки своей кисти Гончаровъ отдалъ на изображеніе осѣдлости Обломова.*

Вотъ ее представилъ онъ въ краскахъ гиперболическихъ и въ то же время элементарныхъ. То мертвое озеро жизни, которое характеризуется страшнымъ словомъ обломовщина (вѣдь она страшна, эта тина, засасывающая живыхъ людей), то зло безсилія, безпомощности и равнодушія, которое укладываетъ людей въ «простой и широкій гробъ» соннаго прозябанія, — это зло Гончаровъ взялъ въ самомъ обыденномъ его проявленіи; онъ значительно упростилъ его, низвелъ его къ физической лѣни. Для того, чтобы быть Обломовымъ, вовсе не надо лежать по цѣлымъ днямъ, не разставаться съ халатомъ, плотно ужинать, ничего не читать и браниться съ Захаромъ: можно вести самый подвижный образъ жизни, можно странствовать по Европѣ, какъ это дѣлаетъ Штольцъ, и все-таки быть Обломовымъ.

Гончаровская обломовщина не тонка, она имѣетъ слишкомъ физіологическій характеръ, и авторъ заручился даже медицинскимъ свидѣтельствомъ о болѣзни Обломова, объ отолщеніи его сердца.

Въ Онѣгинѣ и Бельтовѣ, даже въ Райскомъ, въ лишнихъ людяхъ Тургенева и Чехова *обломовскія черты одухотворены*, и тамъ онѣ болѣе глубоки, живутъ исключительно во внутреннемъ мірѣ, не проступаютъ такъ грубо наружу, какъ у Ильи Ильича. Тамъ гораздо идеальнѣе страхъ передъ жизнью, которая «трогаетъ, вездѣ достаетъ». *У Гончарова физическій Обломовъ заслоняетъ собою Обломова души*, и тѣ общія черты, которыми авторъ рисуетъ постепенное

духовное замираніе и оцѣпенѣніе своего героя, расплываются передъ нами въ туманъ. Если среда, въ которую насъ переноситъ сонъ Обломова, и объясняетъ многое въ его судьбѣ и характерѣ, то все же, кромѣ среды, существуетъ и самъ человѣкъ, и вотъ *личную драму этого человѣка*, который отказался не только отъ живой дѣятельности, но даже и отъ книгъ и газетъ, который не живетъ, а лежитъ,— *драму этого человѣка Гончаровъ мало уяснилъ и показалъ ее почти исключительно съ ея внѣшней стороны*, и его *Обломовъ вышелъ наименѣе интереснымъ и глубокимъ изъ всѣхъ многочисленныхъ разновидностей обломовскаго типа*. То, что есть въ исторіи о погибшемъ Обломовѣ горестнаго и грустнаго, относится къ Ильѣ простому, къ чистому и благородному человѣку, а вовсе не къ жертвѣ общества или сраженному герою какой-нибудь непосильной борьбы, — къ тому Обломову, который вослѣдъ Гончарову находилъ поэзію въ самой жизни и который, со своею лѣнью и безпомощностью, несравненно симпатичнѣе и милѣе дѣятельнаго и дѣловитаго Штольца.

Мягкими красками изображена его смерть и его могила, надъ которой дремлютъ вѣтви сирени, посаженныя дружеской рукой его жены. У каждаго мертваго есть свой живой, который ходитъ за его могилой или, по крайней мѣрѣ, помнитъ о немъ; но надъ прахомъ Обломова особенно витаетъ участіе живыхъ, потому что отдаленность этого человѣка отъ сутолоки и борьбы сохранила въ немъ то «природное золото» чистаго сердца, ту «хрустальную, прозрачную душу», о которыхъ Штольцъ говорилъ Ольгѣ. И *вотъ это кроткое, привязанное къ безмятежной и тихой жизни и отъ нея безвременно оторванное, это прекрасное и незлобивое, что было въ Обломовѣ, Гончаровъ подмѣтилъ съ великой любовью и написалъ его неотразимо-хорошо, съ грустью и теплотой*; именно это безотносительное къ высшимъ сторонамъ духа, эта обыкновенная исторія человѣческой судьбы, человѣческой жизни и смерти,—вотъ что наиболѣе привлекаетъ въ знаменитомъ романѣ.

Для того чтобы понять и оцѣнить Гончарова, мы должны вникнуть только въ этотъ романъ и въ остальныя его беллетристическія вещи; но безполезна дла насъ та авторская исповѣдь, которую онъ написалъ по поводу „Обломова“ и по поводу другихъ сво-

ихъ произведеній подъ заглавіемъ „Лучше поздно, чѣмъ никогда“.

Если намъ не нужны письма Гончарова, то *не нуженъ и тотъ надуманный комментарій*, который онъ далъ къ собственному художественному тексту; мы имѣемъ право не считаться съ нимъ и, обойдя его, стать лицомъ къ лицу съ самимъ художникомъ, тѣмъ болѣе, что и комментаріи его далеко не всегда правильны.

Должно быть, подъ вліяніемъ публицистической критики онъ захотѣлъ, въ только что названной исповѣди, увидѣть въ большинствѣ созданныхъ имъ лицъ *символы общественныхъ отношеній* и эпохъ и даже въ Наденькѣ изъ „Обыкновенной исторіи“ показать не живую индивидуальность, а этапъ въ развитіи русской дѣвушки.

Между тѣмъ, по собственному признанію, онъ творилъ эти лица *чисто-художнически*, безъ всякой тенденціи: они выяснились передъ нимъ какъ люди, а не какъ представители соціальныхъ теченій.

И вообще, *гдѣ Гончаровъ касается явленій общественныхъ, поскольку они выходятъ за предѣлы установившагося* быта, *статики*, переступаютъ традиціонную Обломовку,—тамъ *онъ дѣлается просто резонеромъ*.

Вспомните, напримѣръ, какъ въ „Обрывѣ“ онъ характеризуетъ Волохова. Онъ повѣствуетъ какъ-будто отъ лица Вѣры, но слишкомъ явно здѣсь авторское намѣреніе; Вѣра не могла бы говорить о „поверхностныхъ и одностороннихъ увлеченіяхъ“ Марка: это не дѣвичье, это—хорошо знакомое намъ оффиціальное выраженіе. Онъ округленно и укоризненно, вовсе не объективно, толкуетъ въ романѣ о матеріалистическихъ воззрѣніяхъ Волохова, онъ придалъ ему мальчишескія черты,—а въ своемъ позднѣйшемъ комментаріи удивляется, какъ это передовая русская молодежь приняла образъ Волохова на свой счетъ.

„Даровитые дѣятели въ крестьянской реформѣ, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это Волоховы!“ —восклицаетъ онъ.

Гончаровъ не понялъ, что *русское общество могло пенять ему за самый замыселъ изобразить именно эту, волоховскую, сторону прогрессивнаго явленія*, не говоря уже о томъ, что и сдѣлано это изображеніе неубѣдительно и неправдоподобно; Волохову, напримѣръ, приписано слишкомъ много міровоззрѣнія, теоріи, которой онъ будто бы не могъ поступиться даже въ минуты увлеченія и страсти.

Гончаровъ не понялъ, что Тушинъ, на котораго онъ указываетъ какъ на истиннаго представителя новой молодежи, нисколько не проникнутъ элементомъ критики, протеста, а вѣдь именно этотъ элементъ и составлялъ главное и существенное въ „нигилизмѣ“, и если иногда онъ принималъ наивныя и комическія формы, то въ основѣ его лежало глубокое и честное возмущеніе „черной неправдой“ дореформенной Россіи, позоромъ крѣпостничества.

Эту внутреннюю сущность, эту историческую и этическую подкладку новой соціальной силы надо было показать, если ужъ авторъ

хотѣлъ вывести нарождавшееся движеніе. Тушинъ—энергичный дѣятель въ своемъ лѣсномъ царствѣ, прекрасный хозяинъ; но вѣдь *не хозяйственныя доблести, не заводы и фабрики,* которые у Гончарова являются неизмѣнными аттрибутами положительныхъ героевъ, — *не они служатъ двигателями духовнаго развитія.*

Волоховскій протестъ мелоченъ и смѣшонъ; но Гончаровъ въ своемъ ограниченномъ общественномъ исповѣданіи, въ своей чрезмѣрной политической осѣдлости, не замѣтилъ той волны серьезнаго и вдумчиваго протеста, которая всколыхнула застоявшуюся жизнь и которая, между прочимъ, увлекла и дѣвушекъ изъ „почтенныхъ", какъ онъ характерно выражается, семействъ.

Впрочемъ, гончаровская Вѣра какъ уже мы видѣли, вовсе и не была увлечена, она больше спасала, и не она шла къ Волохову, а, напротивъ, звала его къ себѣ,—къ бабушкѣ, къ отцу Василію, къ брачному алтарю, и звала не потому, чтобы непосредственно и наивно вѣрила во все это, какъ ея сестра, а потому, что ея спокойный духовный творецъ надѣлилъ ее большимъ запасомъ трезваго ума.

Объясненія, которыя даетъ Гончаровъ своимъ персонажамъ, иногда удивительны по своей мелкости. Для того, напримѣръ, чтобы оправдать Штольца, онъ говоритъ о положеніи остзейскихъ нѣмцевъ; Адуеву-дядѣ вмѣняетъ въ заслугу то, что онъ, «директоръ, тайный совѣтникъ», рѣшился сдѣлаться заводчикомъ; въ борьбѣ дяди съ племянникомъ, житейской трезвости съ идеализмомъ, видитъ между прочимъ борьбу съ «пустой тратой времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. д.». Это критическое terre-à-terre вызываетъ одно лишь недоумѣніе.

Но еще важнѣе то, что *комментаторъ клевещетъ на художника:* въ своемъ объяснительномъ очеркѣ Гончаровъ рисуетъ дѣло такъ, какъ-будто онъ сочувствуетъ положительному дядѣ, и укоризненно отожествляетъ идеализмъ Александра съ «праздной, мечтательной и аффектаціонной стороною старыхъ нравовъ». Но если такъ, если критикъ Гончаровъ держится такого взгляда, то почему же у романиста Гончарова, въ «Обыкновенной исторіи», чахнетъ жена старшаго Адуева — въ своемъ пышномъ домѣ, съ умнымъ и заботливымъ мужемъ, который не видитъ разницы между привычкой и любовью; почему она такъ жаждетъ голоса огня и страсти, который оживилъ бы ее; почему она съ грустью смотритъ на успокоившагося Александра? Нѣтъ, какъ разъ *это сочувствіе идеалистическимъ порывамъ младшаго Адуева придаетъ лучшій колоритъ „Обыкновенной исто-*

ріи", и намъ нѣтъ дѣла до того, что авторъ,—поэтъ, слишкомъ удачно и искусно выдававшій себя за прозаика,—впослѣдствіи старался возвысить дядю надъ племянникомъ.

Не торжество жизни совершается на послѣднихъ страницахъ «Обыкновенной исторіи», а *идетъ отъ нихъ печальное вѣяніе близкихъ похоронъ.* Гибнетъ жена Адуева, и жертвой пошлости навѣки падаетъ счастливый женихъ Александръ.

Именно эта конечная неудовлетворенность прозаическимъ ходомъ существованія, *эта конечная побѣда центробѣжнаго начала надъ осѣдлостью спасаетъ Гончарова и его романы отъ порабощенія пошлости и отъ низменнаго и нетребовательнаго оптимизма.*

Счастливая Ольга устала отъ счастья, и она тоскуетъ, расплачивается за «Прометеевъ огонь», и ей стала знакома «грусть души, вопрошающей жизнь о ея тайнѣ».

И на фрегатѣ «Паллада» прославившій его путешественникъ убѣдился, что «*одна природа да животная, хотя и своеобразная жизнь не наполнятъ человѣка, не поглотятъ вниманія;* остается большая пустота».

И даже элементарная *Агаѳія Матвѣевна*, неразвитая и невѣжественная, надъ трупомъ Обломова уразумѣла свою жизнь, задумалась надъ ея значеніемъ, и эта задумчивость легла тѣнью на ея лицо, зажгла смыслъ въ ея глазахъ и вѣчной, разумной и сознательной грустью отуманила ея сердце. «*Она поняла, что проиграла и просіяла ея жизнь, что Богъ вложилъ въ ея жизнь душу и вынулъ опять; что засвѣтилось въ ней солнце и померкло навсегда...* Навсегда, правда; но зато навсегда осмыслилась и жизнь ея; теперь уже она знала, зачѣмъ она жила и что жила не напрасно».

Надъ описаніемъ вещей и аксессуаровъ жизни, которые радуютъ глаза человѣка и получаютъ отъ него душу, надъ будничными событіями и лицами, надъ сонной атмосферой хозяйственнаго уголка поднялся благородный строй души и помысловъ Гончарова,—недаромъ отъ всѣхъ его произведеній вѣетъ какою-то высокой порядочностью и чистотой.

Онъ съ любовью нарисовалъ уютность и тишину быта, полную чашу дома, сладость семейнаго очага; онъ не могъ изжить Обломовки, онъ слишкомъ зналъ идиллію, нѣжащее

и усыпительное начало жизни, — *но сквозь это житейское, удобное и спокойное просвѣчиваетъ, возвышаясь надъ нимъ, задумчивая печаль, пушкинская „свѣтлая печаль“.*

И когда Гончаровъ разсказываетъ, какъ погибалъ корабль «Діана» и какъ угасаютъ человѣческія души, *намъ видно бѣдное человѣчество, „расходующееся по мелочамъ“.* Осѣненный поэзіей тихой мечтательности, выступаетъ передъ нами образъ писателя, который *тонко любилъ жизнь, любилъ ее всю, во всѣхъ ея мелочахъ и подробностяхъ,—но и грустилъ надъ нею и тосковалъ неудовлетворимой тоскою избранниковъ.*

Ю. Айхенвальдъ.

Значеніе литературной дѣятельности Гончарова.

(Недѣятельное въ Гончаровѣ. — Происхожденіе, воспитаніе и жизнь Гончарова. — Онъ—поэтъ, художникъ, больше ничего. — Отношеніе его къ жизни. — Любовь къ старой русской жизни. — Благодушное отношеніе къ крѣпостному праву. — Философія „Обыкновенной исторіи“ по „Литературнымъ воспоминаніямъ“. — Адуевъ-племянникъ и Адуевъ-дядя. — Обломовщина, какъ общественное явленіе. — Психологическая сторона Ильи Ильича. — Общечеловѣческое этого типа. — Зачѣмъ жить? Къ чему трудиться? — Обломовъ стоитъ на рубежѣ двухъ взаимно-противоположныхъ направленій. — Воспитаніе и сонная, рутинная обстановка деревенской жизни. — Обломовъ—высшее достигнутое въ русской литературѣ обобщеніе дореформенной, барской Россіи. — Предки Ильи Ильича. — Обломовъ, какъ типъ племенной. — Его вѣчность. — Обломовщина толстовства).

Съ какимъ-то опасеніемъ, даже неохотой,—иногда какъ-будто просто изъ вѣжливости люди присоединяютъ имя Гончарова къ именамъ Тургенева, Толстого, Достоевскаго и ставятъ его такимъ образомъ въ первомъ ряду нашей литературы, хотя мысль о томъ, что онъ едва-ли принадлежитъ къ этому первому ряду, смущаетъ ихъ.

«Гончаровъ,—писалъ еще въ сороковыхъ годахъ *Аполлонъ Григорьевъ*, — дарованіе примѣчательно яркое, но, да позволено будетъ сказать прямо, *дарованіе чисто внѣшнее*, безъ глубокой мысли въ задаткѣ, безъ истиннаго стремленія къ идеалу».

Строго говоря, это общее мнѣніе. *Что-то недѣятельное*, что-то далеко отстоящее отъ *ищущаго* теченія русской литературы видимъ мы *въ Гончаровѣ*, и это больше всего удаляетъ отъ него читателей, къ счастью — не отстраняетъ, потому что авторъ «Обломова» величина во всякомъ случаѣ крупнѣйшая.

Эта отдаленность видна столько же въ литературной дѣятельности, сколько и въ личной жизни Гончарова.

Гончаровъ—купеческаго происхожденія, но барскаго воспитанія.

Его отецъ — богатый симбирскій купецъ, умеръ рано, оставивъ послѣ себя крупное состояніе, благодаря которому Гончаровъ жилъ и выросъ въ совершенно помѣщичьей обстановкѣ.

Онъ получилъ прекрасное домашнее, а затѣмъ и общее образованіе — сначала въ пансіонѣ, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ въ лучшую его годину, когда тамъ процвѣтало шеллингіанство и романтизмъ. Очень сдержанный по характеру, Гончаровъ отдалъ дань юности своимъ увлеченіемъ романтизмомъ. Но и здѣсь дальше прекраснодушія и кое-какихъ туманныхъ грезъ о будущемъ онъ не пошелъ.

Послѣ университета онъ немедленно опредѣлился въ чиновники и тянулъ эту лямку всю жизнь до самой смерти, за исключеніемъ того промежутка времени, когда онъ на фрегатѣ «Паллада» совершилъ свое кругосвѣтное путешествіе.

Въ жизни его не было *ни волненій, ни передрягъ, ни сильныхъ привязанностей.*

Онъ держался въ сторонѣ отъ жизни — даже отъ литературы, въ которую вступилъ въ 1847 г., напечатавъ въ «Современникѣ» свою «Обыкновенную исторію».

Въ 1858 г. появился, какъ великолѣпное созданіе его медлительнаго, но вдумчиваго творческаго духа — «Обломовъ», въ 1868 — «Обрывъ». Этими тремя романами опредѣляется и исчерпывается его литературное значеніе.

«Обыкновенная исторія» сразу обратила общее вниманіе на молодого писателя и поставила его на очень замѣтное мѣсто. Но при ея появленіи Бѣлинскій уже замѣтилъ: «Гончаровъ — *поэтъ, художникъ, больше ничего;* у него нѣтъ

ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ: они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю, онъ какъ-будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ».

На эти скрытые упреки и скрытыя требованія Бѣлинскаго — Гончаровъ могъ отвѣчать, разумѣется, только своей улыбкой.

Онъ вообще *не понималъ этого кипѣнія, этого исканія правды жизни, этого проповѣдническаго жара.*

Жизнь представлялась ему *интересной, но не захватывающей,* поучительной, конечно, но не такой, которая бы непремѣнно требовала подвига.

Онъ любилъ ее тихую и ровную «съ постепеннымъ движеніемъ впередъ» и морщился, когда она вдругъ выходила изъ русла, какъ это случилось въ 60-хъ годахъ.

Конечно, *ничего крѣпостническаго, ничего реакціоннаго* въ его міросозерцаніи вы не найдете и слѣда, онъ просто не понималъ, зачѣмъ это люди слишкомъ ужъ горячатся.

Старую русскую жизнь онъ любилъ не въ ея безобразныхъ барскихъ или бюрократическихъ проявленіяхъ, — а *въ ея укладахъ, строго опредѣленныхъ, ясно очерченныхъ,* и любовался ими издали какъ художникъ; въ новой нахлынувшей волнѣ онъ просто не умѣлъ, не могъ разобраться, хотя и понималъ, что старая жизнь свое послѣднее слово сказала и должна сойти со сцены. И должна сойти прежде всего потому, что она была слишкомъ праздная, слишкомъ лѣнивая, слишкомъ недѣятельная.

Прежде же всего надо *работать, работать осмысленно и упорно*—это Гончаровъ зналъ и это было камнемъ краеугольнымъ его міросозерцанія. Характерный мотивъ нашей литературы — *мотивъ больной совѣсти,* создавшій столько трагическихъ фигуръ среди нашихъ писателей, *остался неизвѣстенъ Гончарову.* Его творчество носитъ на себѣ явные слѣды его умиротворенной, тихой отъ начала и до конца и обезпеченной жизни.

Крѣпостное право, крѣпостническая обстановка не были воспитательной школой для Гончарова, какъ, напр., для Тургенева или Герцена.

Онъ не замѣчалъ ихъ ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, а впослѣдствіи *относился къ нимъ съ полнымъ благодушіемъ.*

Ни одно отрицательное чувство не успѣло зародиться и вырости въ его душѣ: легко и спокойно принялъ онъ свою барскую долю, не задавая себѣ тревожнаго вопроса о своемъ правѣ; легко и спокойно до конца дней своихъ пользовался онъ привилегіями и преимуществами. Натолкнуть его на сомнѣнія, недовольства, протесты — было некому; даже Якубовъ (его воспитатель), хотя и просвѣщенный человѣкъ, хотя и масонъ, держался примирительнаго взгляда на окружающее.

На литературное поприще онъ выступилъ поздно.

Философію своей «Обыкновенной исторіи» онъ самъ превосходно растолковалъ въ своихъ «Литературныхъ воспоминаніяхъ»: «Въ борьбѣ дяди съ племянникомъ, — говоритъ онъ, — отразилась и тогдашняя только что начинавшаяся ломка понятій и нравовъ—сантиментальности, карикатурныя преувеличенія чувствъ дружбы и любви, поэзія праздности, — семейная и домашняя ложь напускныхъ, въ сущности небывалыхъ чувствъ (напр., любви съ желтыми цвѣтами старой дѣвы тетки и т. п.), пустая трата времени на визиты, на ненужное гостепріимство и т. п. Словомъ, *вся праздная, мечтательная и аффектаціонная сторона старыхъ нравовъ,* съ обычными порывами юности — къ высокому, великому, изящному, къ эффектамъ, съ жаждою высказать это въ трескучей прозѣ, всего болѣе въ стихахъ.

Все это отживало, уходило: являлись слабые проблески новой зари, чего-то трезваго, дѣлового, нужнаго.

Первое, т. е. старое исчерпывалось въ фигурѣ племянника — и оттого-то онъ вышелъ *рельефнѣе, яснѣе.*

Второе, т. е., *трезвое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія,* выразилось въ дядѣ; но это сознаніе только нарождалось, показались первые симптомы, далеко было до полнаго развитія, и понятно, что начало могло выразиться слабо, неполно, только кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ лицахъ и маленькихъ группахъ, и фигура дяди вышла блѣднѣе фигуры племянника...

Адуевъ (племянникъ) кончилъ, какъ бо́льшая часть тогда: послушался практической мудрости дяди, принялся работать въ службѣ, писалъ и въ журналахъ (но уже не стихами) и, переживъ эпоху юношескихъ волненій, достигъ положительныхъ благъ, какъ большинство, занялъ въ службѣ

прочное положеніе и выгодно женился; словомъ, обдѣлалъ свои дѣла. Въ этомъ и заключается «Обыкновенная исторія».

Гораздо глубже «Обломовъ».

Добролюбовъ первый понялъ и разъяснилъ, что тутъ дѣло не въ героѣ романа — Обломовѣ, а *въ общественномъ явленіи — обломовщинѣ*, этой отрицательной квинтъ-эссенціи нашего мало дѣятельнаго, растительнаго и мелочнаго феодализма, т. е. крѣпостного братства.

„Обломовка,—говоритъ онъ,—есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ—всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово Обломовкѣ“... „Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ. „Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ. „Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности тихаго шага и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ—Обломовъ. „Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что наконецъ сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки. „Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, — я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку“.

Обломовщина для Добролюбова — это *капризная лѣнь, барская изнѣженность, созданная услугами трехсотъ Захаровъ и наложившая какъ бы неизгладимое пятно на всю нашу культурную интеллигентную жизнь.*

Разумѣется, Добролюбовъ не находитъ въ душѣ ни крупицы симпатіи къ Обломову и обломовщинѣ. Онъ разсматриваетъ этотъ типъ исключительно съ точки зрѣнія его общественной пригодности. При такой постановкѣ вопроса обвинительный приговоръ неизбѣженъ. Вѣдь нельзя же не видѣть, что пухлый, красивый, добрый Илья Ильичъ — не болѣе какъ тунеядецъ чистой воды, что рабочее начало не привилось къ нему, да и не могло привиться, разъ къ его услугамъ триста Захаровъ.

Писаревъ въ своей юношеской, но блестящей статьѣ «Обломовъ» удѣляетъ гораздо больше мѣста *психологической критикѣ*.

«Мысль Гончарова, — говоритъ онъ, — проведенная въ его романѣ, принадлежитъ всѣмъ вѣкамъ и народамъ, но имѣетъ особенное значеніе въ наше время, для нашего русскаго общества. Авторъ задумалъ прослѣдить *мертвящее, губительное вліяніе* которое оказываютъ на человѣка *умственная апатія, усыпленіе*, овладѣвающее мало-по-малу всѣми силами души, охватывающее и сковывающее собою всѣ лучшія, человѣческія, разумныя движенія и чувства. Эта апатія составляетъ явленіе *общечеловѣческое*, она выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и порождается самыми разнородными причинами, но вездѣ въ ней играетъ главную роль страшный вопросъ — *зачѣмъ жить? къ чему трудиться?* — вопросъ, на который человѣкъ часто не можетъ найти себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Этотъ *неразрѣшенный вопросъ*, это *неудовлетворенное сомнѣніе истощ етъ силы*, губитъ дѣятельность: у человѣка опускаются руки, и онъ бросаетъ трудъ, не видя ему цѣли. Одинъ *съ негодованіемъ и желчью* отброситъ отъ себя работу, другой — отложитъ ее въ сторону *тихо и лѣниво*, одинъ будетъ *рваться* изъ своего бездѣйствія, *негодовать* на себя и на людей, *искать* чего-нибудь, чѣмъ можно было бы наполнить внутреннюю пустоту, апатія его приметъ оттѣнокъ *мрачнаго отчаянія*, она будетъ перемежаться съ лихорадочными порывами къ безпорядочной дѣятельности и все-таки останется апатіей, потому что отниметъ у него силы дѣйствовать, чувствовать и жить. У другого равнодушіе къ жизни выразится *въ болѣе мягкой, безцвѣтной формѣ*, животные инстинкты *тихо, безъ борьбы* выплывутъ на поверхность души, *замрутъ безъ боли высшія стремленія*, человѣкъ опустится въ мягкое кресло и заснетъ, наслаждаясь своимъ безсмысленнымъ покоемъ, начнется вмѣсто жизни *прозябаніе*, и въ душѣ человѣка образуется стоячая вода, до которой не коснется никакое волненіе внѣшняго міра, который не потревожитъ никакой внутренній переворотъ... Во второмъ случаѣ является *апатія покорная, мирная, улыбающаяся*, безъ стремленія выйти изъ бездѣйствія, это обломовщина, какъ назвалъ ее Гончаровъ, это болѣзнь, разви-

тію которой способствуетъ *и славянская природа, и жизнь нашего общества.*

«... Илья Ильичъ *стоитъ на рубежѣ двухъ взаимно-противоположныхъ направленій:* онъ *воспитанъ подъ вліяніемъ обстановки старо-русской жизни,* привыкъ къ барству, къ бездѣйствію и къ полному угожденію своимъ физическимъ потребностямъ и даже прихотямъ; онъ провелъ дѣтство подъ любящимъ, но неосмысленнымъ надзоромъ совершенно неразвитыхъ родителей, наслаждавшихся въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ полной умственной дремотою, въ родѣ той, которую охарактеризовалъ Гоголь въ своихъ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ». Онъ изнѣженъ и избалованъ, ослабленъ физически и нравственно, *въ немъ старались, для его же пользы, подавлять порывы рѣзвости,* свойственные дѣтскому возрасту, и движенія любознательности, просыпающіяся также въ годы младенчества: первые, по мнѣнію родителей, могли подвергнуть его ушибамъ и разнаго рода поврежденіямъ, которыя могли разстроить здоровье и остановить развитіе физическихъ силъ. Кормленіе на убой, сонъ въ волю, поблажка всѣмъ желаніямъ и прихотямъ ребенка, не грозившимъ ему какимъ-либо тѣлеснымъ поврежденіемъ, и тщательное удаленіе отъ всего, что можетъ простудить, обжечь, ушибить или утомить его—вотъ основныя начала Обломовскаго воспитанія. *Сонная, рутинная обстановка деревенской, захолустной жизни дополнила то, чего не успѣли сдѣлать труды родителей и нянекъ.* На тепличное растеніе, не ознакомившееся въ дѣтствѣ не только съ волненіями дѣйствительной жизни, но даже съ дѣтскими огорченіями и радостями, пахнуло струей свѣжаго живого воздуха. Илья Ильичъ сталъ учиться и развился настолько, что понялъ, въ чемъ состоитъ жизнь, въ чемъ состоятъ обязанности человѣка. Онъ понялъ это умомъ, но не могъ сочувствовать воспринятымъ идеямъ о долгѣ, трудѣ и дѣятельности. *Роковой вопросъ: къ чему жить и трудиться? вопросъ, возникающій обыкновенно послѣ многочисленныхъ разочарованій и обманутыхъ надеждъ, прямо самъ собою, безъ всякаго приготовленія, во всей своей ясности представился уму Ильи Ильича...* Образованіе научило его презирать праздность; но сѣмена, брошенныя въ его душу природой и первоначальнымъ воспитаніемъ, принесли плоды».

Эти плоды извѣстны — *постоянное лежаніе, лѣнь*, развившаяся до полнаго безволія, и *болѣзненный страхъ передъ требованіями дѣйствительной жизни.*

Болѣзнь Обломова была бы не болѣе какъ интереснымъ патологическимъ случаемъ, если бы Гончаровъ не показалъ намъ, какъ *глубоко пущены ея корни и въ русскую жизнь, и въ русскую исторію.* Анализируйте эту болѣзнь, и вы увидите, что источникъ ея — услуги трехсотъ Захаровъ и легкая, праздная жизнь на чужой счетъ.

Обломовъ — *высшее достигнутое въ нашей литературѣ обобщеніе дореформенной, барской Россіи.*

Обломовъ — баринъ. Съ дивнымъ комизмомъ выводитъ Гончаровъ на сцену его сословные взгляды въ разговорѣ съ Захаромъ, который имѣлъ несчастіе въ спорахъ о переѣздѣ на квартиру сказать, что «другіе-де переѣзжаютъ»... Этимъ приравненіемъ себя къ другимъ Илья Ильичъ обидѣлся до глубины души.

— „Другой“ работаетъ безъ устали, — негодовалъ онъ, — бѣгаетъ, суетится, не поработаетъ, такъ и не поѣстъ, другой кланяется, другой проситъ, унижается. А я? Ну-ка, рѣши: какъ ты думаешь, „другой“ я-а?... Да развѣ я мечусь, развѣ я работаю? Мало ѣмъ что ли? Худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ не достаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать — есть кому. Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу. Стану-ли я безпокоиться? Изъ чего мнѣ? И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мною? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался“.

На сущности всѣхъ этихъ выраженій и основывается *сословная гордость* Обломова. И это не сатира. Ильѣ Ильичу на самомъ дѣлѣ больно и странно было бы очутиться въ толпѣ «другихъ», работающихъ, худощавыхъ, полуголодныхъ, видѣвшихъ нужду и лишенія. «Бѣлая кость», пухлое нѣжное тѣло, матеріальная обезпеченность — все это, съ его точки зрѣнія, необходимыя принадлежности званія. Если бы онъ мыслилъ послѣдовательно, если бы не воспоминанія дѣтства, не запасъ — почти неистощимый — добродушія, онъ не могъ бы и къ своему другу Штольцу относиться иначе, какъ съ презрѣніемъ...

Образованіе расширило мысль и симпатіи Обломова, онъ мечтаетъ даже о всеобщемъ благополучіи, но это не мѣшаетъ ему обижаться, и притомъ глубоко, искренно обижаться, когда его приравниваютъ къ разношерстной суетливой толпѣ разночинцевъ. *Онъ—баринъ,* но баринъ эпохи вырожденія, сословная гордость котораго опирается не на положительныя заслуги, а на отрицательное превосходство надъ другими... Счастья онъ не можетъ понимать иначе, какъ сытое довольство, какъ физическое блаженство.

«Теперь — пишетъ Гончаровъ — Обломова поглотила любимая мысль, онъ думаетъ о маленькой колоніи друзей, которые поселятся въ деревенькахъ и фермахъ, въ пятнадцати или двадцати верстахъ отъ его деревни, какъ попеременно будутъ съѣзжаться каждый день другъ къ другу въ гости, обѣдать, ужинать, танцовать, ему видятся все ясные дни, ясныя лица, безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ довольнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ, будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь»...

Добролюбовъ пытался свести къ типу Обломова, къ воплощенію вырождающагося, больного барства, всѣхъ «героевъ нашего времени» — Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ, Бельтовыхъ. Отчасти это справедливо. *Обломовская закваска есть у всѣхъ поименованныхъ героевъ,* но только закваска. Генеалогія Ильи Ильича нѣсколько другая. Онъ—прямой сынъ и наслѣдникъ Манилова или Тентетникова, дѣдомъ или прадѣдомъ его можно считать Митрофанушку Простакова, въ близкомъ родствѣ съ нимъ состоятъ московскіе славянофилы, не Хомяковъ, не Аксаковъ, разумѣется, а тѣ, кто пониже, напр., Загоскинъ.

Обыкновенно говорятъ: «Обломовъ — это старая крѣпостная Россія, 19-го февраля 61-го года Обломова не стало». Но даже и теперь это справедливо только отчасти. Точно-ли совершенно и окончательно умеръ Илья Ильичъ?

Присмотритесь повнимательнѣе къ жизни и вы, пожалуй, придете къ заключенію, что Обломовъ совсѣмъ умереть и не можетъ. Нѣтъ, *Обломовъ—типъ* не только временный, историческій, а *племенной,* стереть который изъ жизни можетъ лишь работа многихъ поколѣній.

Въ юные годы мы всѣ зачитывались романомъ Гончарова, не могли оторваться отъ дивныхъ страницъ, посвященныхъ сну Обломова, весело смѣялись надъ безпечностью и гомерическою лѣнью этого вѣчно лежащаго человѣка, напряженно слѣдили за его отношеніями къ Ольгѣ и немного даже плакали, услышавъ о его ужасно скучной смерти.

Потомъ, когда мы стали постарше и вернулись къ Ильѣ Ильичу, перечли о немъ, намъ стало грустно. Насъ испугала рѣзкая правда романа, но особенно стало ясно то, что добродушный Илья Ильичъ, вся дѣятельность котораго заключается въ лежаніи, вся красота въ добродушіи, все жизненное назначеніе въ тунеядствѣ, никакъ не умѣщается въ рамкахъ романа, а выходитъ изъ нихъ, захватываетъ какъ-будто бо́льшую полосу жизни, расплывается по всѣмъ общественнымъ отношеніямъ.

Мы увидѣли, словомъ, что *герой романа* совсѣмъ не Обломовъ, — какой же онъ герой, — а *обломовщина*, что эта обломовщина удивительно какъ близка намъ и понятна до того, что мы сразу и невольно начинаемъ отыскивать въ себѣ обломовскія черты и, къ нашему ужасу, находимъ ихъ. А реформа Петра Великаго? Вѣдь достаточно краткаго учебника, чтобы понять, какіе удары были нанесены обломовщинѣ даже самыми маленькими мѣрами великаго преобразователя. Вся же его реформа — это борьба съ обломовщиной не на животъ, а на смерть, это живое отрицаніе ея во всемъ, это преслѣдованіе ея въ самыхъ затаенныхъ уголкахъ души человѣческой и общественной жизни.

Однако, обломовщина осталась, и черезъ 200 лѣтъ послѣ смерти Петра является передъ нами во всемъ своемъ великолѣпіи... Вѣдь вотъ, кажется, сотни лѣтъ муштруютъ насъ по части государственности и исполненія гражданскихъ обязанностей. А кому вошли они въ плоть и кровь? Кто изъ насъ — изъ громаднаго большинства — способенъ на какую-нибудь иниціативу, не обладаетъ глубокою кротостью, мягкодушіемъ и лѣнью Обломова, на почвѣ которыхъ возможны всякія посягательства на нашу самостоятельность, личное счастье, счастье близкихъ намъ людей? Какъ угодно, Обломовъ глубоко засѣлъ въ насъ, и даже въ одномъ изъ недавнихъ нашихъ движеній — *толстовщинѣ* —

трудно не замѣтить чертъ, свойственныхъ обломовскому типу. Толстовщина—это послѣднее слово, сказанное русскими людьми послѣ краткаго періода воодушевленія, — по духу своему какъ нельзя лучше напоминаетъ Илью Ильича и присныхъ его.

Толстовцы хотятъ отрѣшиться отъ всѣхъ формъ, выработанныхъ государственной жизнью, отъ культуры и цивилизаціи, гражданскаго общества и семьи, дѣятельности воли и разума; они могутъ мудрить сколько имъ угодно, но *ихъ идеалъ — растительная жизнь.* Они — люди усталые, не терпящіе ни рынка, ни конкуренціи, прямо себя рекомендуютъ таковыми. Ихъ привлекаетъ нирвана, полное спокойствіе души, полная неподвижность и однообразіе бытія. Бороться съ жизнью и ея зломъ они не намѣрены; уставши, они уходятъ на покой въ деревню, на подножный кормъ, гдѣ могутъ дышать свѣжимъ воздухомъ, спать спокойнымъ сномъ. Трудъ—простая необходимость, имѣющая цѣлью только поддержать жизнь, а не совершенствовать ее: если бы можно было питаться однимъ воздухомъ, они отбросили бы работу, какъ отбросили науку и цивилизацію.

Да, Обломовъ живъ. Онъ возрождается съ каждымъ поколѣніемъ, мѣняя свою форму, но въ глубинѣ души пребывая тѣмъ же мягкосердечнымъ, горизонтальнымъ человѣкомъ, не видящимъ и не понимающимъ смысла дѣятельности, во имя покоя готовымъ отрицать развитіе. *Обломовъ живъ*, и со стороны даже жалко смотрѣть, какъ его муштруютъ, дисциплинируютъ, открываютъ ему европейскую науку и европейскіе идеалы. Онъ лежать хочетъ, а его гонятъ въ департаментъ, заставляютъ сочинять проекты, усовершенствовать одно, передѣлывать другое, бороться въ жизни...

Бѣдный горизонтальный человѣкъ, которому всѣ эти призывы къ дѣятельности ужасно надоѣли и которому, вѣроятно, спать хочется, на всѣ эти призывы и воззванія отвѣчаетъ: «пустите душу на покаяніе, хочу опроститься».

Въ любимомъ дѣтищѣ Гончарова—его романѣ «Обрывъ» все хорошо, что относится къ прошлому (бабушка, Марѳинька, провинціальная глушь, Райскій, какъ герой 40-хъ годовъ) и все несовершенно, что относится къ настоящему

и будущему (Волоховъ, Тушинъ). По собственному признанію Гончарова, трудно было разбираться въ неопредѣлившихся фигурахъ современности. Онъ и не разобрался въ нихъ.

Евгеній Соловьевъ (Андреевичъ).

Характеристика таланта Гончарова въ связи съ оцѣнкой „Обломова“.

(Гончаровъ не даетъ и, повидимому, не хочетъ дать никакихъ выводовъ.- Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе—и только.—У него нѣтъ и той горячности чувства, которая характерна, напримѣръ, для Тургенева.—Талантъ Гончарова не податливъ на впечатлѣнія.—Умѣнье охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его,—какъ сильнѣйшая сторона таланта Гончарова.—Изумительная способность во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни.- Спокойствіе и полнота поэтическаго міросозерцанія Гончарова.—Равная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа. - Такъ называемая растянутость „Обломова“. — Лѣнь и апатія Ильи Ильича—единственная пружина дѣйствія во всемъ романѣ.—Гончаровъ хотѣлъ добиться того, чтобы случайный образъ, мелькнувшій передъ нимъ, возвести въ типъ, придать ему родовое и постоянное значеніе.—Отсюда—подробность и отчетливость изображенія.—Въ талантѣ Гончарова это драгоцѣнное свойство, чрезвычайно много помогающее художественности его изображеній.—Вліяніе на читателя мелкихъ съ любовью и необыкновеннымъ мастерствомъ вырисованныхъ подробностей.—Объективное творчество Гончарова не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями.—Оно спокойно, трезво, безстрастно.—У Гончарова чуткая воспріимчивость соединяется съ глубиною чувства.—Могущество его таланта.—Важность вопроса: на что употребляется талантъ художника.—Огромное общественное значеніе „Обломова“).

Въ отношеніи къ Гончарову болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому автору, критика обязана изложить *общіе результаты, выводимые изъ его произведеній.*

Есть авторы, которые сами на себя берутъ этотъ трудъ, объясняясь съ читателемъ относительно цѣли и смысла своихъ произведеній. Иные и не высказываютъ категорически своихъ намѣреній, но такъ ведутъ весь разсказъ, что онъ оказывается яснымъ и правильнымъ олицетвореніемъ ихъ мысли. У такихъ авторовъ каждая страница бьетъ на то, чтобы вразумить читателя, и много нужно

недогадливости, чтобы не понять ихъ... Зато плодомъ чтенія ихъ бываетъ болѣе или менѣе полное согласіе съ идеею, положенною въ основаніе произведенія. Остальное все улетучивается черезъ два часа по прочтеніи книги.

У Гончарова совсѣмъ не то. *Онъ* вамъ *не даетъ, и повидимому не хочетъ дать никакихъ выводовъ.*

Жизнь, имъ изображаемая, служитъ для него *не средствомъ къ отвлеченной философіи, а прямою цѣлью сама по себѣ.* Ему нѣтъ дѣла до читателя и до выводовъ, какіе вы сдѣлаете изъ романа: это ужъ ваше дѣло. Ошибетесь—пеняйте на свою близорукость, а никакъ не на автора. *Онъ представляетъ вамъ живое изображеніе* и ручается только за его сходство съ дѣйствительностью; а тамъ ужъ ваше дѣло опредѣлить степень достоинства изображенныхъ предметовъ: онъ къ этому совершенно равнодушенъ.

У него *нѣтъ и той горячности чувства, которая инымъ талантамъ придаетъ наибольшую силу и прелесть.*

Тургеневъ, напримѣръ, разсказываетъ о своихъ герояхъ, какъ о людяхъ близкихъ ему, выхватываетъ изъ груди ихъ горячее чувство и съ нѣжнымъ участіемъ, съ болѣзненнымъ трепетомъ слѣдитъ за нимъ, самъ страдаетъ и радуется вмѣстѣ съ лицами, имъ созданными, самъ увлекается той поэтической обстановкой, которою любитъ всегда окружать ихъ... И его увлеченіе заразительно: онъ неотразимо овладѣваетъ симпатіей читателя, съ первой страницы приковываетъ къ разсказу мысль его и чувство, заставляетъ и его переживать, перечувствовать тѣ моменты, въ которыхъ являются передъ нимъ тургеневскія лица. И пройдетъ много времени,—читатель можетъ забыть ходъ разсказа, потерять связь между подробностями происшествій, упустить изъ виду характеристику отдѣльныхъ лицъ и положеній, можетъ, наконецъ, позабыть все прочитанное, но ему всетаки будетъ памятно и дорого то живое, отрадное впечатлѣніе, которое онъ испытывалъ при чтеніи разсказа.

У Гончарова нѣтъ ничего подобнаго. *Талантъ его неподатливъ на впечатлѣнія.* Онъ не запоетъ лирической пѣсни при взглядѣ на розу и соловья; онъ будетъ пораженъ ими, остановится, будетъ долго всматриваться и вслушиваться, задумается... Какой процессъ въ это время произойдетъ въ душѣ его, этого намъ не понять хорошенько... Но вотъ

онъ начинаетъ чертить что-то... Вы холодно всматриваетесь въ неясныя еще черты... Вотъ онѣ отдѣляются яснѣе, яснѣе, прекраснѣе... и вдругъ, *неизвѣстно какимъ чудомъ, изъ этихъ чертъ возстаютъ предъ вами и роза, и соловей, со всей своей прелестью и обаяньемъ.*

Вамъ *рисуется не только ихъ образъ, вамъ чуется ароматъ розы, слышатся соловьиные звуки...* Пойте лирическую пѣснь, если роза и соловей могутъ возбуждать ваши чувства; художникъ начертилъ ихъ и, довольный своимъ дѣломъ, отходитъ въ сторону; болѣе онъ ничего не прибавитъ... «*И напрасно было бы прибавлять,*—думаетъ онъ,—*если самъ образъ не говоритъ вашей душѣ то, что могутъ вамъ сказать слова?..*»

Въ этомъ *умѣньи охватить полный образъ предмета, отчеканить, изваять его*—заключается *сильнѣйшая сторона таланта Гончарова.*

И *сю онъ превосходитъ всѣхъ современныхъ русскихъ писателей.*

Изъ нея легко объясняются всѣ остальныя свойства его таланта.

У него есть *изумительная способность—во всякій данный моментъ остановить летучее явленіе жизни, во всей его полнотѣ и свѣжести, и держать его предъ собою до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается полной принадлежностью художника.*

На всѣхъ насъ падаетъ свѣтлый лучъ жизни, но онъ у насъ тотчасъ же и исчезаетъ, едва коснувшись нашего сознанія. И за нимъ идутъ другіе лучи, отъ другихъ предметовъ, и опять столь же быстро исчезаютъ, почти не оставляя слѣда. Такъ проходитъ вся жизнь, скользя по поверхности нашего сознанія. Не то у художника: *онъ умѣетъ уловить въ каждомъ предметѣ что-нибудь близкое и родственное своей душѣ, умѣетъ остановиться на томъ моментѣ, который чѣмъ-нибудь особенно поразилъ его.* Смотря по свойству поэтическаго таланта и по степени его выработанности, сфера, доступная художнику, можетъ съуживаться или расширяться, впечатлѣнія могутъ быть живѣе или глубже; выраженіе ихъ—страстнѣе или спокойнѣе.

Нерѣдко сочувствіе поэта привлекается какимъ-нибудь однимъ качествомъ предметовъ, и это качество онъ старается вызывать и отыскивать всюду, въ возможно-полномъ

и живомъ его выраженіи поставляетъ свою главную задачу, на него по преимуществу тратитъ свою художническую силу.

Такъ являются художники, сливающіе внутренній міръ души своей съ міромъ внѣшнихъ явленій и видящіе всю жизнь и природу подъ призмою господствующаго въ нихъ самихъ настроенія. Такъ, у однихъ, все подчиняется *чувству пластической красоты*, у другихъ, по преимуществу, *рисуются нѣжныя и симпатичныя черты*, у иныхъ, во всякомъ образѣ, во всякомъ описаніи отражаются *гуманныя и соціальныя стремленія*, и т. д.

Ни одна изъ такихъ сторонъ не выдается особенно у Гончарова.

У него есть другое свойство: спокойствіе и полнота поэтическаго міросозерцанія. Онъ ничѣмъ не увлекается исключительно, или *увлекается всѣмъ одинаково.* Онъ не поражается одной стороною предмета, однимъ моментомъ событія; а *вертитъ предметъ со всѣхъ сторонъ, выжидаетъ совершенія всѣхъ моментовъ явленія, и тогда уже приступаетъ къ ихъ художественной переработкѣ*

Слѣдствіемъ этого является, конечно, въ художникѣ *болѣе спокойное и безпристрастное отношеніе къ изображаемымъ предметамъ, бо́льшая отчетливость въ очертаніи даже мелочныхъ подробностей, и равная доля вниманія ко всѣмъ частностямъ разсказа.*

Вотъ отчего нѣкоторымъ кажется романъ Гончарова растянутымъ. Онъ, если хотите, дѣйствительно растянутъ. Въ первой части Обломовъ лежитъ на диванѣ; во второй ѣздитъ къ Ильинскимъ и влюбляется въ Ольгу, а она въ него; въ третьей она видитъ, что ошиблась въ Обломовѣ, и они расходятся; въ четвертой она выходитъ замужъ за друга его, Штольца, а онъ женится на хозяйкѣ того дома, гдѣ нанимаетъ квартиру. Вотъ и все.

Никакихъ внѣшнихъ событій, никакихъ препятствій (кромѣ развѣ разведенія моста черезъ Неву, прекратившаго свиданія Ольги съ Обломовымъ), *никакихъ постороннихъ обстоятельствъ не вмѣшивается въ романъ.*

Лѣнь и апатія Обломова—единственная пружина дѣйствій во всей его исторіи.

Какъ же это можно было растянуть на четыре части! Попадись эта тема другому автору, тотъ бы ее обдѣлалъ

иначе: написалъ бы страничекъ пятьдесятъ, легкихъ, забавныхъ, сочинилъ бы милый фарсъ, осмѣялъ бы своего лѣнивца, восхитился бы Ольгой и Штольцемъ, да на томъ бы и покончилъ. Разсказъ никакъ бы не былъ скученъ, хотя и не имѣлъ бы особенно художественнаго значенія.

Гончаровъ принялся за дѣло иначе. Онъ *не хотѣлъ отстать отъ явленія, на которое однажды бросилъ свой взглядъ, не прослѣдивши его до конца, не отыскавши его причины, не понявши связи его со всѣми окружающими явленіями.*

Онъ хотѣлъ добиться того, чтобы *случайный образъ, мелькнувшій передъ нимъ, возвести въ типъ, придать ему родовое и постоянное значеніе.*

Поэтому во всемъ, что касалось Обломова, не было для него вещей пустыхъ и ничтожныхъ. Всѣмъ занялся онъ съ любовью, *все очертилъ подробно и отчетливо.*

Не только тѣ комнаты, въ которыхъ жилъ Обломовъ, но и тотъ домъ, въ какихъ онъ только мечталъ жить; не только халатъ его, но сѣрый сюртукъ и щетинистыя бакенбарды слуги его Захара, не только писаніе письма Обломовымъ, но и качество бумаги и чернилъ въ письмѣ старосты къ нему—все приведено и изображено съ *полною отчетливостью и рельефностью.* Авторъ не можетъ пройти мимоходомъ даже какого-нибудь барона фонъ-Лангвагена, не играющаго никакой роли въ романѣ: и о баронѣ напишетъ онъ цѣлую прекрасную страницу, и написалъ бы двѣ и четыре, если бы не успѣлъ исчерпать его на одной.

Это, если хотите, *вредитъ быстротѣ дѣйствія*, утомляетъ безучастнаго читателя, требующаго, чтобы его неудержимо завлекали сильными ощущеніями. Но, *тѣмъ не менѣе, въ талантѣ Гончарова это—драгоцѣнное свойство, чрезвычайно много помогающее художественности его изображеній.* Начиная читать его, находишь, что многія вещи какъ-будто не оправдываются строгой необходимостью, какъ-будто не соображены съ вѣчными требованіями искусства. Но вскорѣ начинаешь сживаться съ тѣмъ міромъ, который онъ изображаетъ, невольно признаешь законность и естественность всѣхъ выводимыхъ имъ явленій, самъ становишься въ положеніе дѣйствующихъ лицъ и какъ то чувствуешь, что на ихъ мѣстѣ и въ ихъ положеніи иначе и нельзя, да какъ-будто и не должно дѣйствовать.

Мелкія подробности, безпрерывно вносимыя авторомъ и рисуемыя имъ *съ любовью и съ необыкновеннымъ мастерствомъ*, производятъ наконецъ какое-то обаяніе. Вы совершенно переноситесь въ тотъ міръ, въ который ведетъ васъ авторъ: вы находите въ немъ что-то родное, передъ вами открывается не только внѣшняя форма, но и самая внутренность, душа каждаго лица, каждаго предмета.

И послѣ прочтенія всего романа вы чувствуете, что *въ сферѣ вашей мысли прибавилось что-то новое*, что къ вамъ въ душу глубоко запали новые образы, новые типы. Они васъ долго преслѣдуютъ, вамъ хочется думать надъ ними, хочется выяснить ихъ значеніе и отношеніе къ вашей собственной жизни, характеру, наклонностямъ. Куда дѣнется ваша вялость и утомленіе; бодрость мысли и свѣжесть чувства пробуждаются въ васъ. Вы готовы снова перечитать многія страницы, думать надъ ними, спорить о нихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, на насъ дѣйствовалъ Обломовъ: «Сонъ Обломова» и нѣкоторыя отдѣльныя сцены мы прочли по нѣскольку разъ; весь романъ почти сплошь прочитали мы два раза, и во второй разъ онъ намъ понравился едва-ли не болѣе, чѣмъ въ первый. Такое обаятельное значеніе имѣютъ эти подробности, которыми авторъ обставляетъ ходъ дѣйствія и которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ, растягиваютъ романъ.

Такимъ образомъ *Гончаровъ* является передъ нами прежде всего *художникомъ, умѣющимъ выразить полноту явленій жизни*. Изображеніе ихъ составляетъ его призваніе, его наслажденіе; *объективное творчество его не смущается никакими теоретическими предубѣжденіями и заданными идеями*, не поддается никакимъ исключительнымъ симпатіямъ.

Оно *спокойно, трезво, безстрастно*. Составляетъ-ли это высшій идеалъ художнической дѣятельности или, можетъ быть, это даже недостатокъ, обнаруживающій въ художникѣ слабость воспріимчивости? Категорическій отвѣтъ затруднителенъ и во всякомъ случаѣ былъ бы несправедливъ безъ ограниченій и поясненій.

Многимъ не нравится спокойное отношеніе поэта къ дѣйствительности, и они готовы тотчасъ же произнести рѣзкій приговоръ о несимпатичности такого таланта. Мы понимаемъ естественность подобнаго приговора и, можетъ

быть, сами не чужды желанія, чтобы авторъ побольше раздражалъ наши чувства, посильнѣе увлекалъ насъ. Но мы сознаемъ, что желаніе это—нѣсколько обломовское, происходящее отъ наклонности имѣть постоянно руководителей,—даже въ чувствахъ. *Приписывать автору слабую степень воспріимчивости потому только, что впечатлѣнія не вызываютъ у него лирическихъ восторговъ, а молчаливо кроются въ его душевной глубинѣ—несправедливо.* Напротивъ, чѣмъ скорѣе и стремительнѣе высказывается впечатлѣніе, тѣмъ чаще оно оказывается поверхностнымъ и мимолетнымъ. Примѣровъ мы видимъ множество на каждомъ шагу въ людяхъ, одаренныхъ неистощимымъ запасомъ словеснаго и мимическаго паѳоса.

Если человѣкъ умѣетъ *выдержать, взлелѣять въ душѣ своей образъ предмета и потомъ ярко и полно представить его,*—это значитъ, что *у него чуткая воспріимчивость соединяется съ глубиною чувства.* Онъ до времени не высказывается, но для него ничто не пропадаетъ въ мірѣ. Все, что живетъ и движется вокругъ него, все, чѣмъ богата природа и людское общество, у него все это—

„Какъ-то чудно
Живетъ въ душевной глубинѣ“.

Въ немъ, какъ въ магическомъ зеркалѣ, отражаются и по волѣ его останавливаются, застываютъ, отливаются въ твердыя недвижныя формы всѣ явленія жизни, во всякую данную минуту. Онъ можетъ, кажется, остановить самую жизнь, навсегда укрѣпить и поставить предъ нами самый неуловимый мигъ ея, чтобы мы вѣчно на него смотрѣли, поучаясь или наслаждаясь.

Такое могущество, въ высшемъ своемъ развитіи, *стóитъ, разумѣется, всего, что мы называемъ симпатичностью, прелестью, свѣжестью или энергіей таланта.* Но и это могущество имѣетъ свои стороны, и, кромѣ того, оно можетъ быть обращено на предметы различнаго рода, что тоже очень важно. Здѣсь мы расходимся съ приверженцами такъ-называемаго искусства для искусства, которые полагаютъ, что превосходное изображеніе древеснаго листочка столь же важно, какъ, напримѣръ, превосходное изображеніе характера человѣка. Можетъ быть, субъективно это бу-

детъ и справедливо: собственно сила таланта можетъ быть одинакова у двухъ художниковъ, и только сфера ихъ дѣятельности различна. Но мы никогда не согласимся, чтобы поэтъ, тратящій свой талантъ на образцовыя описанія листочковъ и ручейковъ, могъ имѣть одинаковое значеніе съ тѣмъ, кто съ равною силою таланта умѣетъ воспроизводить, напримѣръ, явленія общественной жизни. Намъ кажется, что *для критики, для литературы, для самого общества гораздо важнѣе вопросъ о томъ, на что употребляется, въ чемъ выражается талантъ художника, нежели то, какіе размѣры и свойства имѣетъ онъ въ самомъ себѣ, въ отвлеченіи, въ возможности.*

Какъ же выразился, на что потратился талантъ Гончарова? Повидимому, не обширную сферу избралъ Гончаровъ для своихъ изображеній. Исторія о томъ, какъ лежитъ и спитъ добрякъ-лѣнивецъ Обломовъ, и какъ ни дружба, ни любовь не могутъ пробудить и поднять его,—не Богъ вѣсть какая важная исторія.

Но въ ней отразилась русская жизнь, въ ней предстаетъ предъ нами живой, современный русскій типъ, отчеканенный съ безпощадною строгостью и правильностью; въ ней сказалось *новое слово нашего общественнаго развитія, произнесенное ясно и твердо, безъ отчаянія и безъ ребяческихъ надеждъ, но съ полнымъ сознаніемъ истины.*

Слово это—обломовщина; оно служитъ ключемъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни, и оно придаетъ роману Гончарова гораздо болѣе общественнаго значенія, нежели сколько имѣютъ его всѣ наши обличительныя повѣсти.

Въ типѣ Обломова и во всей этой обломовщинѣ мы видимъ нѣчто болѣе, нежели просто удачное созданіе сильнаго таланта; мы находимъ въ немъ *произведеніе русской жизни, знаменіе времени.*

Н. А. Добролюбовъ.

Племянникъ и дядя Адуевы.

Говорятъ, типъ молодого Адуева—устарѣлый; говорятъ, что такіе характеры уже не существуютъ на Руси.

Нѣтъ, *не перевелись* и не переведутся никогда такіе характеры, потому что ихъ производятъ не всегда обстоятельства жизни, но иногда сама природа.

Родоначальникъ ихъ на Руси Владиміръ Ленскій, по прямой линіи происходящій отъ гётевскаго Вертера.

Пушкинъ первый замѣтилъ существованіе въ нашемъ обществѣ такихъ натуръ и указалъ на нихъ. Съ теченіемъ времени онѣ будутъ измѣняться, но сущность ихъ всегда будетъ та же самая...

Молодой Адуевъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, мечтаетъ, съ какой радостью обниметъ своего обожаемаго дядю и въ какомъ восторгѣ будетъ отъ него дядя.

Онъ останавливается въ трактирѣ—и боится, что дядя осердится на него, зачѣмъ онъ не пріѣхалъ прямо къ нему.

Холодный пріемъ дяди разсѣиваетъ его провинціальныя мечты.

До сихъ поръ молодой Адуевъ является больше *провинціаломъ*, нежели романтикомъ.

Онъ даже непріятно былъ пораженъ тѣмъ, что дядя назвалъ дуракомъ Заѣзжалова и дурой деревенскую тетку съ ея желтымъ цвѣткомъ, приславшихъ къ нему преглупѣйшія письма.

Провинціалы часто бываютъ очень смѣшны въ своихъ отношеніяхъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ.

Въ маленькихъ городкахъ жизнь однообразна, узка, мелка, всѣ другъ друга знаютъ, и если не враждуютъ между собой, то непремѣнно пребываютъ въ нѣжнѣйшей дружбѣ; среднихъ отношеній почти нѣтъ.

И вотъ изъ городка отправляется искать счастья въ столицу молодой человѣкъ; всѣ имъ интересуются, провожаютъ его, желаютъ ему всякаго счастья, просятъ не забывать.

Онъ уже сдѣлался въ столицѣ пожилымъ человѣкомъ, родной городокъ его представляется ему какимъ-то смутнымъ видѣніемъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, новыхъ знакомствъ, отношеній, интересовъ, онъ давно перезабылъ и имена, и лица людей, которыхъ такъ коротко зналъ въ дѣтствѣ, и помнитъ только о самыхъ близкихъ къ нему, да и то они представляются ему въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ оставилъ, а вѣдь они съ тѣхъ поръ перемѣнились-же.

По ихъ письмамъ онъ видитъ, что у него съ ними нѣтъ ничего общаго. отвѣчая имъ, онъ поддѣлывается подъ ихъ тонъ, подъ ихъ понятія; удивительно-ли, что онъ пишетъ къ нимъ рѣже и рѣже, наконецъ и совсѣмъ перестаетъ писать.

Мысль о пріѣздѣ въ столицу родственника или знакомаго его столько-же пугаетъ, какъ жителей пограничнаго города во время войны пугаетъ мысль, что непріятель пойдетъ ихъ дорогой.

Въ столицѣ не понимаютъ заочной любви; здѣсь думаютъ, что любовь, дружба, пріязнь, знакомство поддерживаются личными отношеніями, а разлукой и отсутствіемъ охлаждаются и уничтожаются.

Въ провинціи думаютъ совсѣмъ наоборотъ; вслѣдствіе однообразія жизни, тамъ удивительно развита наклонность къ любви и дружбѣ.

Тамъ рады всякому; мѣшать другъ другу, не давать покою — тамъ считается священнѣйшей обязанностью.

Если кому-нибудь перестанутъ надоѣдать родственники и знакомые, онъ сочтетъ себя самымъ несчастнымъ, наиболѣе обиженнымъ человѣкомъ въ мірѣ.

Когда къ провинціалу, живущему въ маленькомъ городкѣ, вдругъ наѣзжаетъ орда родственниковъ и обращаетъ его маленькій домикъ въ боченокъ, набитый сельдями, онъ, по наружности, не знаетъ какъ и радоваться; съ веселымъ лицомъ бѣгаетъ, суетится, угощаетъ всю эту толпу, а внутренно отъ всей души проклинаетъ ее.

А между тѣмъ, попробуй-ка эти люди въ другой разъ остановиться не у него: онъ никогда имъ не проститъ этого.

Такова ужъ патріархальная логика провинціи.

И съ такой-то логикой пріѣзжаетъ иногда провинціалъ въ столицу по дѣламъ со всѣмъ семействомъ своимъ.

Въ столицѣ есть у него родственникъ, который лѣтъ ужъ тридцать какъ выѣхалъ изъ своего мѣстечка и давнымъ-давно позабылъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Нашъ провинціалъ летитъ къ нему съ распростертыми объятіями, съ малыми дѣтьми, которыхъ надо размѣстить по учебнымъ заведеніямъ, и обожаемой супругой, которая пріѣхала полюбоваться на столичные магазины модъ.

Раздаются ахи, охи, крикъ, пискъ, визгъ.

„А мы прямо къ вамъ, мы не смѣли остановиться въ трактирѣ!“

Столичный родственникъ блѣднѣетъ, не знаетъ, что дѣлать. Что сказать, онъ похожъ на жителя города, взятаго непріятелемъ, въ которому въ домъ ворвалась толпа предавшихся грабежу непріятельскихъ солдатъ.

А между тѣмъ ему уже подробно изъяснено, какъ его любятъ, какъ его помнятъ, какъ о немъ безпрестанно говорятъ и какъ на него надѣются, какъ увѣрены, что онъ непремѣнно поможетъ опредѣлить Костиньку, Петиньку, Ѳединьку, Митиньку по корпусамъ, а Машеньку, Сашеньку, Любочку и Таничку въ институтъ.

Столичный родственникъ видитъ, что отъ одной минуты за
ситъ его гибель или спасеніе, собирается съ духомъ и съ холод
вѣжливостью объясняетъ непріятельскому отряду, что онъ ника
не можетъ принять ихъ къ себѣ, что его квартира тѣсновата и д
его собственнаго семейства, что въ корпуса и институты дѣти п
нимаются по экзамену и по указанному порядку, что тутъ не по
жетъ никакая протекція, если нѣтъ вакантныхъ мѣстъ, или е
дѣти старше или моложе пріемныхъ лѣтъ или не выдержатъ эк
мена, а тѣмъ болѣе протекція такого незначительнаго человѣ
какъ онъ, который сверхъ того служитъ совсѣмъ по другому
домству и не знакомъ ни съ кѣмъ изъ начальниковъ учебныхъ
веденій.

Разочарованные провинціалы удаляются въ бѣшенствѣ,
піютъ противъ столичнаго эгоизма и развращенія, и говорятъ
своемъ родственникѣ, какъ о чудовищѣ.

А между тѣмъ это можетъ быть очень порядочный человѣ
вся вина его въ томъ, что онъ не захотѣлъ обратить своей кв
тиры въ безобразный таборъ, лишить себя всякаго пріюта въ с
ственномъ домѣ, всякой возможности заниматься дѣлами службы
тиши своего кабинета, принимать у себя по вечерамъ людей, к
близкихъ ему, или полезныхъ и необходимыхъ ему по службѣ, и
кимъ образомъ стѣснить себя, подвергнуть себя тяжкимъ лишенія
для людей, совершенно чуждыхъ ему, съ которыми-бы онъ не за
тѣлъ вести и обыкновеннаго знакомства.

А между тѣмъ и эти провинціалы по своему люди добры
даже неглупые; вся вина ихъ въ томъ, что, отправляясь въ столи
они увѣрены найти въ ней, за исключеніемъ огромности, велико
нія и модныхъ магазиновъ, свой городокъ, съ тѣми-же нравами, о
чаями и понятіями.

Они по своему любятъ роскошь и великолѣпіе, хотя и бе
вкуса; при средствахъ готовы изукрасить всячески свою залу и
стиную; о кабинетѣ не имѣютъ понятія и не знаютъ, зачѣмъ о
спальня и дѣтская у нихъ всегда самыя грязныя комнаты; имъ
чего не стоитъ потѣсниться и пожаться; понятіе о комфортѣ не
ществуетъ для нихъ, они привыкли къ тѣснотѣ, любятъ ее
пословицѣ: въ тѣснотѣ люди живутъ, да и жилымъ крѣпче пахне

Они всякому рады и, по словамъ Петра Ивановича, хоть
чью ужинъ состряпаютъ.

*По замѣчанію его племянника, эта черта составляетъ добро
тель русскихъ, съ чѣмъ Петръ Ивановичъ рѣшительно не согласе*
„Какая тутъ добродѣтель,—говоритъ онъ.—Отъ скуки тамъ всяко
мерзавцу рады; милости просимъ, кушай, сколько хочешь, толь
займи какъ-нибудь нашу праздность, помоги убить время, да д
взглянуть на тебя; все-таки что-нибудь новое; а кушанья не по
лѣемъ: это намъ здѣсь ровно ничего не стоитъ... Препротивн
добродѣтель!“

Петръ Ивановичъ выразился немножко жестоко, но не совсѣ
несправедливо.

Дѣйствительно, радушіе и гостепріимство провинціальное больше всего основываются на бездѣйствіи, праздности, скукѣ, привычкѣ.

Силу столичныхъ людей они измѣряютъ не мѣстомъ, не связями, не вліяніемъ, а чиномъ, и отъ души увѣрены, что если кто дѣйствительный статскій совѣтникъ, такъ ужъ непремѣнно всемогущая особа, которой стоитъ только сказать слово, чтобы сейчасъ рѣшили въ вашу пользу процессъ, тянувшійся пятьдесятъ лѣтъ, приняли вашихъ дѣтей въ учебное заведеніе, дали вамъ выгодное мѣсто, чинъ и орденъ.

Откажите имъ въ какой-нибудь просьбѣ, при всемъ вашемъ желаніи исполнить ее, но по невозможности выполнить,—и вотъ вы самый безнравственный человѣкъ въ мірѣ, вы зазнались, подняли носъ, презираете провинціаловъ.

А у нихъ первая добродѣтель—ни передъ кѣмъ не зазнаваться, не отказываться ни отъ чьего знакомства и быть готовымъ къ услугамъ всѣхъ и каждаго.

Правда, нигдѣ нѣтъ такого важничанья, ломанья, счета старшинствомъ, чинами, званіемъ; но этотъ порокъ, опасный для общаго мира и согласія, смягчается тамъ добродѣтельной готовностью съежиться въ присутствіи человѣка, который хотя однимъ чиномъ выше, и въ то-же самое время не уронить своего достоинства передъ тѣмъ, кто чиномъ ниже.

Впрочемъ, эта добродѣтель процвѣтаетъ и въ столицѣ, хотя и въ болѣе тонкихъ формахъ. Но въ провинціи это дѣлается съ истинно-аркадской наивностью. „Э, братецъ, (говоритъ богатый помѣщикъ или важный чиновникъ бѣдному помѣщику или чиновнику), ты меня вовсе забылъ, аль недоволенъ мной? Или плохо кормлю? Кажется, у меня для тебя всегда есть плошка за столомъ, шутъ ты гороховый!“

Бѣднякъ слегка конфузится, бормочетъ извиненія, держась передъ своимъ патрономъ въ почтительной позѣ; но въ глазахъ его сіяетъ удовольствіе: онъ знаетъ, гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость, и что въ иной брани больше любви, чѣмъ въ иной ласкѣ.

„Ну, да хорошо, Богъ тебя проститъ, теперь пойдемъ-ка хлѣба-соли откушать, обѣдъ готовъ“.

И оба довольны: одинъ, что выполнилъ въ точности законы патріархальнаго гостепріимства и обласкалъ бѣднаго человѣка; другой, что хорошо принятъ и обласканъ такой важной въ его глазахъ персоной.

И этотъ бѣднякъ всегда предпочтетъ обществу совершенно равныхъ ему людей не только общество аристократовъ его захолустья, но и общество низшихъ его людей, потому что онъ тогда только и чувствуетъ свое достоинство, когда унижается передъ высшимъ и ломается передъ низшимъ.

Конечно, это отнюдь не можетъ относиться ко всѣмъ провинціаламъ; вездѣ есть люди образованные, умные и достойные, но они вездѣ въ меньшинствѣ, а мы говоримъ о большинствѣ.

Непосредственное вліяніе окружающей человѣка среды такъ на него сильно, что лучшіе изъ провинціаловъ бываютъ не чужды провинціальныхъ предразсудковъ, и на первый разъ теряются, пріѣхавши въ столицу.

Тутъ все дико имъ, все не такъ, какъ у нихъ. Тамъ жизнь простая, на распашку; ходятъ другъ къ другу во всякое время, безъ доклада.

Приходитъ сосѣдъ къ сосѣду: въ прихожей или нѣтъ никого, или спитъ на грязномъ залавкѣ небритый лакей или оборванный мальчишка, а спитъ онъ потому, что ему нечего дѣлать, хотя окружающая его грязь и вонь могли-бы дать ему работы дня на два.

И вотъ гость входитъ въ залу—нѣтъ никого; въ гостиную—тоже никого: онъ въ спальню—и вдругъ тамъ раздается визгливое: ахъ; гость говоритъ въ пріятномъ замѣшательствѣ: „извините-съ", медленно пятится въ гостиную, къ нему кто-нибудь выбѣгаетъ, изъявляетъ свой восторгъ отъ его посѣщенія, и оба смѣются надъ забавнымъ приключеніемъ.

А здѣсь, въ столицѣ, все на заперти, вездѣ колокольчики, вездѣ неизбѣжное: „какъ прикажете доложить?", а потомъ—то дома нѣтъ, то нездоровъ, то просятъ извинить—заняты, а когда примутъ, то, конечно, вѣжливо, но зато какъ равнодушно, холодно, никакого радушія, ни позавтракать, ни пообѣдать не пригласятъ...

Но обратимся къ герою «Обыкновенной исторіи».

Въ немъ есть чувство деликатности и приличія; хотя онъ и былъ увѣренъ, что дядя приметъ его съ восторгомъ и помѣститъ у себя на квартирѣ, однако какое-то темное чувство заставило его остановиться въ трактирѣ.

Если-бъ онъ сдѣлалъ хорошую привычку разсуждать о томъ, что всего ближе къ нему, онъ пораздумался-бы о темномъ чувствѣ, которое заставило его въѣхать въ трактиръ, а не прямо на квартиру дяди, и скоро понялъ-бы, что нѣтъ никакихъ причинъ ожидать отъ дяди другого пріема, кромѣ развѣ равнодушно-ласковаго, и что нѣтъ у него никакихъ правъ на жительство у него въ квартирѣ.

Но, къ несчастью, *онъ привыкъ разсуждать только о любви, дружбѣ и другихъ высокихъ и далекихъ предметахъ*, и потому явился къ дядѣ провинціаломъ съ ногъ до головы.

Исполненныя ума и здраваго смысла слова дяди ничего не растолковали ему, а только произвели на него тяжелое, грустное впечатлѣніе и заставили его *романтически страдать*.

Онъ былъ *трижды романтикъ*—по натурѣ, по воспитанію и по обстоятельствамъ жизни, между тѣмъ какъ и

одной изъ этихъ причинъ достаточно, чтобъ сбить съ толку порядочнаго человѣка и заставить его надѣлать тьму глупостей.

Нѣкоторые находятъ, что онъ своими геществеными знаками невещественныхъ отношеній и другими черезчуръ ребяческими выходками не совсѣмъ вѣроятенъ, особенно въ наше время.

Не споримъ, можетъ быть въ этомъ замѣчаніи и есть доля правды; да дѣло-то въ томъ, что *полное изображеніе характера молодого Адуева надо искать* не здѣсь, а *въ его любовныхъ похожденіяхъ*. Въ нихъ онъ весь, въ нихъ онъ представитель множества людей, похожихъ на него, какъ двѣ капли воды, и дѣйствительно обрѣтающихся въ здѣшнемъ мірѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этой не новой, но все еще интересной породѣ, къ которой принадлежитъ этотъ романтическій звѣрекъ.

Это порода людей, которыхъ *природа съ избыткомъ надѣляетъ нервической чувствительностью*, часто доходящей *до болѣзненной раздражительности* (susceptibilité).

Они рано обнаруживаютъ *тонкое пониманіе неопредѣленныхъ ощущеній и чувствъ, любятъ слѣдить за ними, наблюдать ихъ и называютъ это — наслаждаться внутренней жизнью*.

Поэтому они *очень мечтательны* и любятъ или уединеніе, или кругъ избранныхъ друзей, съ которыми-бы они могли говорить о своихъ ощущеніяхъ, чувствахъ и мысляхъ, хотя мыслей у нихъ такъ-же мало, какъ много ощущеній и чувствъ.

Вообще они богато одарены отъ природы *душевными способностями, но дѣятельность ихъ способностей чисто страдательная*; иные изъ нихъ много понимаютъ, но ни одинъ не способенъ что-нибудь дѣлать, производить; онъ *немножко музыкантъ, немножко живописецъ, немножко поэтъ*, даже при нуждѣ *немножко критикъ и литераторъ*, но всѣ эти таланты у него таковы, что онъ не можетъ ими пріобрѣсти не только славы или извѣстности, но даже вырабатывать посредственное содержаніе.

Изо всѣхъ умственныхъ способностей въ нихъ сильно развивается *воображеніе и фантазія*, но не та фантазія, по-

средствомъ которой поэтъ творитъ, а та фантазія, которая заставляетъ человѣка наслажденіе мечтами о благахъ жизни предпочитать наслажденію дѣйствительными благами жизни.

Это они называютъ жить высшей жизнью, недоступной для презрѣнной толпы, парить горѣ, тогда какъ презрѣнная толпа пресмыкается долу.

Отъ природы они очень добры, симпатичны, способны къ великодушнымъ движеніямъ, но какъ *фантазія въ нихъ преобладаетъ надъ разсудкомъ и сердцемъ*, то они скоро доходятъ *до сознательнаго презрѣнія къ «пошлому здравому смыслу* — этому, по ихъ мнѣнію, достоинству людей матеріальныхъ, грубыхъ и ничтожныхъ, для которыхъ не существуетъ высокаго и прекраснаго»; сердце ихъ, безпрестанно насилуемое въ его инстинктахъ и стремленіяхъ ихъ волей, подъ управленіемъ фантазіи, скоро *скудѣетъ любовью*, и они дѣлаются *ужасными эгоистами и деспотами*, сами того не замѣчая, а напротивъ того, будучи добросовѣстно убѣждены, что они самые любящіе и самоотверженные люди.

Такъ какъ въ дѣтствѣ они удивляли всѣхъ раннимъ и быстрымъ развитіемъ своихъ способностей и оказывали, сколько своими достоинствами, столько-же и недостатками, сильное вліяніе надъ своими сверстниками, изъ которыхъ иные были гораздо выше ихъ,—естественно, что они были захвалены съ раннихъ лѣтъ и сами о себѣ возымѣли высокое понятіе.

Природа и безъ того отпустила имъ *самолюбія* гораздо больше, нежели сколько нужно его для экилибра человѣческой жизни; удивительно-ли, что легкіе и мало-заслуженные блестящіе успѣхи усиливаютъ у нихъ самолюбіе до невѣроятной степени?

Но самолюбіе въ нихъ бываетъ всегда такъ *замаскировано*, что они добросовѣстно не подозрѣваютъ его въ себѣ, искренно принимаютъ его за геніальное стремленіе къ славѣ, ко всему великому, высокому и прекрасному.

Они долго бываютъ помѣшаны на трехъ завѣтныхъ идеяхъ: это—*слава, дружба* и *любовь*. Все остальное для нихъ не существуетъ; это, по ихъ мнѣнію, достояніе презрѣнной толпы.

Всѣ роды славы для нихъ равно обольстительны, и сначала они долго колеблятся, какой избрать путь для достиженія славы. Имъ и въ голову не приходитъ, что, кто считаетъ себя равно способнымъ ко всѣмъ поприщамъ славы, тотъ не способенъ ни къ какому, — что самые великіе люди узнавали о своей геніальности не прежде, какъ сдѣлавши сперва что-нибудь дѣйствительно великое и геніальное, и узнаютъ это не по собственному сознанію, а по одобрительнымъ и восторженнымъ кликамъ толпы.

И вотъ манитъ ихъ военная слава, имъ очень-бы хотѣлось въ *Наполеоны*, но только не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ на первый случай дали подъ команду хоть небольшую, хоть стотысячную армію, чтобъ они сейчасъ-же могли начинать блестящій рядъ побѣдъ своихъ.

Манитъ ихъ и *гражданская слава*, но не иначе, какъ на такомъ условіи, чтобъ имъ прямо махнуть въ министры и сейчасъ-же преобразовать государство (у нихъ-же всегда готовы въ головѣ превосходные проекты для всякаго рода реформъ, стоитъ только присѣсть да написать). Но какъ зависть людей сдѣлала невозможными такіе геніальные скачки для такихъ геніальныхъ людей и требуетъ, чтобъ всякій начиналъ свое поприще съ начала, а не съ конца, и на дѣлѣ, а не на словахъ только доказалъ-бы свою геніальность, то наши геніи поневолѣ скоро обращаются къ другимъ путямъ славы.

Хватаются они иногда и *за науку*, но не на долго: сухая скучная матерія, надобно много учится, много работать, нѣтъ никакой пищи сердцу и фантазіи.

Остается *искусство;* но какое-же избрать?

Архитектура, скульптура, живопись и музыка никакому генію не даются безъ тяжкаго и продолжительнаго труда, и, что́ всего хуже и обиднѣе для романтиковъ, сначала труда чисто матеріальнаго и механическаго.

Остается *поэзія*—и вотъ они бросаются къ ней со всего размаху и, еще ничего не сдѣлавши, въ мечтахъ своихъ украшаютъ себя огненнымъ ореоломъ поэтической славы.

Главное ихъ заблужденіе состоитъ еще въ нелѣпомъ убѣжденіи, что въ поэзіи нужны только талантъ и вдохновеніе, что кто родился поэтомъ, тому ничему не нужно учиться, ничего не нужно знать: у кого дѣйствительно есть

большой талантъ, тотъ силой самаго таланта скоро пойметъ нелѣпость этой мысли и начнетъ все изучать, ко всему прислушиваться и приглядываться. Нѣтъ, главное и гибельное ихъ заблужденіе состоитъ въ томъ, что *они повѣрили себя въ своемъ поэтическомъ призваніи, какъ въ непреложной истинѣ, срослись съ этой несчастной мыслью*, такъ что разочароваться въ ней—значитъ для нихъ потерять всякую вѣру въ себя и въ жизнь и въ цвѣтѣ лѣтъ сдѣлаться паралитическими стариками.

И вотъ *нашъ романтикъ принимается писать стихи* и говоритъ въ нихъ о томъ, о чемъ давно прежде него было сказано и великими, и малыми поэтами, и вовсе не поэтами. Онъ воспѣваетъ въ нихъ свои страданія, которыхъ не испыталъ, говоритъ о своихъ темныхъ надеждахъ, изъ которыхъ видно только то, что онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ; простираетъ къ братьямъ-людямъ горячія объятія и хочетъ разомъ прижать къ сердцу все человѣчество, или горько жалуется, что толпа холодно отвернулась отъ его братскихъ объятій. Бѣднякъ не понимаетъ, что, сидя въ кабинетѣ, ничего не стоитъ вдругъ возгорѣться самой неистовой любовью къ человѣчеству, по крайней мѣрѣ гораздо легче, нежели провести безъ сна хоть одну ночь у постели трудно-больного.

Обыкновенно романтики придаютъ страшную цѣну чувству, думаютъ, что только одни они надѣлены сильными чувствами, а другіе лишены ихъ, потому что не кричатъ о своихъ чувствахъ.

Чувство, конечно, важная сторона въ натурѣ человѣка, но не всѣ и не всегда поступаютъ въ жизни сообразно съ своей способностью чувствовать глубоко и сильно. Случается и такъ, что иной, чѣмъ сильнѣе чувствуетъ, тѣмъ безчувственнѣе живетъ: рыдаетъ отъ стиховъ, отъ музыки, отъ живого изображенія человѣческихъ бѣдствій въ романѣ или повѣсти—и равнодушно проходитъ мимо дѣйствительнаго страданія, которое у него передъ глазами. Иной управляющій, изъ нѣмцевъ, со слезами восторга на глазахъ читаетъ своей Минхенъ какое-либо восторженное посланіе Шиллера къ Лаурѣ и, кончивши послѣдній стихъ, съ неменьшимъ удовольствіемъ идетъ пороть мужиковъ за то, что они осмѣлились робко намекнуть своему милостивому

барину, что они не совсѣмъ довольны отеческими попеченіями управляющаго о ихъ благосостояніи, отъ которыхъ только онъ одинъ жирѣетъ, а они всѣ худѣютъ.

Стихи нашего романтика гладки, блестящи, не лишены даже поэтической обработки, хотя въ нихъ и довольно риторической водицы, однако въ нихъ мѣстами проглядываетъ чувство, иногда даже блеснетъ мысль (какъ отголосокъ чужой мысли),—словомъ, замѣтно что-то въ родѣ таланта.

Стихи его печатаются въ журналахъ, многіе ихъ хвалятъ; а если онъ явится съ ними въ переходную эпоху литературы, онъ можетъ пріобрѣсти даже значительную извѣстность.

Но переходныя эпохи лутературы особенно гибельны для такихъ поэтовъ: ихъ извѣстность, пріобрѣтенная въ короткое время чѣмъ-то, и въ короткое-же время исчезаетъ просто отъ ничего; сперва ихъ стихи перестаютъ хвалить, потомъ читать, а, наконецъ, и печатать.

Но *молодому Адуеву не удалось насладиться хотя на мгновеніе даже ложной извѣстностью*: его не допустили до этого и время, въ которое онъ вышелъ со своими стихами, и умный, откровенный дядя.

Его несчастіе состояло *не въ томъ, что онъ былъ бездаренъ, а въ томъ, что у него вмѣсто таланта былъ полуталантъ*, который въ поэзіи хуже бездарности, потому что увлекаетъ человѣка ложными надеждами. Вы помните, что ему стоило разочарованіе въ своемъ поэтическомъ призваніи . . .

Дружба также дорого обходится романтикамъ. Всякое чувство, чтобы быть истиннымъ, должно быть прежде всего естественно и просто. Дружба иногда завязывается отъ сходства, а иногда отъ противоположности натуръ; но во всякомъ случаѣ она чувство невольное, именно потому, что свободное; имъ управляетъ сердце, а не умъ и воля. Друга нельзя искать, какъ подрядчика на работу, друга нельзя выбрать; *друзьями дѣлаются случайно и незамѣтно*; привычка и обстоятельства жизни скрѣпляютъ дружбу.

Истинные друзья не даютъ имени соединяющей ихъ симпатіи, не болтаютъ о ней безпрестанно, ничего не требуютъ одинъ отъ другого во имя дружбы, но дѣлаютъ

другъ для друга, что могутъ. Бывали примѣры, что другъ не выносилъ смерти своего друга и умиралъ вскорѣ послѣ него; другой отъ потери своего друга изъ веселаго человѣка дѣлается на всю жизнь меланхоликомъ; а третій поскорбитъ, потужитъ, да и утѣшится, но если онъ навсегда сохранитъ воспоминаніе, и оно будетъ для него вмѣстѣ и грустно, и отрадно, онъ былъ истиннымъ другомъ умершаго, хотя не только не умеръ самъ отъ его потери, не сошелъ съ ума, не сдѣлался меланхоликомъ, но еще нашелъ силу быть довольно счастливымъ въ жизни и безъ друга.

Степень и характеръ дружбы зависятъ отъ личности друзей; тутъ главное, чтобъ не было въ отношеніяхъ ничего натянутаго, напряженнаго, восторженнаго, ничего похожаго на долгъ и обязанность, а то иной готовъ и Богъ знаетъ на какія самопожертвованія для своего друга, чтобы сказать самому себѣ, а иногда и другимъ: «вотъ каковъ я въ дружбѣ!» или: «вотъ къ какой дружбѣ я способенъ!»

Этотъ-то родъ дружбы обожаютъ романтики.

Они дружатся по программѣ, заранѣе составленной, гдѣ съ точностью опредѣлены сущность, права и обязанности дружбы; они только не заключаютъ контрактовъ со своими друзьями. Имъ дружба нужна, чтобы удивить міръ и показать ему, какъ великія натуры въ дружбѣ отличаются отъ обыкновенныхъ людей, отъ толпы. Ихъ тянетъ къ дружбѣ не столько потребность симпатіи, столь сильной въ молодыя лѣта, сколько потребность имѣть при себѣ человѣка, которому-бы они безпрепятственно могли говорить о драгоцѣнной своей особѣ.

Выражаясь ихъ высокимъ слогомъ, для нихъ другъ есть драгоцѣнный сосудъ для изліянія самыхъ святыхъ и завѣтныхъ чувствъ, мыслей, надеждъ, мечтаній и т. д.; тогда какъ въ самомъ-то дѣлѣ въ ихъ глазахъ другъ есть лохань, куда они выливаютъ помои своего самолюбія.

Зато они и не знаютъ дружбы, потому что друзья ихъ скоро оказываются неблагодарными, вѣроломными, извергами, и они еще сильнѣе злобствуютъ на людей, которые не умѣли и не хотѣли понять и оцѣнить ихъ...

Любовь обходится имъ еще дороже, потому что это чувство само по себѣ живѣе и сильнѣе другихъ.

Обыкновенно любовь раздѣляютъ на многіе роды и виды; всѣ эти раздѣленія большей частью нелѣпы. потому что надѣланы людьми, которые способнѣе мечтать и разсуждать о любви, нежели любить.

Прежде всего раздѣляютъ любовь на матеріальную или чувственную и платоническую или идеальную, презираютъ первую и восторгаются второй.

Дѣйствительно, есть люди столь грубые, что могутъ предаваться только животнымъ наслажденіямъ любви, не хлопоча даже о красотѣ и молодости; но даже и эта любовь, какъ ни груба она, все-же лучше платонической, потому что естественнѣе ея: послѣдняя хороша только для хранителей восточныхъ гаремовъ...

Человѣкъ не звѣрь и не ангелъ; онъ долженъ любить не животно и не платонически, а *человѣчески*.

Какъ-бы ни идеализировали любовь, но какъ-же не видѣть, что природа одарила людей этимъ прекраснымъ чувствомъ сколько для ихъ счастья, столько и для размноженія и поддержанія рода человѣческаго.

Родовъ любви такъ-же много, какъ много на землѣ людей, потому что каждый любитъ сообразно со своимъ темпераментомъ, характеромъ, понятіями и т. д. И всякая любовь истинна и прекрасна по своему, лишь-бы только она была въ сердцѣ, а не въ головѣ.

Но *романтики особенно падки къ головной любви*. Сперва они сочиняютъ программу любви, потомъ ищутъ достойной себя женщины, а за неимѣніемъ таковой любятъ пока какую-нибудь; имъ ничего не стоитъ велѣть себѣ любить. вѣдь у нихъ все дѣлаетъ голова, а не сердце.

Имъ любовь нужна не для счастья, не для наслажденія, а для оправданія на дѣлѣ своей высокой теоріи любви. И они любятъ по тетрадкѣ и больше всего боятся отступить хотя отъ одного параграфа своей программы.

Главная ихъ забота являться въ любви великими и ни въ чемъ не унизиться до сходства съ обыкновенными людьми.

И однако-жъ *въ любви молодого Адуева къ Надеинькѣ было столько истиннаго и живого чувства*; природа заставила на время молчать его романтизмъ, но не побѣдила его. Онъ

могъ-бы быть счастливъ надолго, но былъ только на минуту, потому что все самъ испортилъ.

Наденька была умнѣе его, а главное попроще и естественнѣе. Капризное, избалованное дитя, она любила его сердцемъ, а не головой, безъ теорій и безъ претензій на геніальность; она видѣла въ любви только ея свѣтлую и веселую сторону, и потому любила какъ-будто шутя—шалила, кокетничала, дразнила Адуева своими капризами.

Но *онъ любилъ „горестно и трудно“*, весь задыхающійся, весь въ пѣнѣ, словно лошадь, которая тащитъ въ гору тяжелый возъ.

Какъ романтикъ, онъ былъ и *педантъ*: легкость, шутка оскорбляли въ его глазахъ святое и высокое чувство любви.

Любя, онъ хотѣлъ быть театральнымъ героемъ.

Онъ скоро все переболталъ съ Наденькой о своихъ чувствахъ, пришлось повторять старое, а Наденька хотѣла, чтобъ онъ занималъ не только ея сердце, но и умъ, потому что она была пылка, впечатлительна, жаждала новаго; все привычное и однообразное скоро наскучало ей.

Но *къ этому Адуевъ былъ человѣкъ самый неспособный въ мірѣ, потому что собственно его умъ спалъ глубокимъ и непробуднымъ сномъ*: считая себя великимъ философомъ, онъ не мыслилъ, а мечталъ, бредилъ на яву.

При такихъ отношеніяхъ къ предмету его любви, ему былъ опасенъ всякій соперникъ,—пусть онъ былъ-бы хуже его, лишь-бы только не походилъ на него и могъ-бы имѣть для Наденьки прелесть новости; а тутъ вдругъ является графъ, человѣкъ съ блестящимъ свѣтскимъ образованіемъ.

Адуевъ, думая повести себя въ отношеніи къ нему истиннымъ героемъ, черезъ это самое повелъ себя какъ глупый, дурно воспитанный мальчишка, и этимъ испортилъ все дѣло.

Дядя объяснилъ ему, но поздно и безполезно для него, что во всей этой исторіи былъ виноватъ только одинъ онъ.

Какъ жалокъ этотъ несчастный мученикъ своей извращенной и ограниченной натуры въ послѣднемъ его объясненіи съ Наденькой и потомъ въ разговорѣ съ дядей!

Страданія его невыносимы; онъ не можетъ не согласиться съ доводами дяди, и между тѣмъ все-таки не можетъ понять дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ.

Какъ! ему унизиться до такъ-называемыхъ хитростей, ему, который затѣмъ и полюбилъ, чтобъ удивить себя и міръ своей громадной страстью, хотя міръ и не думалъ заботиться ни о немъ, ни о его любви!

По его теоріи, судьба должна была послать ему такую-же великую героиню, какъ онъ самъ, и вмѣсто этого послала легкомысленную дѣвчонку, бездушную кокетку! Наденька, которая была еще недавно въ глазахъ его выше всѣхъ женщинъ, теперь вдругъ стала ниже всѣхъ ихъ! Все это было-бы очень смѣшно, если-бъ не было такъ грустно.

Ложныя причины производятъ такія-же мучительныя страданія, какъ и истинныя.

Вотъ мало-по-малу онъ перешелъ *отъ мрачнаго отчаянія къ холодному унынію* и, какъ истинный романтикъ, началъ щеголять и кокетничать *«своей нарядной печалью»*.

Прошелъ годъ, и онъ уже презираетъ Наденьку, говоря, что въ ея любви не было нисколько героизма и самоотверженія.

На вопросъ тетки: какой любви потребовалъ-бы онъ отъ женщины? онъ отвѣчалъ: «я потребовалъ-бы отъ нея первенства въ ея сердцѣ; любимая женщина не должна замѣчать, видѣть другихъ мужчинъ, кромѣ меня; всѣ они должны казаться ей невыносимыми; я одинъ выше, прекраснѣе (тутъ онъ выпрямился), лучше, благороднѣе всѣхъ. Каждый мигъ, прожитый не со мной, для нея потерянный мигъ; въ моихъ глазахъ, въ моихъ разговорахъ должна она почерпать блаженство и не знать другого; для меня она должна жертвовать всѣмъ: презрѣнными выгодами, расчетами, свергнуть съ себя деспотическое иго матери, мужа, бѣжать, если нужно, на край свѣта, сносить энергически всѣ лишенія, наконецъ, презрѣть саму смерть — вотъ любовь!»

Какъ эта галиматья похожа *на слова восточнаго деспота*, который говоритъ своему главному евнуху: «если одна изъ моихъ одалисокъ проговоритъ во снѣ мужское имя, которое будетъ не моимъ,—сейчасъ-же въ мѣшокъ и въ море!»

Бѣдный мечтатель увѣренъ, что въ его словахъ выразилась страсть, къ которой способны только полубоги, а не

простые смертные, и между тѣмъ тутъ выразились только *самое необузданное самолюбіе и самый отвратительный эгоизмъ.*

Ему нужно не любовницу, а рабу, которую онъ могъ-бы безнаказанно мучить капризами своего эгоизма и самолюбія.

Прежде, чѣмъ требовать такой любви отъ женщины, ему слѣдовало-бы спросить себя, *способенъ-ли самъ заплатить такой-же любовью;* чувство увѣряло его, что способенъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить ни чувству, ни уму, а только опыту; но для романтиковъ чувство есть единственный непогрѣшительный авторитетъ въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ жизни.

Но если-бы онъ и былъ способенъ къ такой любви, это-бы должно было быть для него причиной бояться любви и бѣжать отъ нея, потому что это любовь не человѣческая, а звѣриная, взаимное терзаніе другъ друга.

Любовь требуетъ *свободы;* отдаваясь другъ другу по временамъ, любящіеся по временамъ хотятъ принадлежать и самимъ себѣ.

Адуевъ требуетъ любви вѣчной, не понимая того, что чѣмъ любовь живѣе, страстнѣе, чѣмъ ближе подходитъ подъ любимый идеалъ поэтовъ, тѣмъ она кратковременнѣе, тѣмъ скорѣе охлаждается и переходитъ въ равнодушіе, а иногда и въ отвращеніе.

И наоборотъ, чѣмъ любовь спокойнѣе и тише, т. е., чѣмъ прозаичнѣе, тѣмъ продолжительнѣе: привычка скрѣпляетъ ее на всю жизнь.

Поэтическая, страстная любовь — это цвѣтъ нашей жизни, нашей молодости; ее испытываютъ рѣдкіе, и только одинъ разъ въ жизни, хотя послѣ иные любятъ и еще нѣсколько разъ, да ужъ не такъ, потому что, какъ сказалъ нѣмецкій поэтъ, май жизни цвѣтетъ только разъ.

Шекспиръ не даромъ заставилъ умереть Ромео и Юлію въ концѣ своей трагедіи: черезъ это они остаются въ памяти читателя героями любви, ея апоѳеозой; оставь-же онъ ихъ въ живыхъ, они представлялись-бы намъ счастливыми супругами, которые, сидя вмѣстѣ, зѣваютъ, а иногда и ссорятся, въ чемъ вовсе нѣтъ поэзіи.

Но вотъ судьба послала нашему герою именно такую женщину, т. е. такую-же, какъ онъ, *испорченную, съ вывороченнымъ на изнанку сердцемъ и мозгомъ.*

Сначала онъ утопалъ въ блаженствѣ, все забылъ, все бросилъ, съ утра до поздней ночи просиживалъ у ней каждый день.

Въ чемъ-же заключалось его блаженство? — Въ разговорахъ о своей любви.

И этотъ страстный молодой человѣкъ, сидя наединѣ съ прекрасной молодой женщиной, которая его любитъ и которую онъ любитъ, не краснѣлъ, не блѣднѣлъ, не замиралъ отъ томительныхъ желаній; *ему довольно было разговоровъ о взаимной ихъ любви!..*

Это, впрочемъ, понятно: *сильная наклонность къ идеализму и романтизму почти всегда свидѣтельствуетъ объ отсутствіи темперамента;* это люди безполые,—то-же, что въ царствѣ растеній тайнобрачные, грибы, напримѣръ.

Мы понимаемъ это трепетное, робкое обожаніе женщины, въ которое не входитъ ни одно дерзкое желаніе, но это не платонизмъ: это первый моментъ первой свѣжей, дѣвственной любви; это не отсутствіе страсти, а страсть, которая еще боится сказаться самой себѣ.

Съ этого начинается первая любовь, но остановиться на этомъ такъ-же смѣшно и глупо, какъ захотѣть остаться на всю жизнь ребенкомъ и ѣздить верхомъ на палочкѣ. Любовь имѣетъ свои законы развитія, свои возрасты, какъ цвѣты, какъ жизнь человѣческая. У ней есть своя роскошная весна, свое жаркое лѣто, наконецъ, осень, которая для однихъ бываетъ теплой, свѣтлой и плодородной, для другихъ—холодной, гнилой и безплодной.

Но нашъ герой не хотѣлъ знать законовъ сердца, природы, дѣйствительности, онъ сочинялъ для нихъ свои собственные, онъ гордо признавалъ существующій міръ призракомъ, а созданный его фантазіей призракъ—дѣйствительно существующимъ міромъ.

На зло возможности, онъ упорно хотѣлъ оставаться въ первомъ моментѣ любви на всю жизнь свою.

Однако-жъ сердечныя изліянія съ Тафаевой скоро начали утомлять его; онъ думалъ поправить дѣло предложеніемъ жениться. Коли такъ, то надо-бы было поторопиться;

но онъ только думалъ, что рѣшился, а въ самомъ-то дѣлѣ ему только былъ нуженъ предметъ для новыхъ мечтаній.

Между тѣмъ Тафаева начала смертельно надоѣдать ему своей привязчивой любовью; *онъ началъ тиранить ее самымъ грубымъ и отвратительнымъ образомъ за то, что уже не любилъ ея.*

Еще прежде этого онъ ужъ начиналъ понимать, что свобода въ любви—вещь недурная, что пріятно бывать у любимой женщины, но также пріятно быть въ правѣ пройтись по Невскому, когда хочется, отобѣдать съ знакомыми и друзьями, провести съ ними вечеръ,—что, наконецъ, при любви можно не бросать и службы.

Измучивши бѣдную женщину самымъ варварскимъ образомъ, взваливши на нее всю вину въ несчастіи, въ которомъ онъ былъ виноватъ гораздо больше ея, — онъ рѣшился, наконецъ, сказать себѣ, что онъ ея не любитъ, и что ему пора покончить съ ней.

Такимъ образомъ *его глупый идеалъ любви былъ вдребезги разбитъ опытомъ.* Онъ самъ увидѣлъ свою несостоятельность передъ любовью, о которой мечталъ всю жизнь свою.

Онъ увидѣлъ ясно, что онъ вовсе не герой, а самый обыкновенный человѣкъ, хуже тѣхъ, кого презиралъ, что онъ самолюбивъ безъ достоинствъ, требователенъ безъ правъ, заносчивъ безъ силы, гордъ и надутъ собой безъ заслуги, неблагодаренъ, эгоистъ.

Это *открытіе* словно громомъ пришибло его, но *не заставило его искать примиренія съ жизнью*, пойти настоящимъ путемъ.

Онъ впалъ *въ мертвую апатію* и рѣшился отомстить за свое ничтожество природѣ и человѣчеству, связавшись съ животнымъ Костяковымъ и предавшись пустымъ удовольствіямъ, безъ всякой охоты къ нимъ.

Послѣдняя его любовная исторія гадка.

Онъ хотѣлъ погубить бѣдную страстную дѣвушку, такъ, отъ скуки, и не могъ-бы въ этомъ покушеніи оправдаться даже бѣшенствомъ чувственныхъ желаній, хотя и это плохое оправданіе, особенно, когда есть для этого путь болѣе прямой и честный.

Отецъ дѣвушки далъ ему урокъ, страшный для его самолюбія: онъ обѣщалъ поколотить его; герой нашъ хотѣлъ съ отчаянія броситься въ Неву, но струсилъ.

Концертъ, на который затащила его тетка, расшевелилъ въ немъ прежнія мечтанія и вызвалъ его на откровенное объясненіе съ теткой и дядей.

Здѣсь онъ обвинилъ дядю во всѣхъ своихъ несчастіяхъ.

Дядя по-своему дѣйствительно кое въ чемъ сильно ошибался, но онъ былъ тутъ самимъ собою, не лгалъ, не притворялся, говорилъ по убѣжденію, что думалъ и чувствовалъ; если слова его подѣйствовали на племянника болѣе вредно, нежели полезно, въ этомъ виновата ограниченная, болѣзненная и поврежденная натура нашего героя.

Это одинъ изъ тѣхъ людей, которые иногда и видятъ истину, но, рванувшись къ ней, или не допрыгиваютъ до нея, или перепрыгиваютъ черезъ нее, такъ что бываютъ только около нея, но никогда въ ней. Выѣзжая изъ Петербурга въ деревню, онъ расквитался съ нимъ фразами и стихами и прочелъ стихотвореніе Пушкина: «Художникъ-варваръ кистью сонной»... Эти господа ни на часъ безъ монологовъ и стиховъ—такіе болтуны!

Онъ пріѣхалъ въ деревню *живымъ трупомъ*; *нравственная жизнь была въ немъ совершенно парализована*; самая наружность его сильно измѣнилась, мать едва узнала его.

Съ нею онъ обошелся почтительно, но холодно, ничего ей не открылъ, не объяснилъ.

Онъ, наконецъ, понялъ, что между нимъ и ею нѣтъ ничего общаго, что если-бъ онъ сталъ ей объяснять, куда дѣвались его волоски, она поняла-бы это такъ-же, какъ Евсей и Аграфена.

Ласки и угожденіе матери скоро стали ему въ тягость.

Мѣста—свидѣтели его дѣтства—расшевелили въ немъ прежнія мечты, и онъ началъ *хныкать о ихъ невозвратной потерѣ, говоря, что счастье въ обманахъ и призракахъ.*

Это общее убѣжденіе всѣхъ дряблыхъ, безсильныхъ, недоконченныхъ натуръ. Вѣдь, кажется, опытъ достаточно показалъ ему, что всѣ его несчастія произошли именно оттого, что онъ предавался обманамъ и мечтамъ: воображалъ, что у него огромный поэтическій талантъ, тогда какъ у

него не было никакого, что онъ созданъ для какой-то героической и самоотверженной дружбы и колоссальной любви, тогда какъ въ немъ ничего не было героическаго, самоотверженнаго.

Это былъ человѣкъ обыкновенный, но вовсе не пошлый.

Онъ былъ *добръ, любящъ и не глупъ, не лишенъ образованія*; всѣ несчастія его произошли оттого, что *будучи обыкновеннымъ человѣкомъ, онъ хотѣлъ разыграть роль необыкновеннаго.*

Кто въ молодости не мечталъ, не предавался обманамъ, не гонялся за призраками, и кто не разочаровывался въ нихъ, и кому эти разочарованія не стоили сердечныхъ судорогъ, тоски, апатіи, и кто потомъ не смѣялся надъ ними отъ всей души?

Но здоровымъ натурамъ полезна эта практическая логика жизни и опыта: онъ отъ нея развиваются и мужаютъ нравственно; романтики гибнутъ отъ нея . . .

Когда мы въ первый разъ читали письмо нашего героя къ теткѣ и дядѣ, писанное послѣ смерти его матери и исполненное душевнаго спокойствія и здраваго смысла,— это письмо подѣйствовало на насъ какъ-то странно; но мы объяснили его себѣ такъ, что авторъ хочетъ послать своего героя снова въ Петербургъ затѣмъ, чтобы тотъ новыми глупостями достойно заключилъ свое донкихотское поприще.

Письмомъ этимъ заключается вторая часть романа; эпилогъ начинается черезъ четыре года послѣ вторичнаго пріѣзда нашего героя въ Петербургъ.

На сценѣ *Петръ Иванычъ*. Это лицо введено въ романъ не само для себя, а для того, чтобы своей противоположностью съ героемъ романа лучше оттѣнить его.

Это набросило на весь романъ нѣсколько *дидактическій оттѣнокъ*, въ чемъ многіе не безъ основанія упрекали автора.

Но авторъ умѣлъ и тутъ показать себя человѣкомъ съ необыкновеннымъ талантомъ. Петръ Иванычъ—*не абстрактная идея, а живое лицо, фигура, нарисованная во весь ростъ кистью смѣлой, широкой и вѣрной.*

О немъ, какъ о человѣкѣ, судятъ или слишкомъ хорошо, или слишкомъ дурно, и въ обоихъ случаяхъ ошибочно.

Одни хотятъ видѣть въ немъ какой-то идеалъ, образецъ для подражанія: это—люди положительные и разсудительные.

Другіе видятъ въ немъ чуть не изверга: это — мечтатели.

Петръ Иванычъ по-своему человѣкъ очень хорошій; онъ уменъ, очень уменъ, потому что хорошо понимаетъ чувства и страсти, которыхъ въ немъ нѣтъ и которыя онъ презираетъ; существо вовсе не поэтическое, онъ понимаетъ поэзію въ тысячу разъ лучше своего племянника, который изъ лучшихъ произведеній Пушкина какъ-то ухитрился набраться такого духа, какого можно было-бы набраться изъ сочиненій фразеровъ и риторовъ.

Петръ Ивановичъ—*эгоистъ, холоденъ по натурѣ, неспособенъ къ великодушнымъ движеніямъ. но вмѣстѣ съ этимъ онъ не только не золъ, но положительно добръ.*

Онъ *честенъ, благороденъ, не лицемѣръ, не притворщикъ*, на него можно положиться, онъ не обѣщаетъ, чего не можетъ или не хочетъ сдѣлать, а что обѣщаетъ, то непремѣнно сдѣлаетъ.

Словомъ, это въ полномъ смыслѣ *порядочный человѣкъ*, какихъ, дай Богъ, чтобъ было больше.

Онъ составилъ себѣ *непреложныя правила для жизни*, сообразуясь со своей натурой и здравымъ смысломъ.

Онъ ими не гордился и не хвастался, но считалъ ихъ непогрѣшительно вѣрными.

Дѣйствительно, мантія его практической философіи была сшита изъ прочной и крѣпкой матеріи, которая хорошо могла защищать его отъ невзгодъ жизни.

Каковы-же были его изумленіе и ужасъ, когда. доживъ до боли въ поясницѣ и до сѣдыхъ волосъ, *онъ вдругъ замѣтилъ въ своей мантіи прорѣху* — правда, одну только, но зато какую широкую.

Онъ не хлопоталъ о семейственномъ счастіи, но былъ увѣренъ, что утвердилъ свое семейственное положеніе на прочномъ основаніи,—и вдругъ увидѣлъ, что *бѣдная жена его была жертвой его мудрости, что онъ завѣлъ ея вѣкъ, задушилъ ее въ холодной и тѣсной атмосферѣ.*

Какой урокъ для людей положительныхъ, представителей здраваго смысла!

Видно, *человѣку нужно и еще чего-нибудь немножко, кромѣ здраваго смысла!*

Видно, на границахъ-то крайностей больше всего и стережетъ насъ судьба.

Видно, *и страсти необходимы для полноты человѣческой натуры*, и не всегда можно безнаказанно навязывать другому то счастье, которое только насъ можетъ удовлетворить, но всякій человѣкъ можетъ быть счастливымъ только сообразно съ собственной натурой!

Петръ Иванычъ хитро и тонко расчелъ, что ему надо овладѣть понятіями, убѣжденіями, склонностями своей жены, не давая ей этого замѣтить, вести ее по дорогѣ жизни, но такъ, чтобъ она думала, что сама идетъ; но онъ сдѣлалъ въ этомъ расчетѣ одну важную ошибку: *при всемъ своемъ умѣ онъ не сообразилъ, что для этого надо было выбрать жену, чуждую всякой страстности, всякой потребности любви и сочувствія, холодную, добрую, вялую, всего лучше пустую, даже немножко глупую.*

Но на такой онъ, можетъ быть, не захотѣлъ-бы жениться, по самолюбію; въ такомъ случаѣ ему слѣдовало вовсе не жениться.

Петръ Иванычъ выдержанъ отъ начала до конца съ удивительной вѣрностью; но героя романа мы не узнаемъ въ эпилогѣ; это лицо вовсе фальшивое, неестественное.

Такое перерожденіе для него было-бы возможно только тогда, если-бъ онъ былъ необыкновенный болтунъ и фразеръ, который повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ, наклепываетъ на себя чувства, восторги и страданія, которыхъ никогда не испытывалъ; но молодой Адуевъ, къ его несчастью, часто бывалъ *слишкомъ искрененъ въ своихъ заблужденіяхъ и нелѣпостяхъ.*

Его романтизмъ былъ въ его натурѣ; такіе романтики никогда не дѣлаются положительными людьми.

Авторъ имѣлъ-бы скорѣе право заставить своего героя заглохнуть въ деревенской дичи въ апатіи и лѣни, нежели заставить его выгодно служить въ Петербургѣ и жениться на большомъ приданомъ.

Еще-бы лучше и естественнѣе было ему сдѣлать его *мистикомъ, фанатикомъ, сектантомъ;* но всего лучше и есте-

ственнѣе было-бы ему сдѣлать его, напримѣръ, *славянофиломъ.*

Тутъ Адуевъ остался-бы вѣрнымъ своей натурѣ, продолжалъ-бы старую свою жизнь и между тѣмъ думалъ-бы, что онъ и, Богъ знаетъ, какъ ушелъ впередъ, тогда какъ въ сущности онъ только-бы перенесъ старыя знамена своихъ мечтаній на новую почву.

Прежде онъ мечталъ о славѣ, о дружбѣ, о любви, а тутъ сталъ-бы мечтать *о народахъ и племенахъ*,—о томъ, что *на долю славянъ досталась любовь*, а на долю *тевтоновъ — вражда*, о томъ, что во времена Гостомысла славяне имѣли высшую и образцовую для всего міра цивилизацію, что современная Россія быстро идетъ къ этой цивилизаціи, что этого не видятъ тольке слѣпые и ожесточенные разсудкомъ, а всѣ зрячіе и размягченные фантазіей давно это ясно видятъ.

Тогда-бы герой былъ *вполнѣ современнымъ романтикомъ*, и никому-бы не вошло въ голову, что люди такого закала теперь уже не существуютъ...

Придуманная авторомъ *развязка романа портитъ впечатлѣніе всего этого прекраснаго произведенія*, потому что *она неестественна и ложна.*

Въ эпилогѣ хороши только Петръ Иванычъ и Лизавета Александровна до самаго конца; въ отношеніи-же къ герою романа эпилогъ хоть не читать...

Какъ такой сильный талантъ могъ впасть въ такую странную ошибку? Или онъ не совладалъ со своимъ предметомъ? Ничуть не бывало!

Авторъ увлекся желаніемъ попробовать свои силы на чуждой ему почвѣ—на почвѣ сознательной мысли — и пересталъ быть поэтомъ.

Авторъ «Обыкновенной исторіи» впалъ въ важную ошибку именно оттого, что оставилъ на минуту руководство непосредственнаго таланта.

Гончаровъ рисуетъ свои фигуры, характеры, сцены прежде всего для того, чтобы удовлетворить своей потребности и насладиться своей способностью рисовать; говорить и судить и извлекать изъ нихъ нравственныя слѣдствія ему надо предоставить своимъ читателямъ.

Главная сила таланта Гончарова—всегда *въ изящности и тонкости кисти*, вѣрности рисунка; онъ неожиданно впадаетъ въ поэзію даже въ изображеніи мелочныхъ и постороннихъ обстоятельствъ, какъ, напримѣръ, въ поэтическомъ описаніи процесса горѣнія въ каминѣ сочиненій молодого Адуева.

Въ талантѣ Гончарова *поэзія—агентъ первый, главный и единственный.*

Несмотря на неудачный или, лучше сказать, на испорченный эпилогъ, романъ Гончарова остается *однимъ изъ замѣчательныхъ произведеній русской литературы.*

Къ особеннымъ его достоинствамъ принадлежитъ, между прочимъ, *языкъ чистый, правильный, легкій, свободный, льющійся.*

Разсказъ Гончарова въ этомъ отношеніи не печатная книга, а живая импровизація.

Нѣкоторые жаловались на длинноту и утомительность разговоровъ между дядей и племянникомъ.

Но для насъ *эти разговоры принадлежатъ къ лучшимъ сторонамъ романа.*

Въ нихъ нѣтъ ничего отвлеченнаго, неидущаго къ дѣлу; это — не диспуты, а *живые, страстные, драматическіе споры*, гдѣ каждое дѣйствующее лицо высказываетъ себя, какъ человѣкъ и характеръ, отстаиваетъ, такъ сказать, свое нравственное существованіе.

Правда, въ такого рода разговорахъ, особенно при легкомъ дидактическомъ колоритѣ, наброшенномъ на романъ, всего легче было споткнуться хоть какому таланту; но тѣмъ больше чести Гончарову, что онъ такъ счастливо рѣшилъ трудную саму по себѣ задачу и остался поэтомъ тамъ, гдѣ такъ легко было сбиться на тонъ резонера.

В. Г. Бѣлинскій.

Дядя и племянникъ Адуевы, Обломовъ, Райскій, Штольцъ и Волоховъ.

(Условія, въ которыхъ проходятъ дѣтскіе и отроческіе годы Александра Адуева, Райскаго и Обломова: растлѣвающее вліяніе крѣпостного права и теплая, разслабляющая атмосфера семейной любви. — Праздность — результатъ этого воспитанія. — Александръ Адуевъ — Илья Ильичъ въ молодости. — Связь Обломова съ героями Лермонтова и Пушкина. — Простота Обломова. — Безпомощность его. — Райскій — воплощеніе и развитіе созерцательной, артистической стороны обломовскаго типа,— эстетикъ, воспитанный въ духѣ сороковыхъ годовъ. — Неудачники. — Сложность характера Райскаго. — Сопоставленіе съ праздными, нерѣшительными характерами личностей дѣятельныхъ. — Преобладаніе расчета надъ голосомъ сердца въ дядѣ Александра, въ Штольцѣ и Волоховѣ. — Дѣло, деньги и комфортъ. — И Штольцъ, и Маркъ Волоховъ дорожатъ комфортомъ. — Волоховъ скорѣе циникъ, чѣмъ аскетъ. — Выдуманность фигуры Штольца. — Искусственность дяди Адуева. — Ярче и живѣе Волоховъ, но у него нѣтъ любви. — Сухость, жестокость и самолюбивость добродѣтели Штольца, Волохова и Адуева-дяди).

Помѣщица Адуева въ «Обыкновенной исторіи», отправляя любимаго сына въ Петербургъ, поручаетъ его заботамъ дяди. Среди прочихъ наивныхъ просьбъ о миломъ Сашенькѣ, она даетъ наставленіе петербургскому чиновнику — «Сашенька привыкъ лежать на спинѣ: отъ этого, сердечный, больно стонетъ и мечется; вы тихонько разбудите его, да перекрестите: сейчасъ и пройдетъ; а лѣтомъ покрывайте ему ротъ платочкомъ: онъ его разѣваетъ во снѣ, а проклятыя мухи такъ туда и лѣзутъ подъ утро». Эта *черта любви, соединенной съ умственной ограниченностью*, сразу опредѣляетъ характеръ воспитанія Александра. Въ томъ же письмѣ, черезъ нѣсколько строкъ, говорится о крѣпостномъ человѣкѣ, лакеѣ молодого барина: «присмотрите за Евсѣемъ: онъ смирный и не пьющій, да, пожалуй, тамъ, въ столицѣ, избалуется — тогда можно и посѣчь». *Растлѣвающее вліяніе крѣпостного права, впитавшееся въ кровь и плоть цѣлыхъ поколѣній, и теплая, разслабляющая атмосфера семейной любви* — таковы условія, въ которыхъ проходятъ дѣтскіе и отроческіе годы Александра Адуева, Райскаго, Обломова.

Праздность, сдѣлавшаяся не только привычкой, но возведенная въ принципъ, въ исключительную привилегію людей умныхъ и талантливыхъ — вотъ результатъ этого воспитанія.

Александръ пріѣхалъ въ Петербургъ, по собственному признанію, чтобы жить и «*пользоваться жизнью*», при чемъ «*трудиться казалось ему страннымъ*». Когда изъ редакціи вернули молодому автору рукопись, онъ сказалъ себѣ: «нѣтъ! если погибло для меня благородное творчество въ сферѣ изящнаго, такъ не хочу я и труженичества: въ этомъ судьба меня не переломитъ!» *Въ работѣ* видитъ онъ несомнѣнный признакъ отсутствія таланта, искры божіей и вдохновенія. *Отъ подобныхъ взглядовъ одинъ шагъ до обломовскаго халата.* Шагъ этотъ сдѣланъ Александромъ послѣ двухъ-трехъ неудачъ въ любви и литературѣ. «Узкій щегольской фракъ — говоритъ авторъ — онъ замѣнилъ широкимъ халатомъ домашней работы». «Я стремиться выше не хочу — разсуждаетъ онъ съ дядей — я хочу такъ остаться, какъ есть... Нашелъ простыхъ людей, нужды нѣтъ, что ограниченныхъ умомъ, играю съ ними въ шашки и ужу рыбу — и прекрасно!.. Хочу, чтобы мнѣ не мѣшали быть въ моей темной сферѣ, не хлопотать ни о чемъ и быть покойнымъ». Вотъ цѣликомъ обломовская программа жизни. *Александръ Адуевъ — это Илья Ильичъ въ молодости*, и притомъ въ болѣе ранній періодъ русской жизни. Интересно наблюдать на первообразѣ Обломова отблескъ модныхъ въ тѣ времена байроническихъ идей — *связь Обломова съ героями Лермонтова и Пушкина.* «Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ», Адуевъ ужъ «разочарованъ» и говоритъ о жизни съ пренебреженіемъ, подражая Печорину и Онѣгину.

Обломовъ проще: у него нѣтъ напускного байронизма и фразерства. Въ хорошія минуты онъ глубоко сознаетъ свое нравственное паденіе. Александръ Адуевъ въ эпилогѣ радуется «фортунѣ, карьерѣ и богатой невѣстѣ»; самодовольная пошлость противнѣе въ немъ обломовскаго сна и апатіи.

«Ильѣ Ильичу — говоритъ авторъ — доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько въ иную пору плакалъ надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ без-

вѣстныя, безымянныя страданія и тоску, стремленіе куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его»... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него со слугою происходятъ такія сцены: какъ-то Захаръ имѣлъ несчастіе, въ разговорѣ о переѣздѣ съ квартиры, заикнуться, что «другіе, молъ, не хуже насъ, а переѣзжаютъ», — слѣдовательно, и намъ нечего безпокоиться. Илья Ильичъ страшно разсердился. «Онъ въ низведеніи себя Захаромъ до степени другихъ видѣлъ нарушеніе правъ своихъ на исключительное предпочтеніе Захаромъ особы барина всѣмъ и каждому»...

„Я — „другой"! Да развѣ я мечусь, развѣ работаю? Мало ѣмъ, что ли? Худощавъ или жалокъ на видъ?.. Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу!.. *Я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался*"...

Какъ все это примирить съ благородными слезами Ильи Ильича, плачущаго надъ бѣдствіями человѣчества? Не правдивѣе-ли «безымянныхъ страданій» другія, болѣе конкретныя мечты *лѣниваго барина:* «ему видятся все ясные дни, ясныя лица безъ заботъ и морщинъ, смѣющіяся, круглыя, съ яркимъ румянцемъ, съ двойнымъ подбородкомъ и неувядающимъ аппетитомъ; будетъ вѣчное лѣто, вѣчное веселье, сладкая ѣда, да сладкая лѣнь».

Если у него нѣтъ ничего искренняго, кромѣ мечтаній о подобномъ счастьѣ, къ чему лицемѣріе — «высокіе помыслы»? Читатель готовъ произнести Обломову жестокій и безповоротный приговоръ.

Но онъ переходитъ къ сценѣ, гдѣ Илья Ильичъ навѣки прощается съ Ольгой; она говоритъ ему: «я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, чистъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь; ты прячешь голову подъ крыло — и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая; мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего — не знаю! Можешь-ли научить меня, сказать — что это такое, чего не достаетъ, дать это все, чтобъ я... А нѣжность... гдѣ ея нѣтъ!» У Обломова подкосились ноги... Слово было жестоко; оно глубоко уязвило Обломова... Онъ въ отвѣтъ улыбнулся какъ-то жалко, болѣзненно-стыдливо, какъ нищій, котораго

упрекнули его наготой. Онъ сидѣлъ съ этой улыбкой безсилія, ослабѣвшій отъ волненія и обиды; потухшій взглядъ его ясно говорилъ: «да, я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте, бейте меня!»

Произнесетъ-ли читатель и теперь надъ несчастнымъ человѣкомъ едва не сорвавшійся съ устъ приговоръ? Развѣ какой-нибудь Штольцъ, гордый своими совершенствами, возбуждаетъ столько любви и человѣческой симпатіи, какъ бѣдный Илья Ильичъ?

Райскій — воплощеніе и развитіе созерцательной, артистической стороны обломовскаго типа. Такія мягкія, впечатлительныя и лѣнивыя натуры — благодарная почва для художественнаго дилеттантизма. *Райскій — эстетикъ, воспитанный въ духѣ сороковыхъ годовъ.* «Равнодушный ко всему на свѣтѣ, кромѣ красоты», онъ «покорялся ей до рабства, былъ холоденъ ко всему, гдѣ не находилъ ея, и грубъ, даже жестокъ, ко всякому безобразію».

Но, несмотря на страстное поклоненіе красотѣ, изъ Райскаго настоящаго художника никогда не выйдетъ, вслѣдствіе той же обломовской лѣни и привычки жить «на всемъ готовомъ». Съ обычной, нѣсколько циничной манерой Маркъ Волоховъ предсказываетъ Райскому: «нѣтъ, изъ васъ ничего не выйдетъ, кромѣ того, что̀ вышло, т. е. очень мало. Много этакихъ у насъ было и есть, всѣ пропали или спились съ кругу... Это все неудачники». Бабушка замѣчаетъ про него: «ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга». *Да и самъ Райскій сознаетъ свою обломовщину:* «я уродъ... я больной, ненормальный человѣкъ, и при томъ я отжилъ, испортилъ, исказилъ... или нѣтъ, не понялъ своей жизни».

У Райскаго, какъ и у Обломова, есть «высокіе помыслы» и «слезы о бѣдствіяхъ человѣчества», которые тоже находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ характеромъ и жизнью дилеттанта.

Характеръ Райскаго задуманъ широко и *сложно.* Настроенія его до такой степени измѣнчивы и прихотливы, что въ немъ нельзя ни на чемъ остановиться, ничего предсказать. Онъ созданъ весь изъ тонкихъ переплетенныхъ и запутанныхъ противорѣчій. Поэту, изобразившему подобный характеръ, пришлось бороться съ такими же трудностями, какъ живописцу, который задумалъ бы перенести

на полотно радугу: неуловимая нѣжность тоновъ, мимолетность, безчисленность оттѣнковъ и отблесковъ.

При смѣнѣ двухъ историческихъ эпохъ являются характеры, принадлежащіе той и другой, нецѣльные, раздвоенные. Ихъ убѣжденія, вѣрованія принадлежатъ новому времени; привычки, темпераментъ — прошлому. Побѣждаетъ въ большинствѣ случаевъ не разумъ, а инстинктъ; не убѣжденія, а темпераментъ; отжившее торжествуетъ надъ живымъ, и человѣкъ гибнетъ жертвой этой борьбы. Такъ гибнетъ въ пошлости Александръ Адуевъ, въ апатіи — Обломовъ, въ дилеттантизмѣ — Райскій.

Одинъ изъ основныхъ мотивовъ Гончарова — *сопоставленіе съ этими праздными, нерѣшительными характерами личностей дѣятельныхъ, рѣзкихъ, съ твердой до жестокости волей.* Волоховъ сопоставленъ съ Райскимъ въ «Обрывѣ», Штольцъ — съ Обломовымъ, дядя — съ Александромъ въ «Обыкновенной исторіи». Какъ ни отличенъ чиновникъ Адуевъ отъ нигилиста Волохова, и этотъ послѣдній отъ аккуратнаго, добродѣтельнаго нѣмца Штольца — у всѣхъ троихъ *общая черта*; разсудокъ у нихъ преобладаетъ надъ чувствомъ, *разсчетъ надъ голосомъ сердца*, практичность надъ воображеніемъ, *способность къ дѣйствію надъ способностью къ созерцанію.*

Слова, которыми Александръ характеризуетъ своего дядю, можно вполнѣ примѣнить и къ Штольцу, и даже отчасти къ Волохову: «*Дядя любитъ заниматься дѣломъ*, что̀ совѣтуетъ и мнѣ. «Мы принадлежимъ къ обществу — говоритъ онъ — которое нуждается въ насъ». Занимаясь, онъ не забываетъ и себя: *дѣло доставляетъ деньги, а деньги комфортъ, который онъ очень любитъ*».

Штольцъ также весьма дорожитъ *комфортомъ.* Въ сущности, его буржуазное счастіе съ Ольгой ничѣмъ не лучше «фортуны» чиновника Адуева.

Но вѣдь и *Маркъ Волоховъ*, несмотря на ожесточенный протестъ, *скорѣе циникъ, чѣмъ аскетъ*, и онъ не прочь отъ удовольствій комфорта — куритъ съ наслажденіемъ дорогія сигары Райскаго. Волоховъ прямо объявляетъ Вѣрѣ, что матеріальную сторону любви ставитъ выше нравствен-

ной; въ конечномъ идеалѣ общечеловѣческаго счастія, за который борется онъ съ такой убѣжденностью, на первомъ планѣ стоятъ матеріальныя блага, тотъ же комфортъ, тѣ же вкусныя сигары барина Райскаго, только доступныя большему числу людей.

Всѣ замѣчали, да и самъ авторъ сознается, что нѣмецъ *Штольцъ — неудачная, выдуманная фигура.* Чувствуешь утомленіе отъ длинныхъ и холодныхъ разговоровъ его съ Ольгой. Онъ тѣмъ болѣе теряетъ въ нашихъ глазахъ, что стоитъ рядомъ съ Обломовымъ, какъ автоматъ рядомъ съ живымъ человѣкомъ. *Дядя* въ «Обыкновенной исторіи» нарисованъ тоже нѣсколько *прямолинейно и сухо, болѣе искусно*, чѣмъ художественно. Ярче и живѣе Маркъ Волоховъ. Несмотря на внѣшнюю грубость и напускной цинизмъ, въ немъ есть несомнѣнно привлекательныя черты. Онъ спрашиваетъ Вѣру съ гордостью, на которую имѣетъ отчасти право: «развѣ во мнѣ меньше пыла и страсти, нежели въ вашемъ Райскомъ съ его поэзіею? Только я не умѣю говорить о ней поэтично, да и не надо»...

Волоховъ, съ простодушнымъ высокомѣріемъ, при первомъ знакомствѣ съ Вѣрой спѣшитъ отрекомендовать себя, какъ «новую грядущую силу». Можетъ быть, въ современной демократіи люди съ твердой волей, съ рабочей энергіей, съ практическимъ умомъ одержатъ побѣду и оттѣснятъ на второй планъ людей съ тонкой художественной организаціей, мечтательныхъ и гордыхъ своимъ безкорыстнымъ взглядомъ на жизнь. Но какъ бы ни были велики шансы на побѣду дѣятельнаго типа, есть у него одинъ важный недостатокъ.

Въ «Обыкновенной исторіи» дядя старается утѣшить племянника, испытывающаго неподдѣльное горе вслѣдствіе первыхъ разочарованій любви.

„— Что мнѣ дѣлать съ Александромъ?—говоритъ Адуевъ женѣ: онъ тамъ у меня разревѣлся... Я ужъ немало убѣждалъ его.

— Только убѣждалъ?

— И убѣдилъ: онъ согласился со мной... Тутъ, кажется, все, что нужно.

— Кажется, все, а онъ плачетъ...

— Я не виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобы утѣшить его.

— Что же ты сдѣлалъ?

— Мало ли?.. и говорилъ битый часъ... даже въ горлѣ пересохло... всю теорію любви, точно на ладони, такъ и выложилъ, и денегъ предлагалъ, и ужиномъ, и виномъ старался...

— А онъ все плачетъ?

— Такъ и реветъ! Подъ конецъ еще пуще.

— Удивительно! Пусти меня — я попробую".

Она пошла къ Александру, „сѣла подлѣ него, посмотрѣла на него пристально, какъ только умѣютъ глядѣть иногда женщины, потомъ тихо отерла ему платкомъ глаза и поцѣловала въ лобъ, а онъ прильнулъ губами къ ея рукѣ... Черезъ часъ онъ вышелъ задумчивъ, но съ улыбкой, и уснулъ первый разъ покойно послѣ многихъ безсонныхъ ночей"...

Конечно, и практическій Штольцъ, и Маркъ Волоховъ оказались бы въ этомъ случаѣ, подобно умному дядѣ, въ глупомъ, безпомощномъ положеніи и не съумѣли бы утѣшить несчастнаго такъ, какъ его утѣшила простая любящая женщина.

Вотъ непоправимая слабость этихъ гордыхъ людей, именующихъ себя «грядущей новой силой». У нихъ нѣтъ любви.

Дайте человѣчеству роскошь знаній, утонченность культуры — все, чѣмъ такъ дорожитъ Штольцъ; дайте ему полное равенство матеріальныхъ благъ, справедливое удовлетвореніе потребностей — все, чего требуетъ Маркъ Волоховъ; но если при этомъ вы откажете въ божественной любви, въ томъ братскомъ поцѣлуѣ, который одинъ только утѣшаетъ несчастныхъ, то всѣ дары будутъ тщетными, и люди останутся нищими и одинокими.

Штольцъ, Маркъ Волоховъ, дядя Александра — только *разумомъ понимаютъ преимущество нравственнаго идеала*, какъ понимаютъ устройство какой-нибудь полезной машины, но *сердцемъ они мало любятъ людей* и не вѣрятъ въ божественную тайну міра — вотъ почему въ ихъ добродѣтели есть что-то сухое, жестокое и самолюбивое.

Д. С. Мережковскій.

Женскіе типы въ „Обыкновенной Исторіи“

Гончаровъ — поэтъ, художникъ, и больше ничего.

У него нѣтъ ни любви, ни вражды къ создаваемымъ имъ лицамъ, они его не веселятъ, не сердятъ, онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ, ни читателю; онъ какъ-будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ и въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона.

Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей *онъ одинъ, только онъ одинъ приближается къ идеалу чистаго искусства*, тогда какъ всѣ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство — и тѣмъ самымъ успѣваютъ.

Всѣ нынѣшніе писатели имѣютъ еще нѣчто кромѣ таланта, и это-то нѣчто важнѣе самаго таланта и составляетъ его силу; *у Гончарова нѣтъ ничего, кромѣ таланта*, онъ больше, чѣмъ кто-нибудь теперь, поэтъ-художникъ.

Талантъ его не первостепенный, но *сильный, замѣчательный*.

Къ особенностямъ его таланта принадлежитъ необыкновенное мастерство рисовать женскіе характеры.

Онъ никогда не повторяетъ себя, ни одна его женщина не напоминаетъ собой другой, и всѣ, какъ портреты, превосходны.

Что общаго между грубой и злой, но по-своему способной къ нѣжнымъ чувствамъ Аграфеной и между свѣтской женщиной, мечтательной и съ разстроенными нервами.

И каждая изъ нихъ въ своемъ родѣ *мастерское, художественное произведеніе*.

Мать молодого Адуева и мать Наденьки — обѣ старухи, обѣ очень добры, обѣ очень любятъ своихъ дѣтей и обѣ равно вредны своимъ дѣтямъ, наконецъ, обѣ глупы и пошлы.

А между тѣмъ это два лица совершенно различныя: одна — барыня провинціальнаго стараго вѣка, ничего не читаетъ и ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства: словомъ, добрая внучка злой госпожи Простаковой; другая — барыня столичная, которая читаетъ французскія

книжки, ничего не понимаетъ, кромѣ мелочей хозяйства, словомъ, добрая правнучка злой госпожи Простаковой.

Въ изображеніи такихъ плоскихъ и пошлыхъ лицъ, лишенныхъ всякой самостоятельности и оригинальности, иногда всего лучше высказывается талантъ, потому что всего труднѣе обозначить ихъ чѣмъ-нибудь особеннымъ.

Что общаго между этой живой, вѣтреной, своенравной и немножко лукавой Наденькой, и той спокойной по наружности, но пожираемой внутреннимъ огнемъ Лизой?

Тетка героя романа — лицо вводное, мимоходомъ очерченное, но какое прекрасное женское лицо! Какъ хороша она въ сценѣ, оканчивающей первую часть романа!

Мы не будемъ распространяться насчетъ мастерства, съ какимъ обрисованы мужскіе характеры: *о женскихъ мы не могли не замѣтить*, потому что до сихъ поръ они рѣдко удавались у насъ даже первостепеннымъ талантамъ; у нашихъ писателей женщина — или приторно сантиментальное существо, или семинаристъ въ юбкѣ, съ книжными фразами. *Женщины Гончарова живыя, вѣрныя дѣйствительности созданія.*

Это новость въ нашей литературѣ.

В. Г. Бѣлинскій.

Илья Ильичъ Обломовъ.

(Мѣсто, занимаемое Гончаровымъ въ исторіи русской литературы.— Общественная заслуга писателя, изобразившаго обломовщину. — Общая культурная отсталость Россіи и крѣпостное право, какъ историческія причины возникновенія обломовщины.—Основныя черты обломовщины: отрѣзанность отъ культурнаго міра, отсутствіе труда, духовная безмятежность; отсутствіе умственныхъ интересовъ; растительные интересы жизни.—Обломовщина въ крестьянской жизни.— Илья Ильичъ — самый яркій представитель обломовщины. — Рѣзвость, наблюдательность, любознательность, воспріимчивость, самостоятельность характера, какъ природные задатки Ильи Ильича. — Ненормальное воспитаніе его: подавленіе рѣзвости родителями, подавленіе самостоятельности пріученіемъ пользоваться только чужимъ трудомъ, подавленіе любознательности несистематическимъ ученіемъ. — Пагубное вліяніе безсознательныхъ впечатлѣній дѣтства. — Илья Ильичъ, какъ обломовецъ: неспособность къ живому ученію и систематическому труду; боязнь всякаго движенія; халат-

ное отношеніе къ собственнымъ дѣламъ; покой, какъ идеалъ жизни робкій страхъ передъ сильными впечатлѣніями жизни; спокойная слащавость семейнаго идеала; сонные порывы къ высшимъ идеаламъ; разладъ между волею и другими душевными силами; безплодность и холодность огня, пожиравшаго его сердце; пустая мечтательность; неудача всѣхъ попытокъ Ильи Ильича вырваться изъ типы своей апатіи. — Трагизмъ жизни его въ сознаніи ненормальности своей жизни и въ безсиліи измѣнить ее).

Русская литература до Пушкина была далека отъ жизни, и мы встрѣчаемъ въ ней только слабыя попытки художественнаго реализма. Зато, начиная съ Пушкина, русскій творческій геній близко подошелъ къ дѣйствительной жизни, слился съ нею и воспроизвелъ ее въ образахъ, представляющихъ драгоцѣнныя произведенія искусства.

Въ ряду писателей-реалистовъ, изображавшихъ русскую дѣйствительность со всѣмъ своеобразіемъ ея бытовыхъ формъ, Гончаровъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Обладая глубокимъ аналитическимъ умомъ, Гончаровъ сумѣлъ разглядѣть въ русской жизни весьма характерное явленіе, до него слабо затронутое изобразителями русской дѣйствительности. Заинтересованный этимъ явленіемъ, онъ изучилъ его до малѣйшихъ деталей, прослѣдивъ самыя отдаленныя развѣтвленія его корней и изслѣдовавъ почву, на которой оно выросло. Имя этому явленію — *обломовщина;* и огромной заслугой Гончарова предъ русской литературой и передъ исторіей русской общественности является то, что онъ *съ такой художественной правдивостью изобразилъ эту обломовщину, освѣтивъ ее въ русскомъ общественномъ самосознаніи и закрѣпивъ ея преходящія формы въ памяти потомства.*

Обломовщина — продуктъ крупныхъ историко-общественныхъ причинъ, лежащихъ въ общемъ ходѣ развитія русской жизни. Эти причины — *общая культурная отсталость Россіи* въ сравненіи съ западно-европейской жизнью и *крѣпостное право.* Послѣднее оказало весьма развращающее вліяніе на русскую народную жизнь, а въ особенности на жизнь и психику дворянства.

Въ различной обстановкѣ плоды этихъ вліяній выразились въ различныхъ формахъ. Въ одной средѣ крѣпостное право создало типъ помѣщика-самодура, такъ хо-

рошо изображенный Тургеневымъ въ романѣ «Дворянское гнѣздо» и въ «Запискахъ охотника». Обломовщина — барство, тоже сложившееся подъ вліяніемъ крѣпостного права, но воплотившееся въ другія формы, въ виду особыхъ причинъ, связанныхъ съ географическими условіями русской жизни и съ условіями ея матеріальной культуры.

Гончаровъ ничуть не случайно помѣстилъ обломовскія деревни «чуть-ли не въ Азіи». *Это сознательный пріемъ чуткаго художника.* Заинтересовавшись извѣстнымъ явленіемъ, Гончаровъ показалъ намъ его въ обстановкѣ, въ которой сильнѣе дѣйствуютъ причины, сформировавшія его. Благодаря *отсутствію хорошихъ путей сообщенія,* при громадныхъ русскихъ разстояніяхъ, въ Россіи возникло огромное множество *медвѣжьихъ угловъ,* разобщенныхъ съ внѣшнимъ міромъ и осужденныхъ на обособленную, замкнутую жизнь. Та жизнь, которой отрѣзанъ притокъ свѣжихъ впечатлѣній, мыслей и идей извнѣ, должна имѣть особые запасы внутреннихъ силъ и особое богатство внутреннихъ импульсовъ къ дѣятельности, чтобы нормально развиваться и правильно функціонировать. Между тѣмъ крѣпостная Россія, не лишенная свѣтлыхъ природныхъ задатковъ, именно страдала *убожествомъ внутреннихъ факторовъ поступательнаго развитія.*

Русское помѣщичество волею исторіи было освобождено отъ труда — этой основной движущей силы человѣческаго прогресса. Сотни и даже тысячи людей работали на одного человѣка, которому судьба предоставила только пользоваться плодами чужихъ трудовъ. Помѣщикъ постепенно привыкъ къ безмятежному образу жизни, незнакомому съ заботами и волненіями. *Отдаленность отъ очаговъ культурной жизни и разобщенность со внѣшнимъ міромъ* еще болѣе способствовали усиленію естественной склонности русскаго помѣщичества къ лѣни физической и душевной. Если очень богатые помѣщики, занимавшіе высокіе должности въ столицахъ, или имѣвшіе живыя связи съ обществомъ, еще обнаруживали кое-какіе умственные интересы и были способны скучать, ѣздить заграницу, — то болѣе мелкіе помѣстные дворяне, не имѣвшіе даже слабыхъ связей со свѣтомъ божьимъ, постепенно теряли всѣ присущія человѣку душевныя силы, волю, способность дви-

женія,—и постепенно жизнь ихъ по своему характеру приближалась *къ растительной*. Обломовщина — это *жизнь людей съ растительнымъ темпераментомъ и растительными интересами*.

Уголокъ, въ который вводитъ насъ Гончаровъ, *какъ будто самимъ Богомъ созданъ быть гнѣздомъ обломовщины*. Сама природа тамъ спокойная, тихая, сонная. «Нѣтъ тамъ моря, нѣтъ высокихъ горъ, скалъ и пропастей, ни дремучихъ лѣсовъ — нѣтъ ничего грандіознаго, дикаго и угрюмаго». «Весь уголокъ верстъ на 15 или 20 вокругъ представлялъ рядъ живописныхъ этюдовъ, веселыхъ, улыбающихся пейзажей». «Ни страшныхъ бурь, ни разрушеній не слыхать въ томъ краю». «Все сулитъ тамъ покойную, долговременную жизнь до желтизны волосъ, и незамѣтную, сну подобную, смерть».

Душевная безмятежность и тихая сонливость такъ естественна въ этомъ забытомъ уголкѣ, что даже *мѣстные крестьяне живутъ жизнью, которую можно назвать обломовской*.— «Крестьяне въ извѣстное время возили хлѣбъ на ближайшую пристань на Волгѣ, которая была ихъ Колхидой и Геркулесовыми столпами, да разъ въ годъ ѣздили нѣкоторые на ярмарку и болѣе никакихъ сношеній ни съ кѣмъ не имѣли. Они знали, что въ 80 верстахъ отъ нихъ былъ губернскій городъ, но рѣдко ѣздили туда, знали, что подальше есть другіе русскіе города, но очень мало интересовались тѣмъ, что находилось за околицей родной деревни».

Въ нихъ не было *ни любознательности, ни любопытства*. Случилось однажды, что за деревней въ канавѣ оказался чужой человѣкъ, очевидно отставшій отъ проходившей артели. Удалая молодежь съ вилами и топорами вышла противъ «врага». Но такъ какъ «врагъ» не откликался на всѣ обращенные къ нему возгласы, то мужики вернулись домой, не задавши себѣ труда даже посмотрѣть, только-ли спитъ незнакомецъ, или боленъ, или мертвъ.

Нравы этихъ людей были *тихіе и невозмутимые*. Никакихъ страшныхъ случайностей не было въ ихъ жизни. Въ ихъ груди не бушевали сильныя страсти, въ ихъ головѣ не возникалъ планъ отважныхъ предпріятій. Кража гороху, моркови и рѣпы была самымъ крупнымъ престу-

пленіемъ, изъ распространенныхъ въ этомъ краю. *Беззаботность* обитателей этого уголка доходила до поразительныхъ размѣровъ. Иллюстраціей къ ней можетъ служить изба Онисима Суслова, висящая съ незапамятныхъ временъ на обрывѣ оврага, стоя одной половиной на воздухѣ и опираясь тремя жердями.

Это какъ бы воспроизведеніе избушки на курьихъ ножкахъ изъ русской сказки. Чтобы попасть ногой на крыльцо — надо было быть акробатомъ отъ рожденія, такъ какъ оно висѣло надъ самымъ оврагомъ, а въ ней счастливо проживало 3—4 поколѣнія.

Но въ жизни обломовскихъ крестьянъ было по крайней мѣрѣ *трудъ*, не дававшій имъ облѣниться и погрузиться въ совершенную апатію. Наступитъ весна, и крестьянинъ долго любуется солнцемъ, съ удовольствіемъ пожимая плечами, и весело пойдетъ къ своимъ крестьянскимъ орудіямъ, готовясь къ обычнымъ трудамъ. Наступитъ лѣто. Тихо и сонно все въ деревнѣ. Но въ ней не видно ни души. «Какъ муравей гомозится на черной нивѣ, палимый зноемъ пахарь, налегая на соху и обливаясь потомъ».

Вотъ какая благодѣтельная сила скрыта въ трудѣ, который своей настойчивостью въ состояніи даже преодолѣть гипнозъ сонной природы.

А къ чему можетъ привести *отсутствіе труда* въ такой мирной обстановкѣ, показываетъ помѣщичья жизнь въ этомъ краю, представляющая самое настоящее воплощеніе того явленія, которое Гончаровъ опредѣлилъ словомъ обломовщина. По отношенію къ этой жизни символической можетъ показаться фраза Гончарова, взятая изъ описанія природы: «Не видно ни души, однѣ мухи кучами летаютъ и жужжатъ въ духотѣ».

Обломовцы *лишены всякихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ*. Ихъ не волновали вопросы о значеніи и смыслѣ жизни. Замкнувшись въ собственной раковинѣ, они словно и *не подозрѣваютъ о существованіи другой жизни*, отличной отъ той, которую они ведутъ. Они, вообще, *боятся* всего того, что приходитъ извнѣ, изъ другого міра, ихъ этотъ міръ не интересуетъ; они скуки ради готовы прочитать «третьягодичныя вѣдомости», изъ которыхъ узнаютъ, что какой-нибудь король благополучно вернулся въ свою

резиденцію, но, въ сущности, имъ до этого короля столько же дѣла, сколько этому королю до нихъ. Они прячутся отъ жизни и отъ ея впечатлѣній, и какая-нибудь ничтожная мелочь, непривычная въ ихъ жизни, можетъ вырости въ ней до значенія необыкновеннаго событія.

Обломовы, напримѣръ, *не привыкли получать писемъ*, а когда какому-то далекому знакомому вздумалось попросить у нихъ рецептъ пива, появленіе его письма произвело цѣлый переполохъ въ домѣ Обломовыхъ. «Всѣ обомлѣли», а хозяйка, опомнившись отъ охватившаго ее столбняка, воскликнула: «Что за диковина?» Письмо было открыто только на четвертый день, изъ опасенія, нѣтъ-ли въ немъ какого-нибудь непріятнаго извѣстія.

А непріятнаго извѣстія не переносила беззаботная душа обломовцевъ.

Они тщательно *берегли свой покой отъ докучливыхъ заботъ*, такъ какъ *въ покоѣ видѣли весь смыслъ, все содержаніе, все наслажденіе жизни.*

Даже необходимыя заботы о своемъ хозяйствѣ не тяготили обломовцевъ. Старикъ Обломовъ никогда не зналъ, сколько хлѣба принесли его поля, сколько сѣна — луга, онъ всецѣло довѣрялся своему старостѣ, который немилосердно обкрадывалъ своего барина.

Старый домъ Обломовыхъ былъ очень ветхъ и во многихъ частяхъ грозилъ опасностью для жизни своихъ обитателей: мостки, плетни, крыльцо, галлереи гнили, разрушались. Но Обломовы никакъ не могли сдѣлать нужнаго ремонта. Не то, чтобы у нихъ не было сознанія необходимости его, или желанія его производства. Наоборотъ. Они подолгу и подробно совѣщались съ плотниками и другими мастерами, строили планы нужныхъ построекъ, но какъ-то всегда случалось, что, уставъ отъ бесѣды или думъ, Обломовы откладывали исполненіе этихъ плановъ до другой, болѣе удобной минуты, которой такъ и не суждено было никогда наступить.

Одна забота свободно царила въ Обломовкѣ — забота *о пищѣ*. Ей одной обломовцы поддавались съ радостной привѣтливостью, ее одну легко носили въ своей груди. Объ обѣдѣ совѣщались всѣмъ домомъ. Всѣ члены семьи пользовались совѣщательнымъ голосомъ, но окончательное рѣ-

шеніе принадлежало хозяйкѣ, бывшей какъ-бы «художницей кухонной плиты».

Послѣ громоздкаго обѣда всѣ обломовцы падали, какъ подкошенные, охваченные сномъ, который, какъ эпидемическая зараза, пропитывалъ воздухъ всего обломовскаго дома, окутывалъ всю деревню и разливался по всей окружающей природѣ. Все и вся въ Обломовкѣ спало. Спали баре, спала дворня въ людской, спали собаки въ конурахъ, и даже въ густой травѣ «что-то все храпѣло, какъ-будто кто-нибудь завалился туда и спалъ сладкимъ сномъ». А вставши и напившись чаю, обломовцы предавались самому сладкому ничегонедѣланію. «Кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродитъ по берегу, толкая ногой камушки въ воду; другой сядетъ къ окну и наблюдаетъ, какъ пробѣжитъ кошка, какъ пролетитъ галка...»

«Такъ иногда собаки любятъ сидѣть по цѣлымъ днямъ на окнѣ, тщательно оглядывая всякаго прохожаго».

Такъ безмятежно почивала душа обломовцевъ въ ихъ мягкомъ тѣлѣ, постепенно теряя всю духовную упругость, становясь дряблой, безплодной. *Въ ней совершенно отмирали движущія способности: воля, порывъ, страсть.* Весь смыслъ обломовщины заключался въ томъ, что она дѣлала людей *психически неспособными къ нормальной человѣческой жизни.* А когда сила обстоятельствъ сталкивала ихъ съ покойнаго берега въ рѣку жизни, они не въ состояніи были удержаться на ея волнахъ и камнемъ шли ко дну.

Вотъ этотъ-то смыслъ обломовщины во всей своей ужасающей рельефности проявляется въ жизни *Ильи Ильича Обломова.* Илья Ильичъ въ этомъ отношеніи *самый яркій представитель обломовщины.* Онъ и ея *носитель* и ея *жертва.* Въ немъ до крайняго предѣла развиты всѣ типичныя черты обломовщины и во всей безпомощности проступаютъ всѣ ужасныя послѣдствія ея. Недаромъ Гончаровъ поставилъ эту фигуру въ центрѣ прекрасной картины, изображающей обломовщину.

Отъ рожденія Илья Ильичъ былъ одаренъ *всѣми душевными силами нормальнаго человѣка.* Это былъ *мальчикъ рѣдкой рѣзвости, наблюдательный, любознательный и чуткій.* Его дѣтскій умъ всегда работалъ, его интересовали всѣ окружающіе предметы и явленія, онъ во все хотѣлъ-бы за-

глянуть своими пытливыми глазенками, на все получить отвѣтъ, непосредственно отъ самого предмета, или отъ взрослыхъ. Старуха няня еле могла съ нимъ справиться: онъ то бросится на полуразрушенную галлерею, то взберется на сѣновалъ, то проникнетъ на голубятню, на скотный дворъ, то обнаружитъ намѣреніе заглянуть въ таинственный оврагъ. Онъ то спроситъ, откуда берется тѣнь при яркомъ солнцѣ, то о томъ, что дѣлается ночью въ лѣсу.

Когда все засыпало тяжелымъ послѣобѣденнымъ сномъ, одинъ Ильюша не спалъ и широко пользовался случайной свободой: онъ бродилъ по саду, вслушивался во всѣ звуки природы, разыскивалъ въ травѣ нарушителей тишины и, изучивъ предварительно ихъ «анатомическое строеніе», продѣлывалъ надъ ними разные опыты, а потомъ казнилъ ихъ смертью лютой. Было въ Ильюшѣ и сильное *стремленіе къ самостоятельности:* онъ любилъ самъ удовлетворять свои мелкія потребности: сходить за чѣмъ-нибудь, принести что-нибудь, достать что-нибудь.

Но родители Ильюши сдѣлали все, что было въ ихъ силахъ, чтобы *заглушить въ сынѣ всѣ хорошіе задатки.* Они боялись его рѣзвости, опасаясь, какъ-бы онъ не упалъ, не ушибся, и держали его въ стѣснительной опекѣ.

Отъ недреманнаго ока любящей матери не могло укрыться ни одно движеніе мальчика, и она въ корнѣ пресѣкала всѣ живые порывы его души. Мальчика держали, какъ въ цѣпяхъ, не давали свободно повернуться, нѣжили какъ тепличный цвѣточекъ, не давая развернуться природнымъ силамъ его натуры. И его самостоятельность не была имъ по нутру: развѣ это барское дѣло что-нибудь дѣлать самому для себя?

Стоило Ильюшѣ сдѣлать одно движеніе, чтобы самому достать что-нибудь, какъ отецъ и мать да три тетки начинали вопить въ пять голосовъ: «А Васька, а Ванька, а Захарка на что»?

Мальчикъ, конечно, не могъ долго бороться съ такими вліяніями, онъ быстро усталъ, сталъ вянуть, не расцвѣтши: дѣтская *рѣзвость заглохла,* да и *способность произвольнаго движенія стала отмирать,* ибо Ильюша самъ сталъ понимать, что гораздо покойнѣе пользоваться чужими услугами.

Тактика родителей не измѣнилась и тогда, когда Ильюша подросъ и сталъ учиться. *На ученіе* Обломовы смотрѣли, какъ на *тяжелую необходимость*, и поэтому они старались свести къ минимуму всѣ неудобства, связанныя съ ученіемъ. Они безпокоились, какъ-бы Ильюша не переутомился, по цѣлымъ мѣсяцамъ подъ разными предлогами удерживали его дома, такъ что и самъ Ильюша сталъ смотрѣть на свои поѣздки къ учителю Штольцу какъ на весьма непріятное испытаніе. *Ученіе это не дало ему ни знаній, ни привычки къ систематическимъ занятіямъ.*

Съ другой стороны и *безсознательныя впечатлѣнія окружающей жизни въ раннемъ дѣтствѣ довершили разрушительную работу Обломовыхъ надъ душой даровитаго ребенка.* «Неизгладимо врѣзались въ душу Ильюши картины домашняго быта, напитался мягкій умъ живымъ примѣромъ и безсознательно чертилъ программу своей жизни по жизни его окружающей». Безшумно, незамѣтно наложила обломовщина свои путы на душу Ильюши, заволокла ясныя силы его натуры и незамѣтно, но властно подчинила его психику законамъ своего существованія. И если-бъ Ильюша на всю жизнь остался въ деревнѣ, онъ безмятежно вошелъ-бы въ наслѣдственный халатъ своего отца и, занявъ его традиціонное мѣсто у окна, такъ же, какъ онъ, глядѣлъ-бы на дворѣ и покрикивалъ на дворню, слѣдя за благонравнымъ поведеніемъ куръ и пѣтуховъ, подъ сладкую музыку кухонныхъ ножей.

И была бы жизнь его торжествомъ обломовщины, идиллической, ясной въ своей пошлости и гордой въ своемъ застывшемъ покоѣ.

Но судьба бросила Илью Ильича *въ Петербургъ*, въ омутъ живой жизни. И тутъ *вопіющій контрастъ между обломовщиной и остальнымъ міромъ* разбилъ жизнь Ильи Ильича, и стала она *трагедіей обломовщины, ея отрицаніемъ и осужденіемъ.*

Учился Илья Ильичъ въ университетѣ, но еле-еле дотянулъ до конца: *ученіе было для него тяжелымъ и непріятнымъ трудомъ. Служилъ* Илья Ильичъ *въ какомъ-то департаментѣ*, но *испугался серьезности тѣхъ обязанностей, которыя связаны съ государственной службой* и вышелъ въ отставку. Вращался Илья Ильичъ въ *свѣтскихъ гостиныхъ*,

но *его стѣснялъ галстукъ и сюртукъ*, и порвалъ Илья Ильичъ всѣ сношенія со свѣтскимъ обществомъ. Обломовскій идеалъ покоя дѣлалъ ему противнымъ столичную жизнь, полную движенія и тревогъ, и Илья Ильичъ кончилъ тѣмъ, что и въ Петербургѣ устроилъ себѣ миніатюрную Обломовку со всѣми ея типичными чертами.

Квартира у него была роскошная, но запущена до того, что человѣкъ съ чувствомъ чистоты не могъ безъ брезгливости войти въ нее. Зимнія рамы не выставлялись даже лѣтомъ, чтобы въ комнаты не врывался уличный шумъ, и въ нихъ было такъ душно, что у непривычнаго человѣка голова кружилась.

И въ этой духотѣ, по цѣлымъ днямъ не выходя на улицу, губилъ свою молодость Илья Ильичъ, *дѣля время между лежаніемъ на постели, ѣдой и мечтаніями*. «Лежаніе у Ильи Ильича не было необходимостью, какъ у больного, или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было его *нормальнымъ состояніемъ*». Человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, онъ не читалъ ни книгъ, ни газетъ. Наука еле скользнула по его уму, не оплодотворивъ его, не оставивъ въ немъ жизнеспособнаго зерна. Какъ всѣ пустые умы, онъ любилъ помечтать той специфически обломовской мечтой, которая такъ же далека отъ дѣйствительности, какъ обломовцы отъ жизни.

Но апатія его была до того велика, что онъ *не способенъ былъ ни къ какому практическому шагу*. Первая мелочь, требовавшая отъ него ничтожнаго напряженія воли, ничтожнаго движенія, приводила его въ глубочайшее уныніе, казалась ему величайшимъ несчастьемъ. Его практическая безпомощность переходила всѣ возможныя границы. Его воля атрофировалась, не развившись, еще въ родной Обломовкѣ подъ преобладающимъ вліяніемъ обломовской спячки и подъ давящей рукой любящихъ родителей. А тамъ, *гдѣ нѣтъ воли, не можетъ быть сознательной и свободной дѣятельности*, а можетъ быть только растительное прозябаніе.

Бывали *свѣтлые моменты* въ настроеніи Ильи Ильича. Еще въ университетѣ, подъ вліяніемъ Штольца, онъ мечталъ о пополненіи своего образованія, о слушаніи лекцій

въ заграничныхъ университетахъ, объ артистическомъ путешествіи по самымъ красивымъ мѣстамъ Европы, а потомъ о великомъ служеніи родной странѣ, которой такъ нужны интеллигентныя силы. Обломовъ сгоралъ *отъ жажды труда*, далекой, но обаятельной цѣли. Но этотъ жаръ остылъ, не вспыхнувъ пламенемъ. И впослѣдствіи, лежа на своемъ диванѣ въ удобномъ халатѣ, онъ вдругъ проникался *глубокой тоской*, горько въ глубинѣ души плакалъ надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія и стремленія куда-то въ даль. «Часто онъ исполнялся презрѣніемъ къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу и разгорался желаніемъ указать человѣку на его язвы».

Но всѣ эти эмоціи никогда не были въ состояніи перейти въ дѣло, ибо *глубокій разладъ между волей Ильи Ильича и всѣми остальными его душевными силами*, парализовалъ силу всѣхъ его настроеній, дѣлая ихъ безплодными. Поэтому и болѣе скромные планы Ильи Ильича никогда не осуществлялись,—поэтому староста немилосердно обиралъ его, а онъ никакъ не могъ собраться и съѣздить въ деревню и на мѣстѣ убѣдиться въ дѣйствительномъ положеніи своего хозяйства, поэтому онъ цѣлые годы работалъ надъ планомъ преобразованій въ своемъ имѣніи, даже не зная, когда онъ приступитъ къ нимъ.

И глубоко заблуждался тотъ, кто вѣрилъ въ возможность нравственнаго воскресенія Обломова, кто дѣлалъ попытки поднять его изъ того болота, въ которомъ онъ погрязъ. *Не было силы въ мірѣ, которая была бы въ состояніи вернуть Илье Ильичу ту силу воли, которая расплылась въ „благорастворенiи обломовскихъ воздуховъ“*. Ни рѣдкая по своему безкорыстію и по силѣ дружба Штольца, ни прекрасная любовь Ольги не спасли Обломова. Послѣ каждаго взлета къ небу, Илья Ильичъ еще глубже падалъ и только разбивался при паденіи. Лишь на нѣсколько мѣсяцевъ любовь дала Обломову силы вести нормальную жизнь, какъ всѣ люди. Послѣ этой послѣдней попытки вырваться изъ болота, онъ еще быстрѣе сталъ разлагаться душой, растерялъ всѣ остатки умственныхъ интересовъ и нравственныхъ настроеній, сталъ еще сонливѣе и безпомощнѣе.

Но послѣдніе годы его жизни уже не имѣли въ себѣ

того блаженнаго благодушія, которое царило въ старости деревенскихъ обломовцевъ. Послѣдніе годы Ильи Ильича были *медленной и мучительной агоніей.* Догорая въ своей берлогѣ на Выборгской сторонѣ, Обломовъ больно чувствовалъ весь ужасъ своего положенія. Вопросъ: *„Отчего я такой“*, вопросъ о враждебной силѣ, заключенной въ его существованіи и мѣшающей ему жить, какъ другіе, еще больше въ его душѣ отравляли ему сладкое лежаніе и ничегонедѣланіе. Илья Ильичъ уже не счастливое дитя обломовщины, *онъ ея страдалецъ, одинъ изъ страдальцевъ, окрещенныхъ въ русской литературѣ именемъ лишнихъ людей.*

Эти лишніе люди были больнымъ явленіемъ русской общественной жизни, больнымъ, но все-же отраднымъ. Появленіе этихъ типовъ знаменовало наступленіе благодѣтельнаго перелома русской жизни. Тотъ моментъ, когда Обломовъ въ первый разъ почувствовалъ себя несчастнымъ, носилъ въ себѣ трепетъ новой жизни, той жизни, которая шла на смѣну обломовщины.

Н. Г. Григорьевъ.

Что такое обломовщина?

(Главныя черты обломовскаго характера.—Литературная параллель сходство Онѣгина, Печорина, Бельтова, Тентетникова и Рудина съ Обломовымъ.—Разница темперамента, но общность неизгладимой печати обломовщины.—Причина разницы впечатлѣній, производимыхъ Обломовымъ и его предшественниками: вѣяніе новой жизни, банкротство фразы, потребность дѣла.—Разоблаченный Обломовъ.—Дѣло, какъ жизненная необходимость, сердечная святыня, религія.—Обломовщина.—Живучесть ея).

Обломовъ—лицо не совсѣмъ новое въ нашей литературѣ; но прежде оно не выставлялось передъ нами такъ просто и естественно, какъ въ романѣ Гончарова. Чтобы не заходить слишкомъ далеко въ старину, скажемъ, что родовыя черты обломовскаго типа мы находимъ еще въ Онѣгинѣ, а затѣмъ нѣсколько разъ встрѣчаемъ ихъ повтореніе въ лучшихъ нашихъ литературныхъ произведеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что *это коренной, народный нашъ типъ*, отъ котораго не могъ отдѣлаться ни одинъ изъ нашихъ серьезныхъ художниковъ.

Но, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ сознательнаго развитія общества, типъ этотъ измѣнялъ свои формы, становился въ другія отношенія къ жизни, получалъ новое значеніе.

Подмѣтить эти новыя фазы его существованія, опредѣлить сущность его новаго смысла—это всегда составляло громадную задачу, и талантъ, умѣвшій сдѣлать это, всегда дѣлалъ существенный шагъ впередъ въ исторіи нашей литературы. Такой шагъ сдѣлалъ и Гончаровъ своимъ «Обломовымъ».

Посмотримъ на главныя черты обломовскаго типа и потомъ попробуемъ провести маленькую параллель между нимъ и нѣкоторыми типами того же рода, въ разное время проявлявшимися въ нашей литературѣ.

Въ чемъ заключаются *главныя черты обломовскаго характера?*

Въ *совершенной инертности,* происходящей отъ его апатіи ко всему, что дѣлается на свѣтѣ.

Причина же апатіи заключается *отчасти въ его внѣшнемъ положеніи,* отчасти же *въ образѣ его умственнаго и нравственнаго развитія.*

По внѣшнему своему положенію—*онъ баринъ*: «у него есть Захаръ и еще триста Захаровъ», по выраженію автора. Преимущества своего положенія Илья Ильичъ объясняетъ Захару такимъ образомъ:

„Развѣ я мечусь, развѣ работаю? Мало ѣмъ, что-ли? Худощавъ или жалокъ на видъ? Развѣ недостаетъ мнѣ чего-нибудь? Кажется, подать, сдѣлать есть кому! Я ни разу не натянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану-ли я безпокоиться? Изъ чего мнѣ?.. И кому я это говорю? Не ты-ли съ дѣтства ходилъ за мной? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался“.

И Обломовъ говоритъ совершенную правду. Исторія его воспитанія вся служитъ подтвержденіемъ его словъ. Съ малыхъ лѣтъ онъ привыкаетъ быть байбакомъ, благодаря тому, что у него и подать, и сдѣлать—есть кому; тутъ ужъ даже и противъ воли нерѣдко онъ бездѣльничаетъ и сибаритствуетъ. Ну, скажите пожалуйста, чего же бы вы хотѣли отъ человѣка, выросшаго вотъ въ какихъ условіяхъ:

„Захаръ,—какъ, бывало, нянька,—натягиваетъ ему чулки, надѣваетъ башмаки, а Ильюшка, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ подастъ Захаркѣ ногой въ носъ Если недовольный Захарка вздумаетъ пожаловаться, то получитъ еще отъ старшихъ колотушку. Потомъ Захарка чешетъ ему голову, натягиваетъ куртку, осторожно продѣвая руки Ильи Ильича въ рукава, чтобъ не слишкомъ безпокоить его, и напоминаетъ Ильѣ Ильичу, что надо сдѣлать то, другое: вставши поутру—умыться, и т. п.

„Захочетъ-ли чего-нибудь Илья Ильичъ, ему стоитъ только мигнуть—ужъ трое-четверо слугъ кидаются исполнить его желаніе; уронитъ-ли онъ что-нибудь, дастать-ли ему нужно вещь, да не достанетъ, принести-ли что, сбѣгать-ли за чѣмъ,—ему иногда, какъ рѣзвому мальчику, такъ и хочется броситься и передѣлать все самому, а тутъ вдругъ отецъ и мать, да три тетки, въ пять голосовъ и закричатъ:

„— Зачѣмъ? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, розини? Вотъ я васъ!..

„И не удается никакъ Ильѣ Ильичу сдѣлать что-нибудь самому для себя. Послѣ онъ нашелъ, что оно и покойнѣе гораздо, и выучился самъ покрикивать: Эй, Васька, Ванька! подай то, дай другое! Не хочу того, хочу этого! Сбѣгай, принеси!

„Подчасъ нѣжная заботливость родителей и надоѣдала ему. Побѣжитъ-ли онъ съ лѣстницы или по двору, вдругъ вслѣдъ ему раздается десять отчаянныхъ голосовъ: „ахъ, ахъ! поддержите, остановите! упадетъ, расшибется! стой, стой!.. „Задумаетъ-ли онъ выскочить зимой въ сѣни или отворить форточку,—опять крики: „ай куда? Какъ можно? Не бѣгай, не ходи, не отворяй: убьешься, простудишься... И Ильюша съ печалью оставался дома, лелѣемый, какъ экзотическій цвѣтокъ въ теплицѣ, и такъ же, какъ послѣдній подъ стекломъ, онъ росъ медленно и вяло. Ищущія проявленія силы обращались внутрь и никли, увядая“.

Такое воспитаніе вовсе не составляетъ чего-нибудь исключительнаго, страннаго въ нашемъ образованномъ обществѣ. Не вездѣ, конечно, Захарка натягиваетъ чулки барченку и т. п. Но не нужно забывать, что подобная льгота дается Захаркѣ по особому снисхожденію или вслѣдствіе высшихъ педагогическихъ соображеній, и вовсе не находится въ гармоніи съ общимъ ходомъ домашнихъ дѣлъ. Барченокъ, пожалуй, и самъ одѣнется; но онъ знаетъ, что это для него въ родѣ милаго развлеченія, прихоти, а, въ сущности, онъ вовсе не обязанъ этого дѣлать самъ. Да и вообще, ему самому нѣтъ надобности что-нибудь дѣлать. Изъ чего ему биться! Некому, что-ли, подать и сдѣлать для него все, что ему нужно?.. Поэтому онъ себя надъ ра-

ботой убивать не станетъ, чтобы ему ни толковали о необходимости и святости труда: онъ съ малыхъ лѣтъ видитъ въ своемъ домѣ, что всѣ домашнія работы исполняются лакеями и служанками, а папенька и маменька только распоряжаются да бранятся за дурное исполненіе. *И вотъ у него уже готово первое понятіе,—что сидѣть сложа руки почетнѣе, нежели суетиться съ работою..* Въ этомъ направленіи идетъ и все дальнѣйшее развитіе.

Понятно, какое дѣйствіе производится такимъ положеніемъ ребенка на все его нравственное и умственное образованіе. Внутреннія силы «никнутъ и увядаютъ» по необходимости. Если мальчикъ и пытаетъ ихъ иногда, то развѣ въ капризахъ и въ заносчивыхъ требованіяхъ исполненія другими его приказаній. А извѣстно, какъ *удовлетворенные капризы развиваютъ безхарактерность*, и какъ *заносчивость несовмѣстна съ умѣньемъ серьезно поддерживать свое достоинство.* Привыкая предъявлять безтолковыя требованія, мальчикъ скоро теряетъ мѣру возможности и удобоисполнимости своихъ желаній, *лишается всякаго умѣнья соображать средства съ цѣлями*, и потому становится втупикъ при первомъ препятствіи, для отстраненія котораго нужно употребить собственное усиліе. Когда онъ выростаетъ, онъ дѣлается Обломовымъ, съ большей или меньшей долей его апатичности и безхарактерности, подъ болѣе или менѣе искусной маской, но всегда съ однимъ неизмѣннымъ качествомъ *отвращеніемъ отъ серьезной и самобытной дѣятельности.*

Много помогаетъ тутъ и *умственное развитіе Обломовыхъ*, тоже, разумѣется, направляемое ихъ внѣшнимъ положеніемъ. Какъ въ первый разъ они взглянутъ на жизнь навыворотъ,—такъ ужъ потомъ до конца дней своихъ и не могутъ достигнуть разумнаго пониманія своихъ отношеній къ міру и къ людямъ. Имъ потомъ и растолкуютъ многое, они и поймутъ кое-что, но съ дѣтства укоренившееся воззрѣніе все-таки удержится гдѣ-нибудь въ уголку и безпрестанно выглядываетъ оттуда, мѣшая всѣмъ новымъ понятіямъ и не допуская ихъ уложиться на дно души... И дѣлается въ головѣ какой-то хаосъ: иной разъ человѣку и рѣшимость придетъ сдѣлать что-нибудь, да не знаетъ онъ, что ему начать, куда обратиться... И не мудрено: нормаль-

ный человѣкъ всегда хочетъ того, что можетъ сдѣлать; за то онъ немедленно и дѣлаетъ все, что захочетъ... А Обломовъ... онъ не привыкъ дѣлать что-нибудь, слѣдовательно, не можетъ хорошенько опредѣлить, что онъ можетъ сдѣлать и чего нѣтъ,—слѣдовательно, не можетъ и серьезно, дѣятельно захотѣть чего-нибудь... Его желанія являются только въ формѣ: «а хорошо бы, если бы вотъ это сдѣлалось»; но какъ это можетъ сдѣлаться, — онъ не знаетъ. Оттого *онъ любитъ помечтать и ужасно боится того момента, когда мечтанія придутъ въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью.* Тутъ онъ старается взвалить дѣло на кого-нибудь другого, а если нѣтъ никого, то на авось...

Всѣ эти черты превосходно подмѣчены и съ необыкновенной силой и истиной сосредоточены въ лицѣ Ильи Ильича Обломова. *Не нужно представлять себѣ, чтобы Илья Ильичъ принадлежалъ къ какой-нибудь особенной породѣ, въ которой бы неподвижность составляла существенную, коренную черту.* Не справедливо было бы думать, что *онъ отъ природы лишенъ способности правильнаго движенія.* Вовсе нѣтъ: отъ природы онъ—человѣкъ, какъ и всѣ. Въ ребячествѣ ему хотѣлось побѣгать и поиграть въ снѣжки съ ребятишками, достать самому то или другое, и въ оврагъ сбѣгать, и въ ближайшій березнякъ пробраться черезъ каналъ, плетни и ямы. Пользуясь часомъ общаго въ Обломовкѣ послѣобѣденнаго сна, онъ разминался, бывало: «взбѣгалъ на галлерею (куда не позволялось ходить, потому что она каждую минуту готова была развалиться), обѣгалъ по скрипучимъ доскамъ кругомъ, лазилъ на голубятню, забирался въ глушь сада, слушалъ, какъ жужжитъ жукъ, и далеко слѣдилъ глазами его полетъ въ воздухѣ». А то—«забирался въ каналъ, рылся, отыскивалъ какіе-то корешки, очищалъ отъ коры и ѣлъ всласть, предпочитая яблокамъ и варенью, которые даетъ маменька». Все это могло служить задаткомъ характера кроткаго, спокойнаго, но не безсмысленно-лѣниваго.

Притомъ и кротость, переходящая въ робость и подставленіе спины другимъ,—есть въ человѣкѣ явленіе вовсе не природное, а чисто благопріобрѣтенное, точно такъ же, какъ и нахальство, и заносчивость. И между обоими этими качествами разстояніе вовсе не такъ велико, какъ обыкновенно

думаютъ. Никто не умѣетъ такъ отлично вздергивать носа, какъ лакеи; никто такъ грубо не ведетъ себя съ подчиненными, какъ тѣ, которые подличаютъ передъ начальниками. Илья Ильичъ, при всей своей кротости, не боится поддать ногой въ рожу обувающему его Захару, и если онъ въ своей жизни не дѣлаетъ этого съ другими, такъ единственно потому, что надѣется встрѣтить противодѣйствіе, которое нужно будетъ преодолѣть. Поневолѣ онъ ограничиваетъ кругъ своей дѣятельности тремя стами своихъ Захаровъ. А будь у него этихъ Захаровъ во сто, въ тысячу разъ больше — онъ бы не встрѣчалъ себѣ противодѣйствій и пріучился бы довольно смѣло поддавать въ зубы каждому, съ кѣмъ случится имѣть дѣло. И такое поведеніе вовсе не было бы у него признакомъ какого-нибудь звѣрства натуры; и ему самому, и всѣмъ окружающимъ оно казалось бы очень естественнымъ, небходимымъ... никому бы и въ голову не пришло, что можно и должно вести себя какъ-нибудь иначе. Но—къ несчастью иль къ счастью—Илья Ильичъ родился помѣщикомъ средней руки, получалъ дохода не болѣе десяти тысячъ рублей на ассигнаціи и, вслѣдствіе того, могъ распоряжаться судьбами міра только въ своихъ мечтаніяхъ.

Зато въ мечтахъ своихъ *онъ и любилъ предаваться воинственнымъ и героическимъ стремленіямъ.* «Онъ любилъ иногда вообразить себя какимъ-нибудь непобѣдимымъ полководцемъ, передъ которымъ не только Наполеонъ, но и Еруланъ Лазаревичъ ничего не значитъ; выдумаетъ войну и причину ея; у него хлынутъ, напр., народы изъ Африки въ Европу, или устроитъ онъ новые крестовые походы и воюетъ, рѣшаетъ участь народовъ, разоряетъ города, щадитъ, казнитъ, оказываетъ подвиги добра и великодушія». А то онъ вообразитъ, что онъ великій мыслитель или художникъ, что за нимъ гоняется толпа, и всѣ поклоняются ему...

Ясно, что *Обломовъ не тупая, апатическая натура, безъ стремленій и чувствъ, а человѣкъ, тоже чего-то ищущій въ своей жизни, о чемъ-то думающій. Но гнусная привычка получать удовлетвореніе своихъ желаній не отъ собственныхъ усилій, а отъ другихъ, развила въ немъ апатическую неподвижность и повергла его въ жалкое состояніе нравственнаго рабства.*

Рабство это такъ переплетается съ барствомъ Обломова, такъ они взаимно проникаютъ другъ друга и одно другимъ обусловливаются, что, кажется, нѣтъ ни малѣйшей возможности провести между ними какую-нибудь границу. Это *нравственное рабство Обломова составляетъ едва-ли не самую любопытную сторону его личности и всей его исторіи*...

Но какъ могъ дойти до рабства человѣкъ съ такимъ независимымъ положеніемъ, какъ Илья Ильичъ? Кажется, кому бы и наслаждаться свободой, какъ не ему? Не служитъ, не связанъ съ обществомъ, имѣетъ обезпеченное состояніе... Онъ самъ хвалится тѣмъ, что не чувствуетъ надобности кланяться, просить, унижаться, что онъ не подобенъ «другимъ», которые работаютъ безъ устали, бѣгаютъ, суетятся, — а не поработаютъ, такъ и не поѣдятъ... Онъ внушаетъ къ себѣ благоговѣйную любовь доброй вдовы Пшеницыной именно тѣмъ, что онъ баринъ, что онъ сіяетъ и блещетъ, что онъ и ходитъ, и говоритъ такъ вольно и независимо, что онъ «не пишетъ безпрестанно бумагъ, не трясется отъ страха, что опоздаетъ въ должность, не глядитъ на всякаго такъ, какъ-будто проситъ осѣдлать его и поѣхать, а глядитъ на всѣхъ и на все такъ смѣло и свободно, какъ-будто требуетъ покорности себѣ».

И однако же вся жизнь этого барина убита тѣмъ, что *онъ постоянно остается рабомъ чужой воли и никогда не возвышается до того, чтобы проявить какую-нибудь самобытность.* Онъ рабъ каждой женщины, каждаго встрѣчнаго, рабъ каждаго мошенника, который захочетъ взять надъ нимъ волю. Онъ рабъ своего крѣпостного Захара, и трудно рѣшить, который изъ нихъ болѣе подчиняется власти другого. По крайней мѣрѣ — чего Захаръ не захочетъ, того Илья Ильичъ не можетъ заставить его сдѣлать, а чего захочетъ Захаръ, то сдѣлаетъ и противъ воли барина, и баринъ покорится... Оно такъ и слѣдуетъ: Захаръ все-таки умѣетъ сдѣлать хоть что-нибудь, а Обломовъ ровно ничего не можетъ и не умѣетъ. Нечего ужъ и говорить о Тарантьевѣ и Иванѣ Матвѣичѣ, которые дѣлаютъ съ Обломовымъ, что хотятъ, несмотря на то, что сами и по умственному развитію, и по нравственнымъ качествамъ гораздо ниже его...

Отчего же это? Да все *оттого, что Обломовъ, какъ баринъ, не хочетъ и не умѣетъ работать и не понимаетъ настоящихъ отношеній своихъ ко всему окружающему.* Онъ не прочь отъ дѣятельности—до тѣхъ поръ, пока она имѣетъ видъ призрака и далека отъ реальнаго осуществленія: такъ. онъ создаетъ планъ устройства имѣнія и очень усердно занимается имъ,—только «подробности, смѣты и цифры» пугаютъ его и постоянно отбрасываются имъ въ сторону, потому что, гдѣ же ему съ ними возиться!.. Онъ баринъ, какъ объясняетъ самъ Ивану Матвѣичу: «кто я, что такое? спросите вы... Подите, спросите у Захара, и онъ скажетъ вамъ: «баринъ!» Да, я баринъ и дѣлать ничего не умѣю! Дѣлайте вы, если знаете, и помогите, если можете, а за трудъ возьмите себѣ, что хотите:—на то наука!»

И вы думаете, что онъ этимъ хочетъ только отдѣлаться отъ работы. старается прикрыть незнаніемъ свою лѣнь? *Нѣтъ. онъ дѣйствительно не знаетъ и не умѣетъ ничего, дѣйствительно не въ состояніи приняться ни за какое путное дѣло.* Относительно своего имѣнія (для преобразованія котораго сочинилъ уже планъ) онъ такимъ образомъ признается въ своемъ невѣдѣніи Ивану Матвѣичу: «я не знаю, что такое барщина, что такое сельскій трудъ, что значитъ бѣдный мужикъ, что богатый; не знаю, что значитъ четверть ржи или овса, что она стоитъ, въ какомъ мѣсяцѣ и что сѣютъ и жнутъ, какъ и когда продаютъ; не знаю, богатъ-ли я или бѣденъ, буду-ли я черезъ годъ сытъ или буду нищій—я ничего не знаю!.. Слѣдовательно, говорите и совѣтуйте мнѣ, какъ ребенку»... Иначе сказать: будьте надо мною господиномъ, распоряжайтесь моимъ добромъ, какъ вздумаете, удѣляйте мнѣ изъ него, сколько найдете для себя удобнымъ... Такъ на дѣлѣ-то и вышло: Иванъ Матвѣичъ совсѣмъ-было прибралъ къ рукамъ имѣніе Обломова, да Штольцъ помѣшалъ, къ несчастью.

И вѣдь Обломовъ не только своихъ сельскихъ порядковъ не знаетъ, не только положенія своихъ дѣлъ не понимаетъ: это бы еще куда ни шло!.. Но вотъ въ чемъ главная бѣда: *онъ и вообще жизни не умѣлъ осмыслить для себя.* Въ Обломовкѣ никто не задавалъ себѣ вопроса: *зачѣмъ жизнь. что она такое, какой ея смыслъ и назначеніе?* Обломовцы очень просто понимали ее, «*какъ идеалъ покоя и без-*

дѣйствія, нарушаемаго по временамъ разными непріятными случайностями; какъ-то: болѣзнями, убытками, ссорами и, между прочимъ, трудомъ.

Они сносили трудъ, какъ наказаніе, наложенное еще на праотцевъ нашихъ, но любить не могли, и гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись, находя это возможнымъ и должнымъ».

Точно такъ относился къ жизни и Илья Ильичъ.

Идеалъ счастья, нарисованный имъ Штольцу, заключался ни въ чемъ другомъ, какъ въ сытной жизни,—съ оранжереями, парниками, поѣздками съ самоваромъ въ рощу, и т. п.,—въ халатѣ, въ крѣпкомъ снѣ, да для промежуточнаго отдыха,—въ идиллическихъ прогулкахъ съ кроткою, но дебелою женою, и въ созерцаніи того, какъ крестьяне работаютъ.

Разсудокъ Обломова такъ успѣлъ съ дѣтства сложиться, что даже въ самомъ отвлеченномъ разсужденіи, въ самой утопической теоріи имѣлъ способность останавливаться на данномъ моментѣ и затѣмъ не выходить изъ того statu quo, несмотря ни на какія убѣжденія. Рисуя идеалъ своего блаженства, Илья Ильичъ не думалъ спросить себя о внутреннемъ смыслѣ его, не думалъ утвердить его законность и правду, не задалъ себѣ вопроса: откуда будутъ браться эти оранжереи и парники, кто ихъ станетъ поддерживать, и съ какой стати будетъ онъ ими пользоваться?..

Не задавая себѣ подобныхъ вопросовъ, не разъясняя своихъ отношеній къ міру и къ обществу, *Обломовъ, разумѣется, не могъ осмыслить своей жизни и потому тяготился и скучалъ отъ всего, что ему приходилось дѣлать.* Служилъ онъ—и не могъ понять, зачѣмъ эти бумаги пишутся; не понявши же, ничего лучше не нашелъ, какъ выдти въ отставку и ничего не писать. Учился онъ—и не зналъ, къ чему можетъ послужить ему наука; не узнавши этого, онъ рѣшился сложить книги въ уголъ и равнодушно смотрѣть, какъ ихъ покрываетъ пыль. Выѣзжалъ онъ въ общество—и не умѣлъ себѣ объяснить, зачѣмъ люди въ гости ходятъ; не объяснивши, онъ бросилъ всѣ свои знакомства и сталъ по цѣлымъ днямъ лежать у себя на диванѣ. Сходился онъ съ женщинами, но подумалъ: однако, чего же отъ нихъ ожидать и добиваться? Подумавши же, не рѣшилъ вопроса

и сталъ избѣгать женщинъ... *Все ему наскучило и опостылѣло, и онъ лежалъ на боку, съ полнымъ, сознательнымъ презрѣніемъ къ „муравьиной работѣ людей“, убивающихся и суетящихся Богъ вѣсть изъ-за чего...*

Дойдя до этой точки въ объясненіи характера Обломова, мы находимъ умѣстнымъ обратиться *къ литературной параллели*, о которой упомянули выше.

Предыдущія соображенія привели насъ къ тому заключенію, что *Обломовъ не есть существо, отъ природы совершенно лишенное способности произвольнаго движенія. Его лѣнь и апатія есть созданіе воспитанія и окружающихъ обстоятельствъ.*

Главное здѣсь не Обломовъ, а обломовщина. Онъ бы, можетъ быть, сталъ даже и работать, если бы нашелъ дѣло по себѣ; но для этого, конечно, ему надо было развиться нѣсколько подъ другими условіями, нежели подъ какими онъ развился. Въ настоящемъ же своемъ положеніи онъ не могъ нигдѣ найти себѣ дѣла по душѣ, потому что вообще *не понималъ смысла жизни и не могъ дойти до разумнаго воззрѣнія на свои отношенія къ другимъ.*

Здѣсь-то онъ и подаетъ намъ поводъ къ сравненію съ прежними типами лучшихъ нашихъ писателей.

Давно уже замѣчено, что *всѣ герои замѣчательнѣйшихъ русскихъ повѣстей и романовъ страдаютъ оттого, что не видятъ цѣли въ жизни и не находятъ себѣ приличной дѣятельности.* Вслѣдствіи того они чувствуютъ скуку и отвращеніе отъ всякаго дѣла, въ чемъ представляютъ *разительное сходство съ Обломовымъ.*

Въ самомъ дѣлѣ,—раскройте, напр., «Онѣгина», «Героя нашего времени», «Кто виноватъ», «Рудина», или «Лишняго человѣка», или «Гамлета Щигровскаго уѣзда»,—въ каждомъ изъ нихъ вы найдете черты, почти буквально сходныя съ чертами Обломова.

Онѣгинъ, какъ Обломовъ, оставляетъ общество, за тѣмъ, что его

„Измѣны утомить успѣли,
Друзья и дружба надоѣли“.

И вотъ онъ занялся *писаньемъ:*

„Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,

Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера его"...

На этомъ же поприщѣ подвизался и *Рудинъ*, который любилъ читать избраннымъ «первыя страницы предполагаемыхъ статей и сочиненій своихъ».

Тентетниковъ тоже много лѣтъ занимался «колоссальнымъ сочиненіемъ, долженствовавшимъ обнять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія»; но и у него «предпріятіе больше ограничивалось однимъ обдумываньемъ; изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки, и потомъ все это отодвигалось въ сторону».

Илья Ильичъ не отсталъ въ этомъ отъ своихъ собратій: *онъ тоже писалъ и переводилъ*,—Сэя даже переводилъ. «Гдѣ же твои работы, твои переводы?» —спрашиваетъ его потомъ Штольцъ. — «Не знаю, Захаръ куда-то дѣлъ; въ углу, должно быть, лежатъ»,—отвѣчаетъ Обломовъ. Выходитъ, что Илья Ильичъ даже больше, можетъ быть, сдѣлалъ, чѣмъ другіе, принимавшіеся за дѣло съ такой же твердой рѣшимостью, какъ и онъ...

А *принимались за это дѣло почти всѣ братцы обломовской семьи*, несмотря на разницу своихъ положеній и умственнаго развитія.

Печоринъ только свысока смотрѣлъ на «поставщиковъ повѣстей» и сочинителей мѣщанскихъ драмъ; впрочемъ, и онъ *писалъ свои записки*.

Что касается *Бельтова*, то онъ навѣрное сочинялъ что-нибудь, да еще кромѣ того артистомъ былъ, ходилъ въ Эрмитажъ и сидѣлъ за мольбертомъ, обдумывалъ большую картину встрѣчи Бирона, ѣдущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, ѣдущимъ въ Сибирь... Что изъ всего этого вышло, извѣстно читателямъ... Во всей семьѣ та же обломовщина...

Относительно «присвоенія себѣ чужого ума», т. е. чтенія, Обломовъ тоже не много расходится со своими братьями. Илья Ильичъ читалъ тоже кое-что и читалъ не такъ, какъ покойный батюшка его: «давно, — говоритъ, — не читалъ книги»: «дай-ка, почитаю книгу»,—да и возьметъ, какая подъ руку попадется... Нѣтъ, вѣяніе современнаго образованія коснулось и Обломова: онъ уже читалъ по выбору, сознательно: «услышитъ о какомъ-нибудь замѣчательномъ

произведенiи, — у него явится позывъ познакомиться съ нимъ; онъ ищетъ, проситъ книги, и если принесутъ скоро, онъ примется за нее, у него начнетъ формироваться идея о предметѣ; еще шагъ, и онъ овладѣлъ бы имъ, а посмотришь, онъ уже лежитъ, глядя апатически въ потолокъ, а книга лежитъ подлѣ него недочитанная, непонятая... *Охлажденiе овладѣвало имъ еще быстрѣе, нежели увлеченiе:* онъ уже никогда не возвращался къ покинутой книгѣ».

Не то-ли же самое было и съ другими?

Онѣгинъ, думая себѣ присвоить умъ чужой, началъ съ того, что

„Отрядомъ книгъ уставилъ полку",

и принялся читать. Но толку не вышло никакого: чтенiе скоро ему надоѣло, и —

„Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку, съ пыльной ихъ семьей,
Задернулъ траурной тафтой".

Тентетниковъ тоже такъ читалъ книги (благо, онъ привыкъ ихъ всегда имѣть подъ рукой,—большею частью во-время обѣда: «съ супомъ, съ соусомъ, съ жаркимъ, и даже съ пирожнымъ»...

Рудинъ тоже признается Лежневу, что накупилъ онъ себѣ какихъ-то агрономическихъ книгъ, но ни одной до конца не прочелъ; сдѣлался учителемъ, да нашелъ, что фактовъ зналъ маловато, и даже на одномъ памятникѣ XVI столѣтiя былъ сбитъ учителемъ математики. И у него, какъ у Обломова, принимались легко только общiя идеи, а «подробности, смѣты и цифры» постоянно оставались въ сторонѣ.

«Но вѣдь это еще не жизнь, —это только приготовленiе къ жизни», —думалъ Андрей Ивановичъ Тентетниковъ, проходившiй, вмѣстѣ съ Обломовымъ и всей этой компанiей, тьму ненужныхъ наукъ и не умѣвшiй ни iоты изъ нихъ примѣнить къ жизни. «Настоящая жизнь—это служба». И всѣ наши герои, кромѣ Онѣгина и Печорина, служатъ, и для всѣхъ ихъ *служба — ненужное и неимѣющее смысла бремя*; и всѣ они оканчиваютъ благородной и ранней отставкой.

Бельтовъ четырнадцать лѣтъ и шесть мясяцевъ не дослужилъ до пряжки, потому что, погорячившись сначала, вскорѣ охладѣлъ къ канцелярскимъ занятіямъ, сталъ раздражителенъ и небреженъ...

Тентетниковъ поговорилъ крупно съ начальствомъ, да при томъ же хотѣлъ принести пользу государству, лично занявшись устройствомъ своего имѣнія.

Рудинъ поссорился съ директоромъ гимназіи, гдѣ былъ учителемъ.

Обломову не понравилось, что съ начальствомъ всѣ говорятъ «не своимъ голосомъ, а какимъ-то другимъ, тоненькимъ и гадкимъ»; онъ не хотѣлъ этимъ голосомъ объясняться съ начальникомъ по тому поводу, что «отправилъ нужную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ», и подалъ въ отставку... Вездѣ все одна и та же обломовщина...

Въ домашней жизни обломовцы тоже очень похожи другъ на друга:

„Прогулки, чтенье, сонъ глубокій,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,
Порой бѣлянки черноокой
Младой и свѣжій поцѣлуй,
Уздѣ послушный конь ретивый,
Обѣдъ довольно прихотливый,
Бутылка свѣтлаго вина,
Уединенье, тишина,—
Вотъ жизнь Онѣгина святая“.

То же самое, слово въ слово, за исключеніемъ коня, рисуется у Ильи Ильича въ идеалѣ домашней жизни. Даже поцѣлуй черноокой бѣлянки не забытъ у Обломова. «Одна изъ крестьянокъ,—мечтаетъ Илья Ильичъ,—съ загорѣлой шеей, съ открытыми локтями, съ робко-опущенными, но лукавыми глазами, чуть чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... тс... жена чтобъ не увидала. Боже сохрани! (Обломовъ воображаетъ себя уже женатымъ)... И если-бъ Ильѣ Ильичу не лѣнь было уѣхать изъ Петербурга въ деревню, онъ непремѣнно привелъ бы въ исполненіе задушевную свою идиллію.

Вообще *обломовцы склонны къ идиллическому, бездѣйственному счастью*, которое ничего отъ нихъ не требуетъ: «наслаждайся, молъ, мною, да и только»...

Ужъ на что, кажется, *Печоринъ*, а и тотъ полагаетъ, что счастье то, можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который «въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ передъ собою роскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодъ и отчаяніе». Въ другомъ мѣстѣ, Печоринъ себя спрашиваетъ: «отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?» Онъ самъ полагаетъ,—оттого, что «душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣятельности»... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой, и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебоширства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать... А ужъ коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлью болѣе наклоненъ, чѣмъ къ дѣлу... Та же обломовщина...

Отношенія къ людямъ и, въ особенности, къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторыя общія черты.

Людей они вообще презираютъ съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями.

«Это все черноробочіе», небрежно отзывается даже *Бельтовъ*, гуманнѣйшій между ними.

Рудинъ наивно воображаетъ себя геніемъ, котораго никто не въ состояніи понять.

Печоринъ, ужъ разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами.

Даже *Онѣгинъ* имѣетъ за собою два стиха, гласящіе, что

„Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей“.

Тентетниковъ даже,—ужъ на что смирный,—и тотъ, пришедши въ департаментъ, почувствовалъ, что «какъ-будто его за проступокъ перевели изъ верхняго класса въ нижній», а пріѣхавши въ деревню, скоро постарался, подобно Онѣгину и Обломову, раззнакомиться со всѣми сосѣдями, которые поспѣшили съ нимъ познакомиться.

И *нашъ Илья Ильичъ не уступитъ никому въ презрѣніи къ людямъ:* оно вѣдь такъ легко, для него даже усилій никакихъ не нужно. Онъ самодовольно проводитъ передъ Захаромъ параллель между собой и «другими»; онъ въ разговорахъ съ пріятелями выражаетъ наивное удивленіе, изъ-за чего эти люди бьются, заставляя себя ходить въ должность, писать, слѣдить за газетами, посѣщать общество, и пр. Онъ даже весьма категорически выражаетъ Штольцу сознаніе своего превосходства надъ всѣми людьми. «Жизнь,—говоритъ,—въ обществѣ? Хороша жизнь! Чего тамъ искать? Интересовъ ума, сердца? Ты посмотри, гдѣ центръ, около котораго вращается все это; нѣтъ его, нѣтъ ничего глубокаго, задѣвающаго за живое. Все это мертвецы, спящіе люди, хуже меня, эти члены совѣта и общества». И затѣмъ Илья Ильичъ очень пространно и краснорѣчиво говоритъ на эту тему, такъ, что хоть бы Рудину такъ поговорить.

Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ.

Они вовсе *не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно такъ же, какъ и вообще въ жизни.* Они не прочь пококетничать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, двигающуюся на пружинахъ; не прочь они и поработить себѣ женскую душу... какъ же! Этимъ бываетъ очень довольна ихъ барственная натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего-нибудь серьезнаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что передъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ,—они немедленно обращаются въ постыднѣйшее бѣгство.

Трусость у всѣхъ этихъ господъ непомѣрная.

Онѣгинъ, который такъ «рано умѣлъ тревожить сердца кокетокъ записныхъ», который женщинъ «искалъ безъ упоенья, и оставлялъ безъ сожалѣнья»,—Онѣгинъ струсилъ передъ Татьяной, дважды струсилъ,—и въ то время, когда принималъ отъ нея урокъ, и тогда, какъ самъ ей давалъ его. Она ему, вѣдь, нравилась съ самаго начала, и если бы любила менѣе серьезно, онъ не подумалъ бы принять съ нею тонъ строгаго нравоучителя. А тутъ онъ увидѣлъ, что шутить опасно, и потому началъ толковать о своей отжитой жизни, о дурномъ характерѣ, о томъ, что она другого по-

любитъ впослѣдствіи, и т. д. Впослѣдствіи онъ самъ объясняетъ свой поступокъ тѣмъ, что «замѣтя искру нѣжности въ Татьянѣ, онъ не хотѣлъ ей вѣрить», и что

„Свою постылую свободу
Онъ потерять не захотѣлъ“.

А какими фразами-то прикрылъ себя, малодушный!

Бельтовъ съ Круциферской, какъ извѣстно, тоже не посмѣлъ идти до конца и убѣжалъ отъ нея, хотя и по совершенно другимъ соображеніямъ, если ему только вѣрить.

Рудинъ—этотъ уже совершенно растерялся, когда Наталья отъ него хотѣла добиться чего-нибудь рѣшительнаго. Онъ ничего болѣе не съумѣлъ, какъ только посовѣтовать ей «покориться». На другой день онъ остроумно объяснилъ ей въ письмѣ, что ему «было не въ привычку» имѣть дѣло съ такими женщинами, какъ она.

Такимъ же оказывается и *Печоринъ*, спеціалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что, кромѣ женщинъ, онъ ничего на свѣтѣ не любилъ, что для нихъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что, во-первыхъ, «не любитъ женщинъ съ характеромъ: ихъ-ли это дѣло!»—во-вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. «Какъ бы страстно я ни любилъ женщину»,—говоритъ онъ, «но если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться—прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свободы своей не продамъ. Отчего же я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? Куда я себя готовлю? Чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе», и т. д. А въ сущности, это—больше ничего, какъ обломовщина.

А Илья Ильичъ развѣ, вы думаете, не имѣетъ въ себѣ, въ свою очередь, печоринскаго и рудинскаго элемента, не говоря объ онѣгинскомъ? Еще какъ имѣетъ-то! Онъ, напримѣръ, подобно *Печорину*, хочетъ непремѣнно обладать женщиной, хочетъ вынудить у нея всяческія жертвы въ доказательство любви. Онъ, видите-ли, не надѣялся сначала, что Ольга пойдетъ за него замужъ, и съ робостью предложилъ

ей быть его женой. Она ему сказала что-то въ родѣ того, что это давно бы ему слѣдовало сдѣлать. Онъ пришелъ въ смущеніе, ему стало не довольно согласія Ольги, и онъ— что бы вы думали?.. онъ началъ— пытать ее, столько-ли она его любитъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлаться его любовницей! И ему стало досадно, когда она сказала, что никогда не пойдетъ по этому пути; но затѣмъ ея объясненіе и страстная сцена успокоили его. А все-таки онъ струсилъ подъ конецъ до того, что даже на глаза Ольгѣ боялся показаться, прикидывался больнымъ, прикрывалъ себя разведеннымъ мостомъ, давалъ понять Ольгѣ, что она его можетъ компрометировать, и т. д. И все отчего?—оттого, что она отъ него потребовала рѣшимости, дѣла, того, что не входило въ его привычки. Женитьба сама по себѣ не страшила его такъ, какъ страшила Печорина и Рудина; у него болѣе патріархальныя были привычки. Но Ольга захотѣла, чтобы онъ передъ женитьбой устроилъ дѣла по имѣнію; это уже была бы жертва, и онъ, конечно, этой жертвы не совершилъ, а явился настоящимъ Обломовымъ. А самъ, между тѣмъ, очень требователенъ. Онъ сдѣлалъ съ Ольгой такую штуку, какая и Печорину въ пору была бы. Ему вообразилось, что онъ не довольно хорошъ собою и вообще не довольно привлекателенъ для того, чтобы Ольга могла сильно полюбить его. Онъ начинаетъ страдать, не спитъ ночь, наконецъ, вооружается энергіей и строчитъ къ Ольгѣ длинное рудинское посланіе, въ которомъ повторяетъ извѣстную, тертую и перетертую вещь, говоренную и Онѣгинымъ Татьянѣ, и Рудинымъ Натальѣ, и даже Печоринымъ княжнѣ Мери: «я, дескать, не такъ созданъ, чтобы вы могли быть со мною счастливы; придетъ время, вы полюбите другого, болѣе достойнаго».

„Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты...
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ...
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ“.

Всѣ обломовцы любятъ уничижать себя; но это они дѣлаютъ съ той цѣлью, чтобы имѣть удовольствіе быть опро-

вергнутыми и услышать себѣ похвалу отъ тѣхъ, передъ кѣмъ они себя ругаютъ.

Они довольны своимъ самоуниженіемъ, и всѣ похожи на *Рудина*, о которомъ Пигасовъ выражается: «начнетъ себя бранить, съ грязью себя смѣшаетъ;—ну, думаешь, теперь на свѣтъ Божій глядѣть не станетъ. Какое! повеселѣлъ даже, словно горькой водкой себя попотчивалъ!»

Такъ и *Онѣгинъ* послѣ ругательствъ на себя рисуется передъ Татьяной своимъ великодушіемъ.

Такъ и *Обломовъ*, написавши къ Ольгѣ пасквиль на самого себя, чувствовалъ, «что ему ужъ не тяжело, что онъ почти счастливъ»... Письмо свое онъ заключаетъ тѣмъ же нравоученіемъ, какъ и Онѣгинъ свою рѣчь: «исторія со мною пусть,—говоритъ,—послужитъ вамъ руководствомъ въ будущей, нормальной любви», и пр. Илья Ильичъ, разумѣется, не выдержалъ себя на высотѣ уничиженія передъ Ольгой: онъ бросился подсмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ на нее письмо, увидѣлъ, что она плачетъ, удовлетворился и—не могъ удержаться, чтобы не предстать передъ ней въ сію критическую минуту. А она доказала ему, какимъ онъ пошлымъ и жалкимъ эгоистомъ явился въ этомъ письмѣ, написанномъ «изъ заботы объ ея счастіи». Тутъ ужъ онъ окончательно спасовалъ, какъ дѣлаютъ, впрочемъ, всѣ обломовцы, встрѣчая женщину, которая выше ихъ по характеру и по развитію.

Во всемъ, что мы говорили, мы имѣли въ виду болѣе обломовщину, нежели личность Обломова и другихъ героевъ.

Что касается до *личности*, то мы не могли не видѣть *разницы темперамента*, напр., у Печорина и Обломова, такъ же точно, какъ не можемъ не найти ее и у Печорина съ Онѣгинымъ, и у Рудина съ Бельтовымъ...

Кто же станетъ спорить, что личная разница между людьми существуетъ (хотя, можетъ быть, и далеко не въ той степени и не съ тѣмъ значеніемъ, какъ ее обыкновенно предполагаютъ).

Но дѣло въ томъ, что *надъ всѣми этими лицами тяготѣетъ одна и та же обломовщина, которая кладетъ на нихъ неизгладимую печать бездѣльничества, дармоѣдства и совершенной ненужности на свѣтѣ.*

Весьма вѣроятно, что при другихъ условіяхъ жизни, въ другомъ обществѣ, Онѣгинъ былъ бы истинно добрымъ малымъ, Печоринъ и Рудинъ дѣлали бы великіе подвиги, а Бельтовъ оказался бы дѣйствительно превосходнымъ человѣкомъ. Но, при другихъ условіяхъ развитія, можетъ быть, и Обломовъ съ Тентетниковымъ не были бы такими байбаками, а нашли бы себѣ какое-нибудь полезное занятіе...

Дѣло въ томъ, что *теперь-то* у нихъ у всѣхъ *одна общая черта -безплодное стремленіе къ дѣятельности, сознаніе, что изъ нихъ многое могло бы выдти, но не выйдетъ ничего...*

Въ этомъ они *поразительно сходятся.*

«Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? Для какой цѣли я родился?.. А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій,— лучшій цвѣтъ жизни».

Это—*Печоринъ...*

А вотъ какъ разсуждаетъ о себѣ *Рудинъ.* «Да, природа мнѣ много дала; но я умру, не сдѣлавъ ничего достойнаго силъ моихъ, не оставивъ за собою никакого благотворнаго слѣда. Все мое богатство пропадетъ даромъ: я не вижу плодовъ отъ сѣмянъ своихъ»...

Илья Ильичъ тоже не отстаетъ отъ прочихъ: и онъ «болѣзненно чувствовалъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало, можетъ быть, теперь уже умершее, или лежитъ оно, какъ золото въ нѣдрахъ горы, и давно пора бы этому золоту быть ходячей монетой. Но глубоко и тяжело заваленъ кладъ дрянью, наноснымъ соромъ. Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища».

Видите—сокровища были зарыты въ его натурѣ, только раскрыть ихъ передъ міромъ онъ никогда не могъ. Другіе братья его, помоложе, по свѣту рыщутъ,

„Дѣла себѣ исполинскаго ищутъ,
Благо наслѣдье богатыхъ отцовъ
Освободило отъ малыхъ трудовъ“...

Обломовъ тоже мечталъ въ молодости «служить, пока станетъ силъ, потому что Россіи нужны руки и головы для разрабатыванія неистощимыхъ источниковъ»... Да и теперь онъ «не чуждъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей, ему доступны наслажденія высокихъ помысловъ», и хотя онъ не рыщетъ по свѣту за исполинскимъ дѣломъ, но все-таки мечтаетъ о всемірной дѣятельности, все-таки съ презрѣніемъ смотритъ на чернорабочихъ и съ жаромъ говоритъ:

„Нѣтъ, я души не растрачу моей
На муравьиной работѣ людей“...

А бездѣльничаетъ онъ ничуть не больше, чѣмъ всѣ остальные братья-обломовцы; только онъ откровеннѣе,—не старается прикрыть своего бездѣлья даже разговорами въ обществахъ и гуляньяхъ по Невскому проспекту.

Но *отчего же такая разница впечатлѣній, производимыхъ на насъ Обломовымъ и героями, о которыхъ мы вспоминали выше?*

Тѣ представляются намъ въ разныхъ родахъ *сильными натурами*, задавленными неблагопріятной обстановкой, а этотъ—*байбакомъ*, который и при самыхъ лучшихъ обстоятельствахъ ничего не сдѣлаетъ.

Но, во-первыхъ, у *Обломова темпераментъ слишкомъ вялый*, и потому естественно, что онъ для осуществленія своихъ замысловъ и для отпора враждебныхъ обстоятельствъ употребляетъ еще нѣсколько менѣе попытокъ, нежели сангвиническій Онѣгинъ или желчный Печоринъ. *Въ сущности же они всѣ равно несостоятельны передъ силою враждебныхъ обстоятельствъ*, всѣ равно погружаются въ ничтожество, когда имъ предстоитъ настоящая, серьезная дѣятельность.

Въ чемъо бстоятельства Обломова открывали ему благопріятное поле дѣятельности? У него было имѣнье, которое могъ онъ устроить; былъ другъ, вызывавшій его на практическую дѣятельность; была женщина, которая превосходила его энергіей характера и ясностью взгляда, и которая нѣжно полюбила его...

Да скажите, *у кого же изъ обломовцевъ не было всего этого, и что всѣ они изъ этого сдѣлали?*

И *Онѣгинъ*, и *Тентетниковъ* хозяйничали въ своемъ имѣньи, и о Тентетниковѣ мужики даже говорили сначала: «экой востроногій!» Но скоро тѣ же мужики смекнули, что баринъ, хоть и прытокъ на первыхъ порахъ, но ничего не смыслитъ и толку никакого не сдѣлаетъ...

А *дружба?* Что они всѣ дѣлаютъ со своими друзьями? Онѣгинъ убилъ Ленскаго; Печоринъ только все пикируется съ Вернеромъ; Рудинъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя Лежнева и не воспользовался дружбой Покорскаго... Да и мало-ли людей, подобныхъ Покорскому, встрѣчалось на пути каждаго изъ нихъ?.. Что же они? Соединялись ли другъ съ другомъ для одного общаго дѣла, образовали-ли тѣсный союзъ для обороны отъ враждебныхъ обстоятельствъ? Ничего не было... Все разсыпалось прахомъ, все кончилось той же обломовщиной...

О любви нечего и говорить. Каждый изъ обломовцевъ встрѣчалъ женщину выше себя (потому что Круциферская выше Бельтова и даже княжна Мери все-таки выше Печорина), и каждый постыдно бѣжалъ отъ ея любви или добивался того, чтобъ она сама прогнала его... Чѣмъ это объяснить, какъ не давленіемъ на нихъ гнусной обломовщины?

Кромѣ разницы темперамента, *большое различіе находится въ самомъ возрастѣ Обломова и другихъ героевъ.* Говоримъ не о лѣтахъ: они почти однолѣтки, Рудинъ даже двумя-тремя годами постарше Обломова; говоримъ *о времени ихъ появленія.* Обломовъ относится къ позднѣйшему времени, стало быть, онъ уже для молодого поколѣнія, для современной жизни, долженъ казаться гораздо старше, чѣмъ казались прежніе обломовцы... Онъ въ университетѣ какихъ-нибудь 17—18-ти лѣтъ прочувствовалъ тѣ стремленія, проникся тѣми идеями, которыми одушевляется Рудинъ въ тридцать пять лѣтъ. За этимъ курсомъ для него были только двѣ дороги: или дѣятельность, настоящая дѣятельность,—не языкомъ, а головой, сердцемъ и руками вмѣстѣ, или уже просто лежанье сложа руки. Апатическая натура привела его къ послѣднему; скверно, *но, по крайней мѣрѣ, тутъ нѣтъ лжи и обморочиванья.* Если-бъ онъ, подобно своимъ

братцамъ, пустился толковать во всеуслышаніе о томъ, о чемъ теперь осмѣливается только мечтать, то онъ каждый день испытывалъ бы огорченія, подобныя тѣмъ, какія испытывалъ по случаю полученія письма отъ старосты и приглашенія отъ хозяина дома—очистить квартиру. Прежде съ любовью, съ благоговѣніемъ слушали фразеровъ, толкующихъ о необходимости того или другого, о высшихъ стремленіяхъ, и т. п. Тогда, можетъ быть, и Обломовъ не прочь былъ бы поговорить... Но *теперь всякаго фразера и прожектера встрѣчаютъ требованіемъ: «а не угодно-ли попробовать?»* Этого ужъ обломовцы не въ силахъ снести...

Въ самомъ дѣлѣ—*какъ чувствуется вѣяніе новой жизни, когда, по прочтеніи «Обломова», думаешь, что вызвало въ литературѣ этотъ типъ.*

Нельзя приписать этого единственно личному таланту автора и широтѣ его воззрѣній. И силу таланта, и воззрѣнія самыя широкія и гуманныя находимъ мы у авторовъ, произведшихъ прежніе типы, произведенные нами выше. Но дѣло въ томъ, что *отъ появленія перваго изъ нихъ, Онѣгина, до сихъ поръ прошло уже тридцать лѣтъ.* То, *что было тогда въ зародышѣ*, что выражалось только въ неясномъ полусловѣ, произнесенномъ шепотомъ, *то приняло уже теперь опредѣленную и твердую форму*, высказалось открыто и громко. *Фраза потеряла свое значеніе;* явилась въ самомъ обществѣ *потребность настоящаго дѣла.*

А вѣдь толпа права! Если ужъ она сознала необходимость настоящаго дѣла, такъ для нея совершенно все равно,—Печоринъ-ли передъ ней или Обломовъ.

Мы не говоримъ опять, чтобы Печоринъ въ данныхъ обстоятельствахъ сталъ дѣйствовать именно такъ, какъ Обломовъ: онъ могъ самыми этими обстоятельствами развиться въ другую сторону.

Но типы, созданные сильнымъ талантомъ, долговѣчны: и нынѣ живутъ люди, представляющіе какъ-будто сколокъ съ Онѣгина, Печорина, Рудина, и пр., и не въ томъ видѣ, какъ они могли бы развиться при другихъ обстоятельствахъ, а именно въ томъ, въ какомъ они представлены Пушкинымъ, Лермонтовымъ, Тургеневымъ.

Только *въ общественномъ сознаніи всѣ они болѣе* и *болѣе превращаются въ Обломова.* Нельзя сказать, чтобъ пре-

вращеніе это уже совершилось: нѣтъ, еще и теперь тысячи людей проводятъ время въ разговорахъ, и тысячи другихъ людей готовы принять разговоры за дѣла.

Но *что превращеніе это начинается — доказываетъ типъ Обломова, созданный Гончаровымъ.* Появленіе его было бы невозможно, если бы хотя въ нѣкоторой части общества не созрѣло сознанія о томъ, какъ ничтожны всѣ эти quasi-талантливыя натуры, которыми прежде восхищались. Прежде онѣ прикрывались разными мантіями, украшали себя разными прическами, привлекали къ себѣ разными талантами. Но *теперь Обломовъ является предъ нами разоблаченный*, какъ онъ есть, *молчаливый, сведенный съ красиваго пьедестала на мягкій диванъ, прикрытый вмѣсто мантіи только просторнымъ халатомъ.* Вопросъ: что онъ дѣлаетъ? въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни?—поставленъ прямо и ясно, не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому, что теперь уже настало, или настаетъ неотлагательно время работы общественной... И вотъ почему мы говоримъ, что видимъ въ романѣ Гончарова знаменіе времени.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ *измѣнилась точка зрѣнія на образованныхъ и хорошо разсуждающихъ лежебоковъ*, которыхъ прежде принимали за настоящихъ общественныхъ дѣятелей.

Вотъ передъ вами молодой человѣкъ, очень красивый, ловкій, образованный. Онъ выѣзжаетъ въ большой свѣтъ и имѣетъ тамъ успѣхъ; онъ ѣздитъ въ театры, на балы и маскарады; онъ отлично одѣвается и обѣдаетъ; читаетъ книжки и пишетъ очень грамотно... Сердце его волнуется только ежедневностью свѣтской жизни, но онъ имѣетъ понятіе и о высшихъ вопросахъ. Онъ любитъ потолковать о страстяхъ.

„О предразсудкахъ вѣковыхъ
И гроба тайнахъ роковыхъ“...

Онъ имѣетъ нѣкоторыя честныя правила: способенъ

„Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнить“;

способенъ иногда не воспользоваться неопытностью дѣвушки, которую не любитъ; способенъ не придавать особенной цѣны своимъ свѣтскимъ успѣхамъ. Онъ выше окру-

жающаго его свѣтскаго общества настолько, что дошелъ до сознанія его пустоты; онъ можетъ даже оставить свѣтъ и переѣхать въ деревню; но только и тамъ скучаетъ, не зная, какое найти себѣ дѣло... Отъ нечего дѣлать онъ ссорится съ другомъ своимъ и по легкомыслію убиваетъ его на дуэли... Черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвращается въ свѣтъ и влюбляется въ женщину, любовь которой самъ прежде отвергъ, потому что для нея нужно было бы ему отказаться отъ своей бродяжнической свободы... Вы узнаете въ этомъ человѣкѣ *Онѣгина. Но всмотритесь хорошенько: это—Обломовъ...*

Передъ вами другой человѣкъ, съ болѣе страстной душой, съ болѣе широкимъ самолюбіемъ. Этотъ имѣетъ въ себѣ какъ-будто отъ природы все то, что для Онѣгина составляетъ предметъ заботъ. Онъ не хлопочетъ о туалетѣ и нарядѣ: онъ свѣтскій человѣкъ и безъ этого. Ему не нужно подбирать слова и блистать мишурнымъ знаніемъ: и безъ этого языкъ у него, какъ бритва. Онъ дѣйствительно презираетъ людей, хорошо понимая ихъ слабости; онъ дѣйствительно умѣетъ овладѣть сердцемъ женщины, не на краткое мгновенье, а надолго, нерѣдко навсегда. Все, что встрѣчается ему на дорогѣ, онъ умѣетъ отстранить или уничтожить. Одно только несчастье: *онъ не знаетъ куда идти.* Сердце его пусто и холодно ко всему. Онъ все испыталъ, и ему еще въ юности опротивѣли всѣ удовольствія, которыя можно достать за деньги; любовь свѣтскихъ красавицъ тоже опротивѣла ему, потому что ничего не давала сердцу; науки тоже надоѣли, потому что онъ увидѣлъ, что отъ нихъ не зависитъ ни слава, ни счастье; самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача; военныя опасности тоже ему скоро наскучили, потому что онъ не видѣлъ въ нихъ смысла и скоро привыкъ къ нимъ. Наконецъ, даже простосердечная, чистая любовь дикой дѣвушки, которая ему самому нравится, тоже надоѣдаетъ ему: онъ и въ ней не находитъ удовлетворенія своихъ порывовъ. Но что же это за порывы? куда влекутъ они? Отчего онъ не отдается имъ всей силой души своей? Оттого, что *онъ самъ ихъ не понимаетъ и не даетъ себѣ труда подумать о томъ, куда дѣвать свою душевную силу;* и вотъ онъ проводитъ свою жизнь въ томъ, что остритъ надъ глупцами.

тревожитъ сердца неопытныхъ барышень, мѣшается въ чужія сердечныя дѣла, напрашивается на ссоры, выказываетъ отвагу въ пустякахъ, дерется безъ надобности... Вы припоминаете, что это исторія *Печорина*, что отчасти почти такими словами самъ онъ объясняетъ свой характеръ Максиму Максимычу. Всмотритесь пожалуйста, получше: *вы и тутъ увидите того же Обломова...*

Но вотъ еще человѣкъ, болѣе сознательно идущій по своей дорогѣ. Онъ не только понимаетъ, что ему дано много силъ, но знаетъ и то, что у него есть великая цѣль... Подозрѣваетъ, кажется, даже и то, какая это цѣль, и гдѣ она находится. Онъ благороденъ, честенъ (хотя часто и не платитъ долговъ); съ жаромъ разсуждаетъ не о пустякахъ, а о высшихъ вопросахъ; увѣряетъ, что готовъ пожертвовать собою для блага человѣчества. Въ головѣ его рѣшены всѣ вопросы, все приведено въ живую, стройную связь; онъ увлекаетъ своимъ могучимъ словомъ неопытныхъ юношей, такъ что, послушавъ его, и они чувствуютъ, что призваны къ чему-то великому... Но въ чемъ проходитъ его жизнь? Въ томъ, что *онъ все начинаетъ и не оканчиваетъ, разбрасывая во всѣ стороны, всему отдается съ жадностью и—не можетъ отдаться...* Онъ влюбляется въ дѣвушку, которая, наконецъ, говоритъ ему, что, несмотря на запрещеніе матери, она готова принадлежать ему; а онъ отвѣчаетъ: «Боже! такъ ваша маменька не согласна! Какой внезапный ударъ! Боже! какъ скоро... Дѣлать нечего,—надо покориться»... И въ этомъ точный образецъ всей его жизни... Вы уже знаете, что это *Рудинъ*... Нѣтъ, *теперь ужъ и это—Обломовъ.* Когда вы хорошенько всмотритесь въ эту личность и поставите ее лицомъ къ лицу съ требованіями современной жизни,—вы сами въ этомъ убѣдитесь.

Общее у всѣхъ этихъ людей то, что въ жизни нѣтъ имъ дѣла, которое бы для нихъ было жизненной необходимостью, сердечной святыней, религіей, которое бы органически срослось съ ними, такъ что отнять его у нихъ, значило бы лишить ихъ жизни. Все у нихъ внѣшнее, ничто не имѣетъ корня въ ихъ натурѣ.

Они, пожалуй, и дѣлаютъ что-то такое, когда принуждаетъ внѣшняя необходимость, такъ какъ Обломовъ ѣздилъ въ гости, куда тащилъ его Штольцъ, покупалъ

ноты и книги для Ольги, читалъ то, что она заставляла его читать. Но *душа ихъ не лежитъ къ тому дѣлу, которое наложено на нихъ случаемъ.* Если бы каждому изъ нихъ даромъ предложили всѣ внѣшнія выгоды, какія имъ доставляются ихъ работой, они бы съ радостью отказались отъ своего дѣла.

Въ силу обломовщины, обломовскій чиновникъ не станетъ ходить въ должность, если ему и безъ того сохранятъ его жалованье и будутъ производить въ чины. Воинъ дастъ клятву не прикасаться къ оружію, если ему предложатъ тѣ же условія, да еще сохранятъ его красивую форму, очень полезную въ извѣстныхъ случаяхъ. Профессоръ перестанетъ читать лекціи, студентъ перестанетъ учиться, писатель броситъ авторство, актеръ не покажется на сцену, артистъ изломаетъ рѣзецъ и палитру, говоря высокимъ слогомъ, если найдетъ возможность даромъ получить все, чего теперь добивается трудомъ.

Они только говорятъ о высшихъ стремленіяхъ, о сознаніи нравственнаго долга, о проникновеніи общими интересами, а на повѣрку выходитъ, что все это — *слова и слова.*

Самое искреннее, задушевное ихъ стремленіе есть *стремленіе къ покою, къ халату*, и самая дѣятельность ихъ есть ни что иное, какъ почетный халатъ (по выраженію, не намъ принадлежащему), которымъ прикрываютъ они свою пустоту и апатію.

Даже наиболѣе образованные люди, притомъ люди съ живою натурою, съ теплымъ сердцемъ, чрезвычайно легко отступаютъ въ практической жизни отъ своихъ идей и плановъ, чрезвычайно скоро мирятся съ окружающей дѣйствительностью, которую, однако, на словахъ не перестаютъ считать пошлою и гадкою. Это значитъ, что *все, о чемъ они говорятъ и мечтаютъ,—у нихъ чужое, наносное*; въ глубинѣ же души ихъ коренится одна мечта, одинъ идеалъ—*возможно-невозмутимый покой, квіетизмъ, обломовщина.* Многіе доходятъ даже до того, что не могутъ представить себѣ, чтобъ человѣкъ могъ работать по охотѣ, по увлеченію. Прочтите-ка въ «Экономическомъ Указателѣ» разсужденія о томъ, какъ всѣ умрутъ голодною смертью отъ бездѣлья, ежели равномѣрное распредѣленіе богатства отниметъ у частныхъ людей побужденіе стремиться къ наживанію себѣ капиталовъ...

Да, *всѣ эти обломовцы никогда не перерабатывали въ плоть и кровь свою тѣхъ началъ, которыя имъ внушали, никогда не проводили ихъ до послѣднихъ выводовъ, не доходили до той грани, гдѣ слово становится дѣломъ, гдѣ принципъ сливается съ внутренней потребностью души, изчезаетъ въ ней и дѣлается единственною силою, двигающею человѣкомъ.*

Потому-то эти люди и *лгутъ* безпрестанно, потому-то они и являются такъ *несостоятельными* въ частныхъ фактахъ своей дѣятельности. Потому-то и *дороже для нихъ отвлеченныя воззрѣнія, чѣмъ живые факты*, важнѣе общіе принципы, чѣмъ простая жизненная правда.

Они читаютъ полезныя книги для того, чтобы знать, что пишется; пишутъ благородныя статьи затѣмъ, чтобы полюбоваться логическимъ построеніемъ своей рѣчи; говорятъ смѣлыя вещи, чтобы прислушиваться къ благозвучію своихъ фразъ и возбуждать ими похвалы слушателей. Но что далѣе, какая цѣль всего этого читанья, писанья, говоренья,—они или вовсе не хотятъ знать, или не слишкомъ объ этотъ безпокоятся. Они постоянно говорятъ вамъ: вотъ, что мы знаемъ, вотъ, что мы думаемъ, а впрочемъ, какъ тамъ хотятъ, наше дѣло—сторона...

Пока не было работы въ виду, можно было еще надувать этимъ публику, *можно было тщеславиться тѣмъ*, что мы вотъ, дескать, все-таки хлопочемъ, ходимъ, говоримъ, разсказываемъ. На этомъ и основанъ былъ въ обществѣ успѣхъ людей, подобныхъ Рудину. Даже больше—можно было заняться кутежомъ, интрижками, каламбурами, театральствами,—и увѣрять, что это мы пустились, молъ, оттого, что нѣтъ простора для болѣе широкой дѣятельности. Тогда и Печоринъ, и даже Онѣгинъ долженъ былъ казаться натурою съ необъятными силами души. Но *теперь ужъ всѣ эти герои отодвинулись на второй планъ, потеряли прежнее значеніе, перестали сбивать насъ съ толку своей загадочностью и таинственнымъ разладомъ между ними и обществомъ, между великими ихъ силами и ничтожностью дѣлъ ихъ...*

„Теперь загадка разъяснилась,
Теперь имъ слово найдено“.

Слово это—обломовщина.

Если я вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности,—я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ.

Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности тихаго шага, и т. п., я не сомнѣваюсь, что онъ—Обломовъ.

Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что наконецъ сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали,—я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые (а иногда и новые) анекдоты о взяточникахъ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода,—я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: «вы говорите, что нехорошо то и то; что же нужно дѣлать?» Они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство,—они скажутъ: «да какъ же это такъ вдругъ?» Непремѣнно скажутъ, потому что Обломовы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжайте разговоръ съ ними и спросите: что же вы намѣрены дѣлать?—Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: «что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо; но, посудите сами»... и пр. Больше отъ нихъ вы ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ: «впередъ!», о которомъ такъ мечталъ Гоголь, и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. *Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному*

въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. «Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ», говоритъ онъ устами Штольца, и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ, *Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы—наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ.* Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово. Не за что говорить объ насъ съ Ильею Ильичемъ слѣдующія строки:

„Въ немъ было то, что дороже всякаго ума: честное, вѣрное сердце! Это его природное золото; онъ невредимо пронесъ его сквозь жизнь. Онъ падалъ отъ толчковъ, охлаждался, заснулъ, наконецъ, убитый, разочарованный, потерявъ силу жить, но не потерялъ честности и вѣрности. Ни одной фальшивой ноты не издало его сердце, не пристало къ нему грязи. Не обольститъ его никакая нарядная ложь, и ничто не совлечетъ на фальшивый путь; пусть волнуется около него цѣлый океанъ дряни, зла; пусть весь міръ отравится ядомъ и пойдетъ навыворотъ,—никогда Обломовъ не поклонится идолу лжи, въ душѣ его всегда будетъ чисто, свѣтло, честно... Это хрустальная, прозрачная душа; такихъ людей мало; это перлы въ толпѣ! Его сердца не подкупишь ничѣмъ, на него всюду и вездѣ можно положиться".

Распространяться объ этомъ пассажѣ мы не станемъ; но каждый изъ читателей замѣтитъ, что въ немъ заключена большая неправда. *Одно въ Обломовѣ хорошо,* дѣйствительно: *то, что онъ не усиливался надувать другихъ,* а ужъ такъ и являлся въ натурѣ — лежебокомъ. Но, помилуйте, въ чемъ же на него можно положиться? Развѣ въ томъ, гдѣ ничего дѣлать не нужно? Тутъ онъ, дѣйствительно, отличится такъ, какъ никто. Но ничего-то не дѣлать и безъ него можно. Онъ не поклонится идолу зла! Да вѣдь почему это? Потому, что ему лѣнь встать съ дивана. А стащите его, поставьте на колѣни передъ этимъ идоломъ: онъ не въ силахъ будетъ встать. Не подкупишь его ничѣмъ. Да на что его подкупать-то? На то, чтобы съ мѣста сдвинулся? Ну, это дѣйствительно трудно. Грязь къ нему не пристаетъ! Да, пока лежитъ одинъ, такъ еще ничего; а какъ придетъ Тарантьевъ, Затертый, Иванъ Матвѣичъ—брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова.

Его объѣдаютъ, опиваютъ, спаиваютъ, берутъ съ него фальшивый вексель (отъ котораго Штольцъ нѣсколько безцеремонно, по русскимъ обычаямъ, безъ суда и слѣдствія избавляетъ его), разоряютъ его именемъ мужиковъ, дерутъ съ него немилосердныя деньги ни за что, ни про что. Онъ все это терпитъ безмолвно и потому, разумѣется, не издаетъ ни одного фальшиваго звука.

Нѣтъ, *нельзя такъ льстить живымъ, а мы еще живы, мы еще попрежнему Обломовы.* Обломовщина никогда не оставляла насъ и не оставила даже теперь—въ настоящее время, когда, и пр. Кто изъ нашихъ литераторовъ, публицистовъ, людей образованныхъ, общественныхъ дѣятелей, кто не согласится, что, должно быть, его-то именно и имѣлъ въ виду Гончаровъ, когда писалъ объ Ильѣ Ильичѣ слѣдующія строки:

„Ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ; онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей. Онъ горько, въ глубинѣ души, плакалъ въ иную пору надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія, и тоску, и стремленія куда-то вдаль, туда, вѣроятно, въ тотъ міръ, куда увлекалъ его, бывало, Штольцъ. Сладкія слезы потекутъ по щекамъ его. Случается и то, что, онъ исполнится презрѣнія къ людскому пороку, ко лжи, къ клеветѣ, къ разлитому въ мірѣ злу, и разгорится желаніемъ указать человѣку на его язвы; и вдругъ загораются въ немъ мысли, ходятъ и гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ, потомъ выростаютъ въ намѣренія, зажгутъ всю кровь въ немъ; задвигаются мускулы его, напрягутся жилы, намѣренія преображаются въ стремленія: онъ, движимый нравственною силою, въ одну минуту быстро измѣнитъ двѣ-три позы, съ блистающими глазами привстанетъ до половины на постели, протянетъ руку и вдохновенно озирается кругомъ... Вотъ, вотъ стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... и тогда, Господи! какихъ чудесъ, какихъ благихъ послѣдствій могли бы ожидать отъ такого высокаго усилія! Но, смотришь, промелькнетъ утро, день ужъ клонится къ вечеру, а съ нимъ клонятся къ покою и утомленныя силы Обломова: бури и волненія смиряются въ душѣ, голова отрезвляется отъ думъ, кровь медленнѣе пробирается по жиламъ. Обломовъ тихо, задумчиво переворачивается на спину и, устремивъ печальный взглядъ въ окно къ небу, съ грустью провожаетъ глазами солнце, великолѣпно садящееся за чей то четырехъ-этажный домъ. И сколько, сколько разъ онъ провожалъ такъ солнечный закатъ!“

Не правда-ли, образованный и благородно-мыслящій читатель,—вѣдь тутъ вѣрное изображеніе вашихъ благихъ

стремленій и вашей полезной дѣятельности? Разница можетъ быть только въ томъ, до какого момента вы доходите въ вашемъ развитіи. Илья Ильичъ доходилъ до того, что привсталъ съ постели, протягивалъ руку и озирался вокругъ. Иные такъ далеко не заходятъ; у нихъ только мысли гуляютъ въ головѣ, какъ волны въ морѣ (такихъ бо́льшая часть); у другихъ мысли выростаютъ въ намѣренія, но не доходятъ до степени стремленій (такихъ меньше); у третьихъ даже стремленія являются (этихъ ужъ совсѣмъ мало)...

Итакъ, слѣдуя направленію настоящаго времени, когда вся литература, по выраженію г. Бенедиктова, представляетъ

„...нашей плоти истязанье,
Вериги въ прозѣ и стихахъ“, —

мы смиренно сознаемся, что какъ ни лестны для нашего самолюбія похвалы г. Гончарова Обломову, но *мы не можемъ признать ихъ справедливыми*. Обломовъ менѣе раздражаетъ свѣжаго, молодого, дѣятельнаго человѣка, нежели Печоринъ и Рудинъ, но все-таки онъ противенъ въ своей ничтожности.

Н. А. Добролюбовъ.

Обломовщина какъ родъ болѣзни русскаго національнаго уклада.

(*Кругъ явленій*, который можетъ быть подведенъ подъ понятіе обломовщины. — Деревенская и городская, помѣщичья и дворянско-купеческая обломовщина.—Родина Гончарова, какъ прообразъ Обломовки.—Трегубовъ, Козыревъ и Гастуринъ, какъ обломовцы.—*Симптомы болѣзни*: лѣнь, апатія, квіетизмъ, соединенное съ боязнью жизни, — отсутствіе самаго чувства общественной стоимости человѣка. — Классовое самочувствіе при неспособности къ классовой борьбѣ. — Обломовщина, какъ болѣзнь, развивается постепенно и обнаруживается при обстоятельствахъ, ей благопріятствующихъ, въ среднемъ возрастѣ или въ старости. — Обломовщина создаетъ вокругъ себя атмосферу тишины, одиночество, безлюдье и внушаетъ безпричинный нервическій страхъ.—Психологическій консерватизмъ, какъ основное умонастроеніе, характерное для Обломовыхъ.—*Связь психологическаго консерватизма*, явленія общечеловѣческаго *съ русскимъ національнымъ укладомъ*. — Русскій національный психическій

укладъ въ его нормальномъ видѣ характеризуется между прочимъ нѣкоторою пассивностью волевыхъ процессовъ, замедленнымъ темпомъ дѣйствующей воли.—Въ сферѣ мысли это отражается наклонностью къ фатализму. — Русскій національный фанатизмъ, какъ умонастроеніе. — Строй русской волевой психики отчасти приближается къ психологіи толпы. — Пассивный ходъ русской исторіи).

Я устанавливаю воззрѣніе на обломовщину, какъ *на родъ болѣзни русскаго національнаго уклада.*

Изучая эту болѣзнь, мы имѣемъ возможность судить о характерѣ и свойствахъ русской національной психологіи въ ея болѣе или менѣе нормальномъ состояніи.

И въ то же время невольно навязывается намъ мысль, что *въ самой исторіи Россіи нашъ національный укладъ проявляется, какъ сила дѣйствующая,* не только въ своемъ болѣе или менѣе нормальномъ видѣ, но *и въ болѣзненномъ, въ формѣ обломовщины.*

Добролюбовъ совершенно справедливо утверждалъ, что слово *обломовщина* «служитъ ключомъ къ разгадкѣ многихъ явленій русской жизни...»

Печать обломовщины дѣйствительно лежитъ на нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, сторонахъ или процессахъ нашего общественнаго развитія. Н. И. Пироговъ говорилъ, что освобожденіе крестьянъ запоздало по меньшей мѣрѣ лѣтъ на 50. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ этомъ запозданіи значительно виновата именно обломовщина.

При всемъ томъ, однако, я думаю, что *не слѣдуетъ преувеличивать значеніе и размѣры этой національной болѣзни нашей.*

Добролюбовъ преувеличивалъ ихъ, когда говорилъ, что «въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова».

Вотъ и постараемся точнѣе опредѣлить *тотъ кругъ явленій,* который можетъ быть подведенъ подъ понятіе «обломовщины», *тѣ симптомы,* какими характеризуется эта болѣзнь, и, наконецъ, *ея отношеніе къ „нормѣ“,* къ русскому національному складу въ его здоровомъ состояніи.

Въ этомъ дѣлѣ большую помощь окажетъ намъ тотъ самый художникъ, который впервые такъ обстоятельно изслѣдовалъ нашу національную болѣзнь.

Гончаровъ говоритъ о ней не только въ «Обломовѣ», но и въ своихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ «На родинѣ».

Тѣ данныя, которыя мы здѣсь находимъ, сразу *расширяютъ кругъ явленій*, подводимыхъ подъ понятіе «обломовщины».

Оказывается, что *первыя* — дѣтскія и юношескія — *впечатлѣнія*, впослѣдствіи претворившіяся у Гончарова въ картину и идею обломовщины, *были вынесены* имъ не изъ деревни, а *изъ города*, — русскаго провинціальнаго, захолустнаго города, и въ частности *изъ среды* не исключительно дворянской, а, такъ сказать, *смѣшанной—дворянско-купеческой*.

Самъ Гончаровъ, какъ извѣстно, былъ купеческаго происхожденія, — и «Обломовка», гдѣ онъ родился и провелъ дѣтство, была не деревня, а городской домъ, правда, походившій на помѣстье. «Домъ у насъ, — читаемъ въ главѣ II-ой «На родинѣ», — былъ, что называется, полная чаша, какъ, впрочемъ, было почти у всѣхъ семейныхъ людей въ провинціи, не имѣвшихъ поблизости деревни. Большой дворъ, даже два двора, со многими постройками: людскими, конюшнями, хлѣвами, сараями, амбарами, птичникомъ и баней. Свои лошади, коровы, даже козы и бараны, куры и утки — все это населяло оба двора. Амбары, погреба, ледники переполнены были запасами муки, разнаго пшена и всяческой провизія для продовольствія нашего и обширной дворни. Словомъ, цѣлое имѣніе, деревня».

Деревенская «Обломовка» вторгалась въ городъ, и самъ этотъ городъ былъ своего рода большой, сложной «Обломовкой» съ губернаторомъ, чиновниками, купцами, дворянами, проживавшими тамъ или пріѣзжавшими на выборы.

Гончаровъ живо помнилъ впечатлѣніе, произведенное на него этимъ городомъ, когда онъ пріѣхалъ туда уже по окончаніи университетскаго курса:

„Меня обдало,—пишетъ онъ,—той же „обломовщиной“, какую я наблюдалъ въ дѣтствѣ. Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кромѣ картины сна и застоя... Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными шторами и жалюзи, на сонныя физіономіи сидящихъ по домамъ и попадающіяся на улицѣ лица. „Намъ нечего дѣ-

лать!—зѣвая, думаетъ, кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣниво на васъ:—мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ да небо коптимъ!“

И Гончаровъ рисуетъ картину этого провинціальнаго сна и застоя. Тутъ и чиновники и купцы, и дворяне, и весь обиходъ жизни... Это были его юношескія впечатлѣнія. Имъ предшествовали соотвѣтственныя дѣтскія, которыхъ описаніе Гончаровъ завершаетъ такими словами: „Мнѣ кажется, у меня, очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже тогда, при видѣ всѣхъ этихъ *фигуръ*, этого *боззаботнаго житья-бытья, бездѣлья* и *лежанія* и зародилось неясное представленіе объ обломовщинѣ“.

«Фигуры», о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь,—это крестный Гончарова, дворянинъ-помѣщикъ, отставной морякъ Николай Николаевичъ *Трегубовъ* (названный въ воспоминаніяхъ Якубовымъ), и его пріятели помѣщики-дворяне *Козыревъ* и *Гастуринъ*.

О *Козыревѣ* между прочимъ читаемъ: «Онъ не выходилъ изъ халата и очень рѣдко выѣзжалъ изъ предѣловъ своего имѣнія... У него была въ нѣсколькихъ верстахъ другая деревня, но онъ и въ ту не всякій годъ заглядывалъ... Кромѣ сада и библіотеки, онъ ничего знать не хотѣлъ, ни полей, ни лѣсовъ, ни границъ имѣнія, ни доходовъ, ни расходовъ. Когда онъ ѣзжалъ въ другую деревню, — разсказывали мнѣ его же люди, — онъ спрашивалъ: «чьи это лошади?», на которыхъ ѣхалъ.

«Точно такъ же,—продолжаетъ Гончаровъ,—не зналъ и не хотѣлъ знать ничего этого и «крестный» мой, и третій близкій ихъ другъ и сверстникъ, *А. Г. Гастуринъ*...»

Якубовъ на вопросы объ его хозяйствѣ, доходахъ и пр. отвѣчалъ («говаривалъ, зѣвая»): «А не знаю, — что привезетъ денегъ мой кривой староста, то и есть...»

Когда Козыревъ и Гастуринъ пріѣзжали въ городъ на выборы, они останавливались у Якубова, жившаго во флигелѣ у Гончаровыхъ, — и въ памяти пѣвца обломовщины сохранились объ этомъ такія воспоминанія: „*Съ утра, бывало, они всѣ трое лежатъ въ постеляхъ, куда имъ подавали чай или кофе*. Въ полдень они завтракали. *Послѣ завтрака опять забирались въ постели*. Такъ ихъ заставали и гости. Рѣдко, только въ дни выборовъ, они натягивали на себя допотопные фраки или екатерининскихъ временъ мундиры и панталоны, спрятанные въ высокіе сапоги съ кисточками, надѣвали парики, чтобы ѣхать въ дворянское собраніе на выборы. Какіе смѣшные были всѣ трое! Они хохотали, оглядывая другъ друга, и мы, дѣти, глядя на нихъ“.

Изъ нихъ двое, Якубовъ и Козыревъ, были люди не только образованные, но и въ своемъ родѣ «идейные». Это были *запоздалые вольтеріанцы* XVIII-го вѣка. У Козырева была большая библіотека — «все французскія книги». Онъ «былъ поклонникъ Вольтера и всей школы энциклопедистовъ, и самъ смотрѣлъ маленькимъ Вольтеромъ, острымъ, саркастическимъ... Духъ скептицизма, отрицанія свѣтился въ его насмѣшливыхъ взглядахъ, улыбкѣ и сверкалъ въ рѣчахъ...»

Передъ нами *любопытные образчики Обломовыхъ первой четверти XIX-го вѣка.*

Бездѣлье, лежаніе, халатъ, лѣнь заняться даже своими *дѣлами, запущенныя имѣнія, благодушіе* и та специфическая *„прозрачность“ или „хрустальность“ души,* какою характеризуется Илья Ильичъ, — всѣ эти внѣшніе и внутренніе признаки настоящей обломовщины здѣсь налицо.

Не отсутствуютъ и другія черты, столь же существенныя: подобно Ильѣ Ильичу, эти добрые господа были *крѣпостники*, и Гончаровъ, въ главѣ V-ой, подробно говоритъ объ этомъ (собственно о крѣпостничествѣ Якубова), стараясь обѣлить ихъ, во-первыхъ, съ исторической точки зрѣнія (они были люди своего вѣка) и, во-вторыхъ, указаніемъ на то, что они не злоупотребляли своими правами рабовладѣльцевъ и обращались съ «подданными» мягко, гуманно.

Другая черта иллюстрируется подробностями въ родѣ слѣдующей: Козыревъ и Гастуринъ пріѣзжали въ губернскій городъ въ три года разъ на дворянскіе выборы, но совсѣмъ не затѣмъ, чтобы ихъ выбирали, а, напротивъ, *чтобы не выбирали.* «Когда мы хотимъ повидаться съ ними,— сказывалъ мнѣ предводитель дворянства, Бравинъ:—стоитъ только написать имъ, что ихъ намѣрены баллотировать: сейчасъ же оба бросятъ свои захолустья и пріѣдутъ просить, чтобъ не выбирали».

Они пуще всего боялись того самаго, чего такъ боится Илья Ильичъ Обломовъ: чтобы (выражаясь любимой формулой этого послѣдняго) *жизнь ихъ не тронула.* Когда Ильѣ Ильичу приходится перебираться на другую квартиру или когда онъ получаетъ непріятныя извѣстія изъ деревни, вообще когда ему приходится что-нибудь предпринять, хло-

потать, — онъ жалуется, что «жизнь трогаетъ». Якубовъ, Козыревъ и Гастуринъ, подобно Ильѣ Ильичу, удаляются отъ жизни, избѣгаютъ общества, прячутся и — совершенно счастливы въ своемъ одиночествѣ.

Имъ чуждо столь свойственное всякому нормальному человѣку стремленіе участвовать въ общественной жизни, вращаться въ обществѣ,—у нихъ нѣтъ честолюбія и нѣтъ даже элементарной потребности осуществить свою «общественную стоимость». Отсутствіе этой потребности указываетъ на *коренной изъянъ въ ихъ психикѣ* — тотъ самый, какой мы видимъ у Ильи Ильича Обломова.

Обломовщина — не только лѣнь, апатія, квіетизмъ, *но и соединенное съ боязнью жизни отсутствіе самаго чувства общественной стоимости человѣка*, т. е. такое состояніе психики, при которомъ человѣкъ не страдаетъ отъ того, что его общественная стоимость не осуществилась.

Замѣною, или суррогатомъ общественной стоимости служитъ имъ *классовое и сословное самочувствіе:* они проникнуты до глубины души сознаніемъ, что они—помѣщики, владѣльцы крѣпостныхъ душъ, дворяне, привилегированное сословіе и могутъ съ спокойною совѣстью ничего не дѣлать.

Но это классовое сознаніе и чувство у нихъ больше *пассивно*, чѣмъ активно,—они плохіе представители своего класса, *не способны къ классовой борьбѣ* и не сумѣли бы, а можетъ быть и не захотѣли бы въ критическую минуту отстаивать свои права и прерогативы.

Этой — помѣщичьей, крѣпостнической, дворянской — разновидности обломовщины отвѣчаетъ соотвѣтственная купеческая, чиновническая и всякая иная сословная или профессіональная.

Вездѣ, гдѣ наблюдается усыпленное состояніе мысли и бездѣйствіе воли, гдѣ чувство личной общественной стоимости замѣняется классовымъ самочувствіемъ и въ то же время нѣтъ способности къ классовой борьбѣ, — мы имѣемъ обломовщину.

Гдѣ этихъ признаковъ нѣтъ, тамъ нѣтъ и обломовщины. Поэтому, напр., бабушка въ «Обрывѣ» не можетъ быть отнесена къ обломовщинѣ.

Наблюдая различные виды и ступени обломовщины, мы замѣчаемъ, что *эта болѣзнь развивается въ человѣкѣ по-*

степенно и обнаруживается при обстоятельствахъ, ей благопріятствующихъ, въ среднемъ возрастѣ или въ старости.

Обломовщина—*не дѣтская и не юношеская болѣзнь.*

Чтобы заболѣть ею, нужно пожить, сложиться, стать зрѣлымъ человѣкомъ.

Илья Ильичъ сдѣлался лежебокомъ уже послѣ окончанія курса въ университетѣ и двухлѣтней службы въ Петербургѣ.

Въ главѣ V-ой первой части, гдѣ изложено curriculum vitae Ильи Ильича, мы слѣдимъ за постепеннымъ, хотя и довольно быстрымъ, развитіемъ его обломовщины.

Оставивъ службу, онъ продолжалъ еще бывать въ обществѣ; потомъ сталъ отставать и отъ общества, „простился съ толпой друзей", — „его почти ничто не влекло изъ дома, и онъ съ каждымъ днемъ все крѣпче и постояннѣе водворялся въ своей квартирѣ".

„Сначала ему тяжело стало пробыть цѣлый день одѣтымъ, потомъ онъ лѣнился обѣдать въ гостяхъ... Вскорѣ и вечера надоѣли ему..."

Наконецъ, узнаемъ, что у него „съ лѣтами возвратилась какая-то *ребяческая робость, ожиданіе опасности и зла отъ всего, что не встрѣчалось въ сферѣ его ежедневнаго быта*, вслѣдствіе отвычки отъ разнообразныхъ внѣшнихъ явленій".

Такъ и старички, изображенные въ воспоминаніяхъ, превратились въ Обломовыхъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, даже подъ старость.

Якубовъ въ молодости жилъ дѣятельною жизнью моряка, совершалъ кругосвѣтныя плаванія, участвовалъ въ морскомъ сраженіи, много читалъ, основательно изучилъ географію, астрономію, математику и развилъ въ себѣ незаурядные умственные интересы. Потомъ, выйдя въ отставку и вернувшись на родину, сблизился съ тогдашнимъ дворянскимъ кругомъ и рѣшительно завоевалъ себѣ общую симпатію и уваженіе...

«Онъ былъ вездѣ принятъ съ распростертыми объятіями, его ласкали, не давали быть одному. И у себя онъ давалъ часто обѣды, ужины, на которыхъ нерѣдко присутствовали и дамы...»

Наконецъ, былъ членомъ масонской ложи. Человѣкъ онъ былъ живой, общительный, умный, интересный...

Но потомъ вышло слѣдующее:

„Пріѣзжая послѣ, въ мои университетскія каникулы,—разсказываетъ Гончаровъ,—я сталъ замѣчать, что посѣтители у него становились рѣдки, а самъ онъ не выѣзжалъ никуда, совершая только свои ежедневныя прогулки въ экипажѣ... Я видѣлъ, что онъ и на прогулкахъ сталъ избѣгать встрѣчъ, даже съ близкими его знакомыми. Отъ прочихъ онъ скрывался, сколько могъ".

Самъ онъ объяснялъ это тѣмъ, что „на старости отвыкъ отъ людей".

Гончарову это объясненіе казалось недостаточнымъ, и въ главѣ IV-ой онъ отмѣчаетъ и другое: „вглядываясь и вдумываясь тогда въ его образъ мыслей и жизнь сознательно, я видѣлъ кое-что въ его характерѣ, къ чему прежде у меня не было ключа, что-то постороннее, кромѣ старческой усталости: *не то боязнь, не то осторожность*".

Онъ „точно *остерегался* общества, пятился отъ знакомыхъ, а незнакомыхъ вовсе не принималъ".

Загадка разъяснилась, когда Гончаровъ удостовѣрился, что послѣ событія 14 декабря 1825 года Якубовымъ, какъ и многими, овладѣлъ несказанный страхъ и трепетъ, изображенный Гончаровымъ въ той же главѣ съ юморомъ, напоминающимъ тотъ, съ какимъ описанъ страхъ, обуявшій Илью Ильича, когда онъ по ошибкѣ направилъ казенную бумагу вмѣсто Астрахани въ Архангельскъ.

Якубовъ перепугался потому, что принадлежалъ къ масонской ложѣ и имѣлъ «образъ мыслей».

Но нетрудно понять, что *психологическимъ основаніемъ этого специфическаго страха* послужила у Якубова *все та же обломовщина*, предрасполагающая къ боязни людей вообще, къ нелюдимости.

Это все то же настроеніе, въ силу котораго Илья Ильичъ ожидалъ непредвидѣннаго несчастья, все та же «ребяческая робость» и тотъ «нервическій страхъ», о которомъ говорится въ главѣ V-ой первой части романа: «онъ пугался окружающей его тишины и просто и самъ не зналъ чего—у него побѣгутъ мурашки по тѣлу...»

Обломовщина создаетъ вокругъ себя *„атмосферу" тишины, одиночество, безлюдье* и внушаетъ безпричинный, нервическій страхъ, и если вдругъ въ самомъ дѣлѣ случится что-нибудь чрезвычайное, въ родѣ землетрясенія или тѣхъ обысковъ, арестовъ и допросовъ, о которыхъ разсказано въ главѣ IV-ой «На родинѣ»,—обломовцы больше другихъ подвержены всѣмъ чрезмѣрностямъ трепета, вообще свойственнаго русскому человѣку.

Исключенія, какія могли быть, только подтверждаютъ правило. Гончаровъ отмѣчаетъ ихъ: «только старички, въ родѣ Козырева и еще немногихъ, ухомъ не вели и не выползали изъ своихъ норъ.

Козыревъ саркастически посмѣивался и надъ крутыми мѣрами властей, и надъ переполохомъ. Громъ въ деревенскія затишья не доходилъ».

Изъ чертъ, здѣсь сгруппированныхъ, мы получаемъ довольно опредѣленную *„картину болѣзни“*, именуемой обломовщиною.

Самою характерною чертой нужно признать *боязнь жизни и перемѣнъ.* Обломовцы—это тѣ, которые, подобно Ильѣ Ильичу Обломову, пуще всего боятся, какъ бы жизнь не тронула ихъ.

Всѣ тѣ, которые этого не боятся, — не Обломовы, хотя бы они ничего не дѣлали, были лѣнивы не меньше Ильи Ильича и являлись такими же байбаками и увальнями, какъ Тентетниковъ. Конечно, въ большинствѣ случаевъ такъ и выходитъ, что именно лежебоки и лѣнтяи оказываются одержимыми боязнью жизни и перемѣнъ, грозящихъ нарушить ихъ покой. Но принципіально и психологически это явленія разнаго порядка. Возможны случаи, когда человѣкъ превращается въ лѣнтяя и лежебока просто потому, что ему нечего дѣлать и не зачѣмъ трудиться, — но онъ былъ бы очень радъ, если бы жизнь его тронула и побудила его стряхнуть съ себя лѣнь и апатію.

Съ другой стороны, могутъ оказаться своего рода Обломовыми и люди, ведущіе болѣе или менѣе подвижной и дѣятельный образъ жизни: нужно только, чтобы ихъ умонастроеніе и весь душевный складъ были отмѣчены ясно выраженнымъ *психологическимъ консерватизмомъ,* чтобы они боялись всего, что грозитъ нарушить строй ихъ жизни, выбить ихъ изъ привычной колеи. Я называю этотъ консерватизмъ *психологическимъ* въ томъ смыслѣ, что онъ не связанъ съ интересами человѣка и даже можетъ вредить имъ.

Это — просто *косность воли и мысли,* соединенная *съ инстиктивною, болѣе или менѣе патологическою боязнью какой бы то ни было перемѣны въ условіяхъ жизни,* въ соціальномъ положеніи человѣка, который можетъ при этомъ отчетливо сознавать всю выгоду перемѣны.

Психологическій консерватизмъ есть *явленіе общечеловѣческое* и найдется повсюду.

Но у насъ онъ, очевидно, связанъ съ нашимъ національнымъ укладомъ, который въ своемъ нормальномъ — не обломовскомъ — видѣ являетъ черты, аналогичныя или психологически родственныя тому роду консерватизма, о которомъ идетъ рѣчь и который въ своемъ краейнемъ выраженіи даетъ картину обломовщины съ ея халатомъ, туфлями, вѣчнымъ лежаніемъ, лѣнивымъ покоемъ, апатіей, квіетизмомъ и разными «ребяческими» страхами.

Нашъ національный психическій укладъ въ его нормальномъ видѣ характеризуется между прочимъ *нѣкоторою пассивностью волевыхъ процессовъ, замедленнымъ темпомъ дѣйствующей воли,* и въ сферѣ мысли это отражается *наклонностью къ фатализму* того или другого рода.

Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо яснѣе и точнѣе опредѣлить это *понятіе фатализма, какъ характерной принадлежности русскаго національнаго уклада.*

Прежде всего этотъ *фатализмъ* можетъ *и не быть сознательнымъ и теоретическимъ:* русскій человѣкъ остается своеобразнымъ фаталистомъ и тогда, когда не вѣритъ въ „судьбу".

Нашъ національный фатализмъ—*волевого происхожденія,* онъ— не теорія, не вѣрованіе, *а умонастроеніе,* которое можетъ прилаживаться къ какимъ угодно теоріямъ, вѣрованіямъ, воззрѣніямъ.

Но, разумѣется, наиболѣе сродни ему тѣ, которыя отмѣчены извѣстнымъ фаталистическимъ пошибомъ.

Мы съ большею готовностью, чѣмъ другіе народы, усвояемъ себѣ воззрѣнія, ограничивающія роль личности и значеніе личной иниціативы въ исторіи и выдвигающія на первый планъ закономѣрный или фатальный „ходъ вещей". Это отлично гармонируетъ съ нашимъ волевымъ укладомъ.

Но, съ другой стороны, съ тѣмъ же укладомъ согласуются и теоріи, приписывающія исключительное значеніе великимъ людямъ, „вождямъ" и „героямъ": нашъ волевой укладъ одинаково приспособленъ какъ къ тому, чтобы мы послушно и понуро шли за „ходомъ вещей", такъ и къ тому, чтобы мы болѣе или менѣе охотно слѣдовали за своимъ „героемъ" или „вождемъ", избавляя себя отъ труда хотѣть и дѣйствовать.

Иначе говоря, *строй нашей волевой психики отчасти приближается къ психологіи толпы* и пока еще недостаточно приспособленъ къ организованному общественному дѣйствію, сознательному и цѣлесообразному, предрѣшающему событія, создающему „ходъ вещей". Оттуда между прочимъ и слабость у насъ классовой организаціи.

Французское выраженіе „faire l'histoire“, столь характерное для французскаго національнаго склада, совершенно не примѣнимо у насъ: наша исторія какъ-то сама собою дѣлается...

Въ сущности, разумѣется, это мы ее дѣлаемъ, но только *пассивно*, а не активно, — и для насъ характерны выраженія, въ которыхъ о насъ-то и умалчивается, въ родѣ: „повѣяло весной“, „наступила реакція“, „времена измѣнились“ и т. п.

Такъ, Штольцъ говоритъ Обломову: „Ты не знаешь, что закипѣло у насъ теперь“...

Это „закипѣли“ „вѣянія“ конца 50-хъ годовъ, когда почуялась близость великой реформы, за которою должны были послѣдовать и другія. Для современниковъ, какъ и для послѣдующихъ поколѣній, было не вполнѣ ясно, какія именно общественныя силы и въ какой мѣрѣ участвовали въ этихъ событіяхъ первостепенной важности. Опять приходится вспомнить психологію толпы. Впослѣдствіи понадобились спеціальныя изысканія, чтобы выяснить весь этотъ ходъ „вещей“.

Равнымъ образомъ долго оставался открытымъ вопросъ о томъ, чему собственно мы обязаны побѣдой надъ Наполеономъ въ 1812 году: морозу или мудрой медлительности Кутузова, столь геніально изображенной Толстымъ,—именно какъ нашъ національный способъ дѣйствовать?

Вотъ именно *Кутузовъ* въ „Войнѣ и мирѣ“ и является *художественнымъ воплощеніемъ нашего національнаго волевого уклада и фаталистическихъ наклонностей нашей мысли*, въ ихъ нормальномъ видѣ и въ историческомъ обнаруженіи.

И, можно сказать, мы дѣлали и дѣлаемъ нашу исторію „*по-кутузовски*“.

Къ сожалѣнію, приходится сознаться, что до сихъ поръ мы дѣлали ее и „*по-обломовски*“.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Сходство и различіе между Обломовымъ и людьми 40-хъ годовъ.

(Типъ Обломова — одинъ изъ самыхъ глубокихъ по замыслу и удачныхъ по исполненію созданій русской художественной литературы. — Образъ Ильи Ильича, какъ итогъ цѣлому ряду типовъ. — Обломовъ психологическій. — Двѣ обломовщины: бытовая и психологическая. — Обломовъ — типъ національный. — Обломовщина — явленіе специфически-русское. — Илья Ильичъ унаслѣдовалъ отъ 40-хъ годовъ извѣстные умственные интересы, вкусъ къ поэзіи, даръ мечты, гуманность, душевную воспитанность. — „Внутренняя вулканическая работа пылкой головы, гуманнаго сердца. — Нѣкоторая пассивность натуры у людей 40-хъ годовъ. — Въ Обломовѣ

это противорѣчіе доведено до крайности. — Илья Ильичъ не только не можетъ и не умѣетъ, но и не хочетъ дѣйствовать. — Ему тягостна даже и та дѣятельность, которая сводится къ простому обнаруженію его мыслей и чувствъ. — Онъ даже не читаетъ книгъ. — Этой косностью мысли, этой апатіей ума Обломовъ рѣзко отличается отъ настоящихъ людей сороковыхъ годовъ. — Илья Ильичъ не способенъ чувствовать необходимость объединяющей идеи. — Необузданная мечтательность — единственное излюбленное занятіе Обломова.—Онъ выродокъ людей сороковыхъ годовъ. — Онъ — случайный пришлецъ въ образованномъ мыслящемъ обществѣ. — Самое рѣзкое отличіе Ильи Ильича отъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ; онъ крѣпостникъ, крѣпостникъ до мозга костей,—по привычкамъ и по убѣжденію.—Закоренѣлое крѣпостничество его мечтъ и плановъ.—Сцена съ Захаромъ. — Невольное лганье. — Илья Ильичъ и грамотность для крестьянъ.—„Что изъ дворянъ дѣлать мастеровыхъ!“ — „Спроси Захара!“ — Понятіе Пшеницыной о соціальномъ положеніи Обломова. — Обломовъ — крѣпостникъ, но не воинствующій. — Обломовъ и его психологія, какъ процессъ самопроизвольнаго вымиранія крѣпостнической Руси).

Типъ Обломова, которымъ Гончаровъ обезсмертилъ свое имя, по праву признается *однимъ изъ самыхъ глубокихъ по замыслу и удачныхъ по исполненію созданій нашей художественной литературы.*

Это одинъ изъ тѣхъ растяжимыхъ, много говорящихъ образовъ, обобщающее дѣйствіе которыхъ, простирается далеко за предѣлы того, что непосредственно дано въ нихъ.

Это сказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что *образъ Обломова подводитъ итогъ цѣлому ряду типовъ,* ему предшествовавшихъ, а *весь романъ завершаетъ эпоху, подводя итогъ Руси дореформенной,* Руси крѣпостнической.

Во-вторыхъ, *обобщающее дѣйствіе обломовскаго типа,* какъ это показалъ Добролюбовъ, *простирается на множество натуръ, характеровъ, умовъ,* какихъ Гончаровъ не имѣлъ въ виду и для которыхъ лицо Ильи Ильича Обломова, въ его ярко выраженной индивидуальности, отнюдь не типично.

Дѣло въ томъ, что въ этой художественной фигурѣ, *кромѣ* конкретнаго лица Ильи Ильича *Обломова, пріуроченнаго къ опредѣленному времени,* къ извѣстному *соціальному строю,* заключенъ *еще и другой, болѣе обобщенный образъ,* другой Обломовъ, не пріуроченный къ данному времени и данному порядку вещей, — Обломовъ уже *не историческій, не*

бытовой, а, такъ сказать, психологическій, — и этотъ послѣдній и сейчасъ живъ и здравствуетъ, между тѣмъ какъ первый, конкретный Илья Ильичъ, уже отошелъ въ прошлое и является для насъ фигурою историческою.

Знаменитый романъ не только повѣствуетъ объ Обломовѣ и другихъ лицахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ яркую картину «обломовщины», и эта послѣдняя, въ свою очередь, оказывается двоякою: 1) *обломовщиною бытовою дореформенною, крѣпостническою*, которая для насъ — уже прошлое, и 2) *обломовщиною психологическою*, не упраздненною вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ и *продолжающеюся при новыхъ порядкахъ и условіяхъ*.

Это растяженіе типа, это распространеніе картины обломовщины за грань эпохи не только заставляетъ насъ думать, что старина живуча, что прошлое оставило послѣ себя свои пережитки, свое наслѣдіе и завѣщаніе, но, кромѣ того, внушаетъ намъ рядъ иныхъ мыслей, относящихся уже не къ смѣнѣ эпохъ, а къ психологіи и психопатологіи русскаго національнаго уклада.

Обломовъ — *типъ національный*, обломовщина — явленіе *специфически-русское*, и Гончаровъ, создавая эти художественныя «понятія», продолжалъ дѣло Гоголя — изслѣдованіе «порчи» «русскаго человѣка», «искривленія» нашей національной физіономіи.

Обращаясь къ анализу этого глубоко-русскаго бытового и психологическаго типа, начнемъ съ вопроса *объ отношеніи Обломова къ людямъ 40-хъ годовъ*[1].

Что этимъ послѣднимъ были свойственны нѣкоторыя обломовскія черты, это достаточно извѣстно, — благодаря классической статьѣ Добролюбова «Что такое обломовщина?»

Оставляя въ сторонѣ Онѣгина, Печорина и вообще эпоху 20—30 годовъ и имѣя въ виду только *людей 40-хъ годовъ* въ тѣсномъ смыслѣ, мы не будемъ искать въ нихъ обломовскихъ чертъ, уже указанныхъ Добролюбовымъ, но постараемся оттѣнить присутствіе свойственныхъ имъ и для нихъ характерныхъ чертъ въ Обломовѣ (на что также было указано Добролюбовымъ), а засимъ остановимся дальше на

[1]) Люди 40-хъ годовъ — Рудинъ, Лаврецкій, Тентетниковъ, и ихъ оригиналы.

тѣхъ чертахъ, которыми Обломовъ рѣзко отличается отъ людей 40-хъ годовъ. Мы увидимъ, что для пониманія Обломова — какъ итога, — необходимо имѣть въ виду не только черты сходства съ людьми 40-хъ годовъ, но и черты отличія.

Прежде всего — одно замѣчаніе хронологическаго характера. Строго говоря, Обломовъ — человѣкъ не 40-хъ, а 50-хъ годовъ[1]). Это хронологическое различіе имѣетъ свое значеніе, — оно вполнѣ гармонируетъ со всѣми отношеніями Обломова къ «настоящимъ» людямъ 40-хъ годовъ.

Илья Ильичъ Обломовъ *унаслѣдовалъ отъ 40-хъ годовъ извѣстные умственные интересы, вкусъ къ поэзіи, даръ мечты, гуманность и то, что можно назвать душевною воспитанностью.*

Знакомый обликъ *идеалиста-мечтателя* встаетъ въ нашемъ воображеніи, когда о «байбакѣ», лежащемъ цѣлый день на диванѣ, узнаемъ, что «ему доступны были наслажденія высокихъ помысловъ» и что «онъ не чуждъ былъ всеобщихъ человѣческихъ скорбей».

Не даромъ этотъ человѣкъ воспитывался *въ 40-хъ годахъ* и учился *въ московскомъ университетѣ* — этомъ центрѣ и разсадникѣ тогдашняго идеализма.

Какъ всѣ лучшіе люди той эпохи, «онъ горько въ глубинѣ души плакалъ, въ иную пору, надъ бѣдствіями человѣчества, испытывалъ безвѣстныя, безыменныя страданія и тоску и стремленіе куда-то вдаль»...

Все это Гончаровъ опредѣляетъ выраженіемъ «внутренняя вулканическая работа пылкой головы, гуманнаго сердца», — и это опредѣленіе, на первый взглядъ, какъ-то не вяжется съ нашимъ представленіемъ о вѣчно-заспанномъ лежебокѣ и вяломъ обитателѣ Гороховой улицы.

Тѣмъ не менѣе *это несоотвѣтствіе типично и полно глубокаго смысла.*

---

[1]) Гончаровъ писалъ романъ лѣтъ 10, съ конца 40-хъ годовъ до конца 50-хъ. Въ печати романъ появился въ 1859 г, (въ „Отечественныхъ Запискахъ“ Краевскаго). — Дѣйствіе пріурочено, очевидно, къ 50-мъ годамъ. Оно растянуто на нѣсколько лѣтъ, а послѣднія страницы ясно указываютъ на наступленіе новой эпохи и новыхъ вѣяній второй половины 50-хъ годовъ. Только дѣтство, учебные годы и молодость Ильи Ильича относятся къ 40-мъ годамъ.

Уже у людей 40-хъ годовъ мы замѣчаемъ признаки такого душевнаго противорѣчія—между „волканическою“ работою мысли, пылкостью гуманной мечты съ одной стороны и нѣкоторою пассивностью натуры — съ другой.

Но *въ Обломовѣ это противорѣчіе доведено до крайности*, какая для людей 40-хъ годовъ не характерна.

У послѣднихъ «волканической работѣ пылкой головы и гуманнаго сердца» отвѣчала все-таки *извѣстная внѣшняя дѣятельность или*, по крайней мѣрѣ, *стремленіе къ ней*. Они стремились выразить такъ или иначе то, что наполняло ихъ душу, — они жаждали обмѣна мысли и старались распространять свои идеи; они жили кружками, гдѣ было много шуму, споровъ, восторговъ, изліяній. Имѣть аудиторію, вліять на умы, волновать сердца силою мысли и рѣчи было для нихъ насущною душевною потребностью. Они были *„ораторы“* и *„пропагандисты“*. Въ этомъ и состояла ихъ «дѣятельность». И, если они подлежатъ упреку въ вялости дѣйствующей воли, то въ этомъ случаѣ имѣется въ виду практическая дѣятельность, и, кромѣ того, упрекъ отчасти смягчается соображеніемъ о неблагопріятныхъ для нея условіяхъ времени. И нужно все-таки помнить, что стремленіе къ практической дѣятельности обнаруживали не только Рудины и Лаврецкіе, но даже Тентетниковъ, по крайней мѣрѣ, въ первое время его жизни въ деревнѣ. «Настоящіе» лучшіе люди 40-хъ годовъ подлежатъ упреку только *въ недостаткѣ стойкости, настойчивости, выдержки* въ трудѣ вообще, въ практической дѣятельности въ особенности. Оставляя въ сторонѣ людей исключительныхъ, какъ Грановскій, Герценъ, Бѣлинскій, мы скажемъ, что *нѣкоторая пассивность натуры*, нѣкоторый родъ умѣренной «обломовщины» *былъ присущъ большинству идейныхъ или просто хорошихъ людей 40-хъ годовъ*. Этотъ родъ «обломовщины» у иныхъ получалъ болѣе рѣзкое выраженіе и переходилъ въ ту душевную вялость и апатію, отъ которыхъ уже недалеко до полной бездѣятельности и безволія Обломова.

Переходная ступень отъ пассивности, отъ умѣренной обломовщины людей 40-хъ годовъ до уже патологической обломовщины Ильи Ильича всего лучше представлена фигурами *Тентетникова и Платона Платонова*.

Отъ лучшихъ людей 40-хъ годовъ *Илья Ильичъ* Обломовъ *рѣзко отличается* тѣмъ, что не только не можетъ и не умѣетъ, но и не хочетъ «дѣйствовать». Не говоря уже о какой бы то ни было практической дѣятельности, *ему тягостна даже и та, которая сводится къ простому обнаруженію его мыслей и чувствъ.* На всемъ протяженіи романа онъ только два или три раза оживился (не считая, разумѣется, разговоровъ съ Ольгой и препирательствъ съ Захаромъ) и пустился излагать свои «взгляды», «убѣжденія» и «идеалы»: въ спорѣ съ литераторомъ Пенкинымъ и въ разговорахъ со Штольцемъ, о которыхъ будетъ у насъ рѣчь ниже. За вычетомъ этихъ случаевъ, Илья Ильичъ *такъ усердно скрываетъ свои мысли, чувства, мечты,* что мы бы и не подозрѣвали объ ихъ существованіи, если бы Гончаровъ не позаботился засвидѣтельствовать, что Обломову «доступны были наслажденія высокихъ помысловъ» и т. д. Вообще о «внутренней жизни» Ильи Ильича мы знаемъ только со словъ Гончарова, который, познакомивъ насъ съ нею, говоритъ.

„Никто не зналъ и не видалъ этой внутренней жизни Ильи Ильича: всѣ думали, что Обломовъ такъ себѣ, только лежитъ да кушаетъ на здоровье и что больше отъ него нечего ждать; что едва ли у него вяжутся и мысли въ головѣ. Такъ о немъ и толковали вездѣ, гдѣ его знали“.

«Внутреннюю жизнь» Обломова зналъ только одинъ человѣкъ — Штольцъ.

Если Обломовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, «человѣкъ 40-хъ годовъ», то мы скажемъ, что *это такой „человѣкъ 40-хъ годовъ“, который облѣнился и опустился до того, что, въ противоположность Тентетникову, даже пересталъ читать книги,* и прежде всего долженъ быть, вмѣстѣ съ Тентетниковымъ, причисленъ, говоря словами Гоголя, «къ семейству тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена — увальни, лежебоки, байбаки и тому подобныя».

Не лишено значенія и то, что Обломову лѣнь читать. „Я у тебя и книгъ не вижу“,—упрекаетъ его Штольцъ. „Вотъ книга!“—замѣтилъ Обломовъ, указавъ на лежавшую на столѣ книгу. „Что такое? — спросилъ Штольцъ, посмотрѣвъ книгу — „Путешествіе въ Африку“. И страница, на которой ты остановился, заплѣсневѣла. Ни газеты не видать. Читаешь ли ты ґазеты?“ — „Нѣтъ, печать мелка, портитъ глаза... и нѣтъ надобности...“ Въ другомъ мѣстѣ

мы узнаемъ, что „неестественно и тяжело казалось ему... неумѣренное чтеніе...“ и что „серьезное чтеніе его утомляло“, — „мыслителямъ не удалось расшевилить въ немъ жажду къ умозрительнымъ истинамъ...“

Этою *косностью мысли, этой апатіей ума* Обломовъ *рѣзко отличается отъ „настоящихъ“ людей 40-хъ годовъ*. Мы говорили въ своемъ мѣстѣ о философской жаждѣ, которою они были томимы, объ ихъ философскихъ дарованіяхъ, о томъ, какъ искали они и умѣли находить, при помощи то Шеллинга, то Гегеля, объединяющія идеи, о томъ, какъ вырабатывали они свое міросозерцаніе и т. д.

Въ противоположность имъ, *Илья Ильичъ* Обломовъ *не только не стремится* къ выработкѣ цѣльнаго философскаго міровоззрѣнія, *но, повидимому, даже и не способенъ чувствовать необходимость объединяющей идеи*. «Голова его представляла сложный архивъ мертвыхъ дѣлъ, лицъ, эпохъ, цифръ, религій, ничѣмъ не связанныхъ политико-экономическихъ, математическихъ и другихъ истинъ, задачъ, положеній и т. п. Это была какъ-будто библіотека, состоящая изъ однихъ разрозненныхъ томовъ по разнымъ частямъ знаній».

Его образованіе скудно хаотично. У него нѣтъ «того груза знаній, которыя бы могли дать направленіе вольно гуляющей въ головѣ или праздно дремляющей мысли».

И опять спросимъ себя: какъ же согласовать съ этимъ «волканическую работу пылкой головы»?

Эта „работа“ и „пылкость“ выражаются *въ необузданной мечтательности* Обломова, *въ игрѣ его воображенія*. Фантазировать, — это единственное излюбленное занятіе Ильи Ильича, которому онъ предается съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ лежитъ на диванѣ въ халатѣ и туфляхъ. *Главный предметъ его мечты — онъ самъ, его жизнь*. Онъ все «чертитъ узоръ своей жизни», находя въ ней цѣлый кладезь «премудрости и поэзіи».

„Измѣнивъ службѣ и обществу, онъ началъ иначе рѣшать задачу существованія, вдумывался въ свое назначеніе и, наконецъ, открылъ, что горизонтъ его дѣятельности и житья-бытья кроется въ немъ самомъ“. — Въ этой „работѣ мысли“, направленной на задачу самоопредѣленія и начертанія „узора собственной жизни“, различаются двѣ стороны: одна, такъ сказать, общественная, другая — чисто личная. Первая выражается въ обдумываніи „новаго, свѣжаго, сообразнаго съ потребностями времени плана устройства

имѣнія и управленія крестьянами". — „Онъ нѣсколько лѣтъ неутомимо работаетъ надъ планомъ, думаетъ, размышляетъ и ходя, и лежа: то дополняетъ, то измѣняетъ разныя статьи, то возобновляетъ въ памяти придуманное вчера и забытое ночью; а иногда вдругъ, какъ молнія, сверкнетъ новая, неожиданная мысль и закипитъ въ головѣ — и пойдетъ работа".

Такая мечтательность была бы не къ лицу «настоящему» человѣку 40-хъ годовъ. Она *характерна именно для празднаго лежебока*, у котораго еще сохранился нѣкоторый запасъ душевной энергіи, находящей себѣ исходъ въ этой игрѣ «вольно гуляющей въ головѣ или праздно дремлющей мысли». Это — своего рода *сны наяву*, повидимому, указывающіе не только на праздность, но и на нѣкоторую ненормальность душевной жизни.

Принимая въ соображеніе все это, мы приходимъ ко взгляду на *Обломова*, какъ на эпигона или, пожалуй, выродка людей 40-хъ годовъ.

Эти послѣдніе составляли цвѣтъ интеллигенціи своего времени. Обломовъ — не только не «цвѣтъ», но *его*, строго говоря, *даже трудно причислить къ настоящей интеллигенціи*. Въ сущности, среда, къ которой онъ наиболѣе подходитъ, это—либо патріархальная, полуобразованная среда захолустныхъ помѣщиковъ стараго времени, либо мѣщанство того типа, какой изображенъ въ послѣднихъ главахъ романа. И сама Обломовка, какъ она представлена въ знаменитомъ «Снѣ Обломова», вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ «дворянскихъ гнѣздъ», которыя въ доброе старое время были истинно культурными уголками и разсадниками свѣта, мысли, идей, великодушныхъ чувствъ и гуманности. *Обломовцы*, изъ среды которыхъ вышелъ Илья Ильичъ, — *не интеллигенція*, и самъ онъ — лишь *случайный пришлецъ въ образованномъ мыслящемъ обществѣ*, откуда его такъ и тянетъ, можно сказать, стихійно и инстинктивно тянетъ къ иной средѣ — попроще, гдѣ не ломаютъ головы надъ мудреными вопросами, гдѣ мысль чувство и воля могутъ мирно дремать на лонѣ непосредственности и привычныхъ, традиціонныхъ формъ вялой и косной жизни.

Но *самое рѣзкое отличіе Обломова отъ идеалистовъ 40-хъ годовъ* — это то, что онъ крѣпостникъ.

Тѣ только выростали на лонѣ крѣпостного права (и то

не всѣ) и невольно усваивали себѣ привычки барской избалованности и нѣкоторыя — соотвѣтственныя — замашки. Но они хорошо сознавали и живо чувствовали все зло и безобразіе крѣпостного права, они его отрицали въ принципѣ и нерѣдко отказывались отъ сопряженныхъ съ нимъ «правъ и преимуществъ».

Илья Ильичъ — крѣпостникъ до мозга костей, крѣпостникъ и по привычкамъ и по убѣжденію. Онъ и Захаръ — величины соотносительныя. Одинъ не можетъ вообразить себя безъ другого.

Ильѣ Ильичу нуженъ не просто слуга, *а именно крѣпостной слуга*, съ которымъ его связуютъ узы своего рода „симбіоза" — барина и раба.

Этотъ „симбіозъ" разслѣдованъ Гончаровымъ во всѣхъ подробностяхъ, и психологія крѣпостничества разработана имъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ. Вспомнимъ, напр., великолѣпную характеристику Захара въ VIII-ой главѣ 1 части, заканчивающуюся слѣдующимъ выводомъ: „Старинная связь была неистребима между ними. Какъ Илья Ильичъ не умѣлъ ни встать, ни лечь спать, ни быть причесаннымъ и обутымъ, ни отобѣдать безъ помощи Захара, такъ Захаръ не умѣлъ представить себѣ другого барина, кромѣ Ильи Ильича, другого существованія, какъ одѣвать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и въ то же время внутренно благоговѣть передъ нимъ".

Въ пресловутомъ планѣ устройства имѣнія, который Илья Ильичъ «разрабатываетъ», и въ безконечныхъ мечтахъ его о своемъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ бросается въ глаза между прочимъ слѣдующее: *о мужикахъ онъ думаетъ и фантазируетъ совсѣмъ мало*, да и то только съ точки зрѣнія интересовъ и удобствъ помѣщика-крѣпостника: «Онъ быстро пробѣжалъ въ умѣ нѣсколько серьезныхъ, коренныхъ статей объ оброкѣ, о запашкѣ, придумалъ новую мѣру, построже, противъ лѣни и бродяжничества крестьянъ и перешелъ къ устройству собственнаго житья-бытья въ деревнѣ».

Размышленія на эту послѣднюю тему разыгрываются въ упоительную мечту о томъ, какъ онъ, приведя имѣніе въ порядокъ и женившись, заживетъ въ деревнѣ помѣщикомъ-хлѣбосоломъ, въ кругу семьи, родныхъ, друзей, и жизнь будетъ нескончаемымъ, неомрачаемымъ, праздникомъ, — „будетъ вѣчное веселье, сладкая ѣда да сладкая лѣнь..." Отъ всѣхъ деталей картины, отъ всѣхъ подробностей идилліи такъ и разитъ *закоренѣлымъ крѣпостниче-*

ствомъ. Тутъ и „праздная дворня“ у воротъ, и „дѣвки играютъ въ горѣлки, и „Захаръ, произведенный въ мажордомы“...

Закоренѣлое крѣпостничество Обломова ярко обнаружено въ знаменитой сценѣ съ Захаромъ. Дѣло, какъ извѣстно, идетъ о переѣздѣ на другую квартиру. Слова Захара, что «другіе, молъ, не хуже насъ, да переѣзжаютъ, такъ и намъ можно», — задѣли Илью Ильича за живое. Онъ и узумленъ, и возмущенъ, и озадаченъ. «Другіе не хуже! — съ ужасомъ повторилъ Илья Ильичъ. — Вотъ ты до чего договорился! Я теперь буду знать, что я дла тебя все равно, что «другой»... «Обломовъ долго не могъ успокоиться: онъ ложился, вставалъ, ходилъ по комнатѣ и опять ложился. Онъ въ низведеніи себя Захаромъ до степени другихъ видѣлъ нарушеніе правъ своихъ на исключительное предпочтеніе Захаромъ особы барина всѣмъ и каждому».

Послѣ долгихъ размышленій о продерзости Захара Илья Ильичъ опять зоветъ его, — и начинается великолѣпный діалогъ, въ которомъ Илья Ильичъ донимаетъ Захара жалкими словами. Здѣсь оба, каждый по-своему, обнаруживаются какъ неисправимые крѣпостники: Обломовъ— какъ баринъ, Захаръ — какъ рабъ. Великолѣпно здѣсь въ особенности то мѣсто, гдѣ Обломовъ объясняетъ разницу между нимъ, Ильей Ильичемъ, и «другимъ». «Что такое другой?»—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «Другой есть такой человѣкъ, который самъ себѣ сапоги чиститъ, одѣвается самъ, хоть иногда и бариномъ смотритъ, да вретъ, онъ и не знаетъ, что такое прислуга...» — «Я другой! Да развѣ я мечусь, развѣ работаю... Кажется, подать, сдѣлать — есть кому! Я ни разу не нятянулъ себѣ чулокъ на ноги, какъ живу, слава Богу! Стану ли я безпокоиться? Изъ-за чего мнѣ? И кому я это говорю? Не ты ли съ дѣтства ходилъ за мною? Ты все это знаешь, видѣлъ, что я воспитанъ нѣжно, что я ни холода, ни голода никогда не терпѣлъ, нужды не зналъ, хлѣба себѣ не зарабатывалъ и вообще чернымъ дѣломъ не занимался. Такъ какъ же это у тебя достало духу равнять меня съ другими?»

Илья Ильичъ, въ заключеніе, упрекаетъ Захара въ неблагодарности, напоминая о благодѣяніяхъ, которыя онъ расточаетъ своимъ крѣпостнымъ: онъ денно и нощно забо-

тится о нихъ, все ломаетъ голову, какъ бы ихъ получше устроить. «Я (говоритъ онъ) думаю все крѣпкую думу, чтобъ крестьяне не терпѣли ни въ чемъ нужды, чтобъ не позавидовали чужимъ, чтобъ не плакались на меня Господу Богу на страшномъ судѣ, а молились бы да поминали меня добромъ. Неблагодарные!..»

Здѣсь Илья Ильичъ, несомнѣнно, привралъ: его безконечныя размышленія объ устройствѣ имѣнія, какъ мы видѣли выше, имѣли совсѣмъ другой характеръ и другое направленіе. Но онъ привралъ, такъ сказать, чистосердечно. Онъ — добрый баринъ, мухи не обидитъ, и въ данную патетическую минуту ему кажется, что когда онъ мечтаетъ о своемъ будущемъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ и рисуетъ въ воображеніи извѣстную намъ идиллію, онъ будто бы радѣетъ преимущественно о мужикахъ.

Тутъ, пожалуй, есть и своего рода «логика»: разъ дана «идиллія», — крестьяне, само собой разумѣется, благоденствуютъ, чему, конечно, способствуютъ и проектированныя строгія мѣры противъ лѣни и бродяжничества. *Въ невольномъ лганьѣ сказался типичный крѣпостникъ* — изъ числа тѣхъ, которые не могли пережить день 19 февраля 1861 года и либо сходили съ ума отъ изумленія, либо умирали отъ огорченія.

Илья Ильичъ Обломовъ, можно думать, *не пережилъ бы „катастрофы“*.

Онъ — крѣпостникъ не только по унаслѣдованнымъ привычкамъ, по воспитанію, но также *и по убѣжденіямъ*, и эти его убѣжденія весьма близки къ тѣмъ, которыя возвѣстилъ міру Гоголь въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». Такъ, наприм., на совѣтъ Штольца завести школу въ деревнѣ онъ отвѣчаетъ: «Не рано ли? Грамотность вредна мужику: выучи его, такъ онъ, пожалуй, и пахать не станетъ».

Ему свойственно и столь характерное для дворянъ-помѣщиковъ крѣпостной эпохи *презрѣніе къ труду и къ трудящимся классамъ*. Это ярко сказалось въ вышеприведенныхъ «жалкихъ» словахъ, которыми онъ «донимаетъ» Захара, а также въ слѣдующемъ мѣстѣ главы IV-ой II-ой части: Штольцъ совѣтуетъ ему жениться. — Обломовъ отвѣчаетъ, что его средства не позволяютъ этого: пойдутъ дѣти и не-

чѣмъ обезпечить ихъ. — «Дѣтей воспитаешь, сами достанутъ, умѣй направить ихъ такъ...»,—возражаетъ Штольцъ. но Обломовъ «сухо перебиваетъ» его словами: «Нѣтъ, что изъ дворянъ дѣлать мастеровыхъ!»

Штольцъ, вызывая Обломова на откровенность, проситъ его нарисовать свой идеалъ жизни, и вотъ Илья Ильичъ опять фантазируетъ и рисуетъ упоительную картину счастливой, благообразной помѣщичьей жизни, съ виду какъ-будто напоминающей жизнь въ культурныхъ уголкахъ-помѣстьяхъ идеалистовъ 30—40-хъ годовъ, но въ этой картинѣ то и дѣло проглядываютъ *черты крѣпостничества*. «Мужики идутъ съ поля, съ косами на плечахъ... Тамъ толпа босоногихъ бабъ, съ серпами, голосятъ... Вдругъ завидѣли господъ, притихли, низко кланяются...» И тутъ же такая «подробность»: «Одна изъ нихъ, съ загорѣлой шеей, съ голыми локтями, съ робко опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... тс!.. жена чтобъ не увидѣла, Боже сохрани!»

Штольцъ находитъ, что вся эта идиллія отзывается стариной: это то самое, „что бывало у дѣдовъ и отцовъ". На это замѣчаніе Обломовъ возражаетъ, „почти обидѣвшись": „Нѣтъ, не то... Развѣ у меня жена сидѣла бы за вареньями да за грибами?.. Развѣ била бы дѣвокъ по щекамъ? Ты слышишь: ноты, книги, рояль, изящная мебель..." — „Ну, а ты самъ?" — продолжаетъ допытываться Штольцъ. — „И самъ я, — поясняетъ Илья Ильичъ, — прошлогоднихъ бы газетъ не читалъ, въ колымагѣ бы не ѣздилъ, ѣлъ бы не лапшу и гуся, выучилъ бы повара въ англійскомъ клубѣ или у посланника..."

Итакъ, кто же онъ такой, этотъ добрый, гуманный, безобидный человѣкъ съ нѣжной душой? Этотъ вопросъ задаетъ ему и Штольцъ въ такой формѣ: «Къ какому же разряду общества причисляешь ты себя?» Отвѣтъ Ильи Ильича великолѣпенъ: «Спроси Захара», — говоритъ онъ.

„Соціальное положеніе" Обломова очень правильно понимаетъ *Пшеницына*: въ ея представленіи Илья Ильичъ — это человѣкъ, который „можетъ ничего не дѣлать и не дѣлаетъ, ему дѣлаютъ все другіе: у него есть Захаръ и еще 300 Захаровъ..." Поэтому „онъ баринъ, онъ сіяетъ, блещетъ!"

И, очевидно, Илья Ильичъ полюбилъ Пшеницыну не только за ея бѣлые локти и другія добродѣтели, но *главнымъ образомъ за то, что она видитъ въ немъ барина*, взлелѣяннаго крѣпостнымъ пра-

вомъ, и благоговѣетъ передъ нимъ какъ существомъ высшаго порядка, и неустанно, самоотверженно, какъ раба, работаетъ на него, холитъ его, ухаживаетъ за нимъ — не хуже любой крѣпостной няньки. Въ Агаѳьѣ Матвѣевнѣ Обломовъ видѣлъ кака бы *воплощеніе идеала „того необозримаго, какъ океанъ, и ненарушимаго покоя жизни,* картина котораго неизгладимо легла на его душу въ дѣтствѣ, подъ отеческой кровлей".

Прочтемъ и непосредственно слѣдующее за этимъ мѣсто, поясняющее этотъ „идеалъ": „Какъ тамъ отецъ его, дѣдъ, дѣти, внучата и гости сидѣли или лежали въ лѣнивомъ покоѣ, зная, что есть въ домѣ вѣчно ходящее около нихъ и промышляющее око и непокладныя руки, которыя обошьютъ ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ и обуютъ и спать положатъ, а при смерти закроютъ имъ глаза, такъ и тутъ Обломовъ, сидя и не трогаясь съ дивана, видѣлъ, что движется что-то живое и проворное въ его пользу, и что не взойдетъ завтра солнце, застелятъ небо вихри, понесется бурный вѣтеръ изъ концовъ въ концы вселенной, а супъ и жаркое явятся у него на столѣ, а бѣлье его будетъ чисто и свѣжо, а паутина снята со стѣны, и онъ не узнаетъ, какъ это сдѣлается, и не дастъ себѣ труда подумать, чего ему хочется, а оно будетъ угадано и принесено ему подъ носъ, на съ цѣлью, не съ грубостью, не грязными руками Захара, а съ бодрымъ и кроткимъ взглядомъ, съ улыбкой глубокой преданности, чистыми бѣлыми руками и съ голыми локтями".

Чтобы закончить характеристику Обломова, «какъ крѣпостника», необходимо отвѣтить тотъ фактъ, что Илья Ильичъ, будучи несомнѣннымъ крѣпостникомъ по убѣжденію, привычкамъ и по самой натурѣ, однако же отнюдь *не можетъ быть причисленъ* къ тѣмъ, которые хотѣли и пытались отстаивать крѣпостное право, — *къ крѣпостникамъ-политикамъ*, составлявшимъ партію.

И если бы Обломовъ вообще могъ преодолѣть свою лѣнь и косность и сдѣлаться адептомъ какой-нибудь «партіи», то онъ примкнулъ бы *къ либераламъ, къ людямъ прогресса.* За это ручается его дружба съ Штольцемъ, въ особенности тѣ чувства, которыя питаетъ къ нему Штольцъ, несомнѣнный человѣкъ движенія и прогресса (хотя и съ не вполнѣ ясной программой).

Обломовъ — *крѣпостникъ, но не злостный, не воинствующій.* Крѣпостническія тенденціи, въ смыслѣ опредѣленной политической программы, не согласовались бы съ его кротостью, мягкостью, благодушіемъ, прекраснодушіемъ, въ особенности же — съ его обломовщиною.

Эта обломовщина, какъ особый строй души, такъ сильна въ немъ, что онъ охотно бы отдалъ всѣхъ своихъ триста Захаровъ и всѣ свои права и прерогативы помѣщика и дворянина, лишь бы только спокойно лежать на диванѣ, лишь бы «жизнь его не трогала», лишь бы нашлось какое-нибудь «промышляющее о немъ око».

Таковое и нашлось въ лицѣ вдовы Пшеницыной. Живя у нея и съ нею, Обломовъ «рѣшилъ, что ему некуда больше итти, нечего искать, что идеалъ его жизни осуществился, хотя безъ тѣхъ лучей, которыми нѣкогда воображеніе рисовало ему барское, широкое и безпечное теченіе жизни въ родной деревнѣ, среди крестьянъ, дворни.

Иными словами, *въ Обломовѣ*, въ его психологіи и его судьбѣ представленъ *процессъ*, такъ сказать, *самопроизвольнаго вымиранія крѣпостнической Руси* — процессъ *ея „естественной смерти“*, исключавшій необходимость насильственнаго переворота. Нужно только къ этой картинѣ присоединить поясненіе, что, во-первыхъ, далеко не вся крѣпостническая Русь была обезврежена обломовщиной, и, во-вторыхъ, что сама обломовщина, ускоряя естественную смерть старой Руси, была безсильна создать новую Русь. Не Обломовы подготовляли реформу, не они проводили ее въ жизнь.

Обломовщина убиваетъ энергію мысли и чувства...

Но прежде всего она *парализуетъ* волю.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Штольцъ — отрицатель и противникъ обломовщины.

(Нѣкоторая апріорность Штольца, какъ художественнаго образа.— Онъ, во всякомъ случаѣ, не выдуманъ—то, что въ немъ признается неяснымъ, было въ ту эпоху неясно въ самой жизни.—Культъ труда и непрерывнаго стремленія впередъ.—Трудъ ради труда, безъ всякихъ видовъ на отдыхъ. — Штольцъ—просвѣщенный дѣлецъ, грюндеръ. — Прогрессивное общественное, не лишенное моральнаго оттѣнка значеніе труда. — На смѣну крѣпостническаго строя выступилъ буржуазный.—Новый Костанжогло является прогрессистомъ.— Его программа—либерально-буржуазная, просвѣтительная.—Юношескія мечты Штольца.—Свѣжій еще отпечатокъ идеализма 40-хъ го-

довъ.—Широкіе умственные интересы и своеобразное эпикурейство. — Но, какъ психологическій типъ, Штольцъ рѣзко отличается отъ людей 40-хъ годовъ: дѣятельностью, жизнерадостью, позитивизмомъ, развитіемъ задерживающей и регулирующей воли.—Взглядъ Гончарова на Штольца.—Но Россіи нужны были не такіе еще дѣятели. Узость цѣлей Штольца.—Анахронизмъ „юношескихъ мечтъ".—Необходимость широкой демократической программы.—Штольцъ не доросъ еще до идеала русскаго общественнаго дѣятеля.—Штольцъ, какъ шаблонный человѣкъ своего времени.—Штольцъ—не вождь, не герой, но и онъ внесъ свою лепту въ новое дѣло. — Отношеніе Штольца къ обломовщинѣ,—другое, чѣмъ у людей добролюбовскаго типа).

Важнѣйшіе признаки обломовщины оттѣняются фигурою *Штольца*.

Задуманное и изображенное въ противоположность Обломову, это лицо, *какъ художественный образъ*, оставляетъ *впечатлѣніе нѣкоторой апріорности* и, пожалуй, *искусственности построенія*.

При всемъ томъ однако мы не можемъ присоединиться къ мнѣнію, будто Штольцъ не удался Гончарову примѣрно такъ, какъ не удался Гоголю Костанжогло.

Штольцъ, во всякомъ случаѣ, *не выдуманъ*. То, что въ немъ признается *неяснымъ*, было въ ту эпоху неясно въ самой жизни, и какъ этою, такъ и другими сторонами Штольцъ представляется намъ фигурою, *далеко не лишенною типичности* для второй половины 50-хъ годовъ и начала 60-хъ.

Другъ и сверстникъ Обломова, *Штольцъ—отрицатель и противникъ обломовщины*. Онъ отрицаетъ ее во всѣхъ ея видахъ. Идеалъ барской жизни въ деревнѣ, который лелѣетъ Обломовъ, представляется Штольцу совершенно нелѣпымъ. «Это не жизнь!—говоритъ онъ въ отвѣтъ на разглагольствованія замечтавшагося Ильи Ильича, — это какая то... обломовщина.

Когда Обломовъ хочетъ доказать ему, что всѣ люди стремятся къ покою, что это свойственно природѣ человѣческой, Штольцъ отвѣчаетъ: «И утопія-то у тебя обломовская».

Обломовскому культу покоя и квіетизма онъ противопоставляетъ *культъ труда и непрерывнаго стремленія впередъ*.

Илья Ильичъ готовъ согласиться съ тѣмъ, что можно работать, трудиться, «мучиться», по его опредѣленію, но только съ тою цѣлью, чтобы «обезпечить себя навсегда и удалиться потомъ на покой, отдохнуть».

«*Деревенская обломовщина!*»—восклицаетъ Штольцъ.

«Или достигнуть служебнаго значенія и положенія въ обществѣ,—продолжаетъ развивать свою мысль Обломовъ,—и потомъ въ почетномъ бездѣйствіи наслаждаться заслуженнымъ отдыхомъ...

«*Петербургская обломовщина!*»—восклицаетъ Штольцъ.

Вотъ именно въ противоположность этому, столь характерному для обломовщины стремленію къ «отдыху», «покою», почетному или непочетному «бездѣйствію», Штольцъ настаиваетъ на необходимости *труда—ради труда*, безъ всякихъ видовъ на «отдыхъ». На вопросъ Обломова: «для чего же мучиться весь вѣкъ?»—онъ отвѣчаетъ: «для самого труда, больше ни для чего. *Трудъ—образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни, по крайней мѣрѣ, моей.*

Эти слова, конечно, не означаютъ, что для Штольца безразлично, какимъ бы дѣломъ ни заниматься, что его нисколько не интересуетъ вопросъ о цѣли и значеніи его труда. Онъ не будетъ толочь воду въ ступѣ... Мы хорошо знаемъ, чѣмъ онъ занятъ: онъ «пріобрѣтаетъ», составляетъ себѣ состояніе, ведетъ свои дѣла, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ учится, развивается, слѣдитъ за всѣмъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, наконецъ—много путешествуетъ, какъ по Россіи, такъ и за границей[1]).

Онъ—*просвѣщенный дѣлецъ и «грюндеръ»*.

И совершенно очевидно, что этому «труду» онъ, какъ и самъ Гончаровъ, приписываетъ *прогрессивное общественное значеніе*.

Мало того: его проповѣдь «труда» не лишена *моральнаго оттѣнка*.

---

[1]) Онъ говоритъ Обломову: „Я два раза былъ за границей, послѣ нашей премудрости смиренно сидѣлъ на студенческихъ скамьяхъ въ Боннѣ, въ Іенѣ, въ Эрлангенѣ, потомъ выучилъ Европу, какъ свое имѣніе... Я видѣлъ Россію вдоль и поперекъ. Тружусь...“ И увѣряетъ, что никогда не перестанетъ „трудиться“, хотя бы учетверилъ свои капиталы.

Это было въ *духѣ времени.* Отживающей обломовщинѣ, какъ порожденію крѣпостничества, противопоставляли, наканунѣ паденія крѣпостного права, *необходимость предпріимчивости, дѣловитости, иниціативы,* и эти качества представлялись въ видѣ культурной и даже моральной силы, призванной обновить и возродить Россію.

Сама собой устанавливалась «*психологическая ассоціація*» представленій этихъ качествъ *съ идеями либерализма, просвѣщенія, общественнаго развитія.* И это было симптомомъ того поворота, который обозначился въ нашей внутренней жизни около половины 50-хъ годовъ: на смѣну крѣпостническаго строя выступилъ *буржуазный,* выдвигавшій вмѣстѣ съ культомъ наживы, духомъ предпріимчивости, грюндерствомъ новую политическую программу, правда, не вполнѣ ясную, но во всякомъ случаѣ отмѣченную печатью либерализма, общихъ идей просвѣщенія, прогресса, свободы.

Теперь уже нельзя было сочетать дѣловитости, предпріимчивости и наживы съ обскурантизмомъ и политическою отсталостью, какъ это дѣлалъ Гоголь. *Новый Костанжогло* являлся либераломъ, «просвѣщеннымъ раціоналистомъ», *прогрессистомъ.*

Штольцъ при случаѣ заводитъ рѣчь о фабрикахъ, о путяхъ сообщенія, о пристаняхъ, о сбытѣ. Но онъ заводитъ рѣчь также о школахъ, именно — народныхъ, о просвѣщеніи.

Его «программа» — *либерально-буржуазная и просвѣтительная;* раскрѣпощеніе, экономическое развитіе страны, промышленный прогрессъ, просвѣтительная дѣятельность.

Онъ восторженно привѣтствуетъ зарю новой жизни, занимавшуюся въ концѣ 50-хъ годовъ: онъ ожидаетъ близкой смѣны крѣпостнической и обломовской эпохи новою, либерально-буржуазною, прогрессивною, когда, вмѣсто обломовскаго сна и застоя, закипитъ работа на всѣхъ поприщахъ, и процессъ оздоровленія общественнаго организма быстро пойдетъ впередъ. . .

Вспомнимъ еще разъ тѣ думы, которымъ предается Штольцъ, когда онъ навсегда разстается съ Обломовымъ, сказавшимъ при прощаніи: «Не забудь моего Андрея» (сына Ильи Ильича отъ Пшеницыной).—«Нѣтъ, не забуду я твоего Андрея. . . Погибъ ты, Илья: нечего тебѣ говорить, что твоя

Обломовка не въ глуши больше, что до нея дошла очередь, что на нее пали лучи солнца! Не скажу тебѣ, что года черезъ четыре она будетъ станціей дороги, что мужики твои пойдутъ работать насыпь, а потомъ по чугункѣ покатится твой хлѣбъ къ пристани... А тамъ... школы, грамота, а дальше... Нѣтъ, перепугаешься ты зари новаго счастья, больно будетъ непривычнымъ глазамъ. Но поведу твоего Андрея, куда ты не могъ итти... *и съ нимъ будемъ* приводить въ дѣло наши юношескія мечты».

Отсюда между прочимъ видно, что этотъ практическій дѣятель, этотъ грюндеръ и дѣловой человѣкъ лелѣетъ «*юношескія мечты*» и надѣется проводить ихъ въ жизнь. Несомнѣнно, на личности Штольца лежитъ еще *свѣжій отпечатокъ идеализма 40-хъ годовъ*, къ которымъ относятся его юность, его воспитаніе, его университетскіе годы. Онъ учился въ Московскомъ университетѣ, онъ слушалъ Грановскаго, онъ, конечно, зачитывался статьями Бѣлинскаго. Изъ этой «школы» онъ вынесъ *широкіе умственные интересы*, а также и тѣ «юношескія мечты», которыя, какъ мы видѣли, онъ хранитъ и въ зрѣломъ возрастѣ.

Въ чемъ онѣ состояли, мы не знаемъ, но имѣемъ основаніе думать, что онѣ были довольно скромны и едва ли шли дальше тѣхъ освободительныхъ идей, которыхъ выдвинула эпоха реформъ.

Духу 40-хъ годовъ обязанъ Штольцъ также тѣмъ своеобразнымъ «*эпикурействомъ*» или «*разумнымъ эгоизмомъ*», которымъ отмѣчена его душевная жизнь, а также и вся его дѣятельность.

Вѣдь, въ концѣ концовъ всѣ усилія его направлены на то, чтобы создать себѣ обезпеченную, счастливую, разумную, изящную жизнь. Нельзя сказать, чтобы это было *идеаломъ* людей 40-хъ годовъ, *но это воспитывалось въ нихъ условіями времени*: общественная дѣятельность была тогда невозможна, — приходилось замыкаться въ тѣсномъ кругу,—и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что лучшіе люди невольно впадали въ «эпикурейство». Личная жизнь съ ея вопросами любви, счастья, умственныхъ интересовъ и т. д. силою вещей выдвигалась на первый планъ. Вспомнимъ, какую выдающуюся роль въ жизни лучшихъ людей той эпохи играли любовь, дружба,

эстетика, философскій и научный дилетантизмъ. Эти черты еще обострились въ глухое время первой половины 50-хъ годовъ. И когда, въ эти годы, явились новые молодые дѣятели, вышедшіе изъ другой, не барской среды, одушевленные широкими общественными идеями, натуры стоическаго пошиба и высокаго нравственнаго закала, тогда и возникла та рознь между «отцами» и «дѣтьми», которая, помимо разногласія въ направленіи, въ идеяхъ и «программахъ», была, прежде всего, столкновеніемъ противоположныхъ натуръ, психологическимъ конфликтомъ «эпикурейцевъ» и «стоиковъ». Въ литературѣ представителями новаго поколѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ *новаго психологическаго типа* были *Чернышевскій*, *Добролюбовъ*, *Елисеевъ* и др.

Къ которому изъ этихъ типовъ принадлежитъ Штольцъ? *Ни къ тому, ни къ другому*. Штольцъ скорѣе всего—представитель третьяго нарождавшагося тогда типа—*либерала и практическаго дѣятеля*, сохранившаго еще, какъ сказано, отпечатокъ идеализма 40-хъ годовъ и унаслѣдовавшаго отъ нихъ „эпикурейскіе“ наклонности и вкусы.

Но *въ другихъ отношеніяхъ* онъ, какъ *психологическій* типъ, *рѣзко отличается отъ людей 40-хъ годовъ*.

Онъ — человѣкъ *положительный*, натура *уравновѣшенная*, чуждая излишествъ рефлексіи, *бодрая*, *дѣятельная*, *жизнерадостная*.

По складу ума онъ — *позитивистъ*. «Мечтѣ, загадочному, таинственному не было мѣста въ его душѣ. То, что не подвергалось анализу опыта, практической истины, было въ глазахъ его оптическій обманъ... У него не было и того дилетантизма, который любитъ порыскать въ области чудеснаго, или подонкихотствовать въ полѣ догадокъ и открытій за тысячу лѣтъ впередъ...»— Это написано Гончаровымъ, очевидно, съ оглядкою на идеалистовъ и дилетантовъ метафизики 40-хъ годовъ и съ цѣлью оттѣнить въ лицѣ Штольца новый психологическій типъ, выступавшій на смѣну прежнему.

Новый типъ оказывается болѣе здоровымъ, цѣльнымъ, жизнеспособнымъ. Въ немъ отмѣчено *незаурядное развитіе задерживающей и регулирующей воли*—въ противоположность ея слабости у многихъ представителей старшаго поколѣнія. Мотивировано это—у Штольца—*наслѣдственностью* (со стороны отца) и *спартанскимъ воспитаніемъ*. Какъ бы то ни

было, оказывается, что весь душевный міръ Штольца постоянно находится *подъ контролемъ его воли*: «кажется, *и печалями, и радостями онъ управлялъ какъ движеніемъ рукъ*, какъ шагами ногъ. . .»— Онъ стремится къ тому, чтобы не было «ничего лишняго» въ его душѣ («въ нравственныхъ отправленіяхъ его жизни»)—онъ искалъ «*равновѣсія практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа*». Его задачею было—*поменьше мудрить и выработать себѣ «простой, т. е. прямой, настоящій взглядъ на жизнь»*; зная всю трудность этой задачи («мудрено и трудно жить просто!»—говоритъ онъ), онъ «*боялся воображенія* и всякой мечты» и *зорко слѣдилъ за собою, за каждымъ шагомъ своимъ*. Между прочимъ, «*слѣдилъ онъ и за сердцемъ*»: вопросъ любви къ женщинѣ занимаетъ свое мѣсто въ его душевной экономіи: «онъ и среди увлеченія чувствовалъ землю подъ ногой и довольно силы въ себѣ, чтобы, въ случаѣ крайности, рвануться и быть свободнымъ».

Онъ не вѣрилъ «въ поэзію страстей, не восхищался ихъ бурными проявленіями и разрушительными слѣдами, а все хотѣлъ видѣть идеалъ бытія и стремленій человѣка въ строгомъ пониманіи и отправленіи жизни».

Таковъ Штольцъ. . . Гончаровъ, какъ видно, очень цѣнилъ такія качества ума и характера и думалъ фигурою Штольца отвѣтить на вопросъ, поставленный Гоголемъ: *какіе люди нужны Россіи?* Ему казалось, что великое слово «впередъ!», о которомъ мечталъ Гоголь, будетъ сказано сперва Штольцами, *русскими по національности, полуиностранцами по крови*, и уже вслѣдъ за ними явятся соотвѣтственные дѣятели чисто-русскаго происхожденія. Прочтемъ слѣдующее мѣсто изъ той же главы: «Чтобы сложиться такому характеру, можетъ быть, нужны были и такіе смѣшанные элементы, изъ какихъ сложился Штольцъ. Дѣятели издавна отливались у насъ въ пять-шесть стереотипныхъ формъ, *лѣниво вполглаза глядя вокругъ, прикладывали руку къ общественной машинѣ и съ дремотой двигали ее по обычной колеѣ, ставя ногу въ оставленный предшественникомъ слѣдъ. Но вотъ глаза очнулись отъ дремоты, послышались бойкіе, широкіе шаги, живые голоса. . . Сколько Штольцевъ должно явиться подъ русскими именами!*»

Упованія, возлагавшіяся Гончаровымъ на дѣятелей

этого типа, какъ извѣстно, не оправдались. Россіи, конечно, нужны были, какъ и теперь нужны, дѣятели съ такимъ запасомъ энергіи, какой мы видимъ у Штольца, но *одной энергіи мало*, — нужно еще, *чтобы она была направлена на выработку общественнаго самосознанія*, на общественное дѣло, на проложеніе новыхъ путей внутренняго развитія Россіи.

У *Штольца* она направлена больше *на личныя цѣли*, на грюндерство и на урегулированіе его собственной душевной жизни. Онъ, пожалуй, окажется отличнымъ работникомъ и умѣлымъ проводникомъ новыхъ началъ въ жизни, но вѣдь онъ *не человѣкъ творческой мысли въ вопросахъ общественнаго развитія*. Это видно уже изъ того, что онъ не имѣетъ ясной программы, что его идеологія исчерпывается «юношескими мечтами», вынесенными изъ 40-хъ годовъ, между тѣмъ какъ уже заканчивались 50-е, приближалась эпоха великихъ реформъ и подымался основной и труднѣйшій вопросъ русской жизни—*о народѣ, объ устроеніи его экономическаго быта*, — вопросъ, для правильной постановки котораго либерализмъ и просвѣщенный раціонализмъ Штольца недостаточны, а его грюндерство могло служить даже препятствіемъ.

Требовалась широкая демократическая программа, согласованная съ возможно широкимъ идеаломъ политическаго развитія Россіи, и для этого *нужны были дѣятели и мыслители совсѣмъ иного направленія и иного строя души*.

Таковые и не замедлили явиться. Одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей этого новаго общественно-психологическаго типа, великій критикъ-публицистъ *Н. А. Добролюбовъ*, отнесся къ Штольцу отрицательно.

Онъ писалъ „...что онъ (Штольцъ) дѣлаетъ и какъ онъ ухитряется дѣлать что-нибудь порядочное тамъ, гдѣ другіе ничего не могутъ сдѣлать,—это для насъ остается тайной. Онъ мигомъ устроилъ Обломовку для Ильи Ильича:—какъ? Этого мы не знаемъ. Онъ мигомъ уничтожилъ фальшивый вексель Ильи Ильича; — какъ? Это мы знаемъ. Поѣхалъ къ начальнику Ивана Матвѣевича, которому Обломовъ далъ вексель, поговорилъ съ нимъ дружески,—Ивана Матвѣевича призвали въ присутствіе и не только что вексель велѣли возвратить, но даже изъ службы выходить приказали. И подѣломъ ему, разумѣется; *но, судя по этому случаю, Штольцъ не доросъ еще до идеала общественнаго русскаго дѣятеля*.

Средство, къ которому Штольцъ прибѣгалъ въ данномъ случаѣ, было *глубоко антипатично Добролюбову*. Онъ рѣшительно выступалъ противъ такихъ пріемовъ въ борьбѣ съ темными силами. Въ этомъ отношеніи онъ, какъ и Чернышевскій, далеко опередилъ свое время и явилъ образецъ «общественнаго русскаго дѣятеля» въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Оттого и сталъ онъ призваннымъ и признаннымъ учителемъ и воспитателемъ поколѣній.

Напротивъ *Штольцъ, не брезгавшій вышеуказанными пріемами борьбы*, былъ, въ этомъ отношеніи, *шаблоннымъ человѣкомъ своего времени*. Но самъ Добролюбовъ смягчаетъ суровость своего приговора непосредственно слѣдующими за приведеннымъ мѣстомъ словами: «Да и нельзя еще (достичь идеала общественнаго русскаго дѣятеля): рано».

Окончательное заключеніе Добролюбова о Штольцѣ сводится къ тому, что «*онъ не тотъ человѣкъ, который сумѣетъ на языкѣ, понятномъ для русской души, сказать намъ это всемогущее слово: впередъ!*

Штольцъ—не вождь, не герой. Онъ не пролагаетъ новыхъ путей. *Онъ только идетъ за временемъ и является представителемъ эпохи, когда отживала старая обломовщина и на смѣну крѣпостного строя возникалъ новый порядокъ вещей*.

Гончаровъ, конечно, идеализируетъ Штольца. Устраняя эту идеализацію, мы все-таки скажемъ, что въ предразсвѣтную эпоху конца 50-хъ годовъ, когда, по выраженію Добролюбова, нужно было «расчищать лѣсъ», чтобы выйти на большую дорогу и убѣжать отъ «обломовщины», *Штольцы свою лепту вносили въ это дѣло*, хотя бы уже тѣмъ, что не сидѣли на мѣстѣ, не спали, не кисли, а суетились, просвѣщались, тормошили Обломовыхъ, радовались наступленію новой эры, отрицали крѣпостное право.

Штольцъ, какъ общественный дѣятель и моральная величина, не выдержитъ критики, если судить о немъ съ высоты добролюбовскаго идеала. Но *по сравненію съ окружавшею его тьмою и пустотою* (кстати сказать, превосходно изображенной въ романѣ Гончарова второстепенными и вводными фигурами), *съ безнадежною спячкою обломовцевъ, съ глубокими залежами обскурантизма*, тогда почти не тронутаго, — *Штольцъ долженъ быть признанъ явленіемъ въ свое время прогрессивнымъ*.

Отмѣтимъ, въ заключеніе, еще одну черту, которою Штольцъ рѣзко отличается отъ новыхъ людей добролюбовскаго типа. Это—*болѣе чѣмъ добродушное отношеніе Штольца къ той самой обломовщинѣ, которую онъ такъ послѣдовательно отрицаетъ.* Добролюбовъ, какъ извѣстно, не щадитъ ея и произноситъ надъ нею «судъ безпощадный». Для него она почти порокъ, во всякомъ случаѣ — уродство, и человѣкъ, зараженный обломовщиной, не заслуживаетъ, по глубокому убѣжденію критика, ни сожалѣнія, ни снисхожденія. Въ его глазахъ обломовцы—народъ никуда не годный, и обломовщина — наше національное несчастіе и проклятіе. *Для Штольца она — только болѣзнь,* и онъ относится къ обломовцамъ съ состраданіемъ,—*онъ ихъ жалѣетъ, какъ больныхъ, безпомощныхъ, слабыхъ духомъ и волею, но, по существу, хорошихъ, чистыхъ* и честныхъ людей, достойныхъ лучшей участи.

Очевидно, это потому, что онъ самъ выросъ подъ сѣнью обломовщины, знаетъ обломовцевъ съ дѣтства, принадлежитъ къ ихъ кругу, и еще потому, что онъ выражаетъ *отношеніе къ обломовщинѣ самого Гончарова,*—послѣдовательно-отрицательное, но спокойное и благодушное, какъ оно выразилось и въ знаменитомъ романѣ, и въ автобіографическихъ очеркахъ „На родинѣ“.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Ольга Ильинская — намекъ на новую русскую жизнь.

Ольга, по своему развитію, представляетъ *высшій идеалъ,* какой только можетъ теперь русскій художникъ вызвать изъ теперешней русской жизни.

Оттого она, *необыкновенной ясностью и простотой своей логики и изумительной гармоніей своего сердца и воли,* поражаетъ насъ до того, что мы готовы усомниться даже въ ея поэтической правдѣ и сказать: «такихъ дѣвушекъ не бываетъ».

Но, слѣдя за нею во все продолженіе романа, мы находимъ, что *она постоянно вѣрна себѣ и своему развитію,* что она представляетъ не сентенцію автора, а *живое лицо,* только такое, какихъ мы еще не встрѣчали.

Въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть *намекъ на новую русскую жизнь*; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину...

Она начинаетъ съ любви къ Обломову, съ вѣры въ него, въ его нравственное преобразованіе... Долго и упорно, съ любовью и нѣжною заботливостью, трудится она надъ тѣмъ, чтобы возбудить жизнь, вызвать дѣятельность въ этомъ человѣкѣ. Она не хочетъ вѣрить, чтобы онъ былъ такъ безсиленъ на добро; любя въ немъ свою надежду, свое будущее созданіе, она дѣлаетъ для него все: пренебрегаетъ даже условными приличіями, ѣдетъ къ нему одна, никому не сказавшись, и не боится, подобно ему, потери своей репутаціи.

Но *она съ удивительнымъ тактомъ замѣчаетъ тотчасъ же всякую фальшь*, проявлявшуюся въ его натурѣ, и чрезвычайно просто объясняетъ ему, какъ и почему это ложь, а не правда.

Онъ, напримѣръ, пишетъ ей письмо, и потомъ увѣряетъ ее, что писалъ это единственно изъ заботы о ней, совершенно забывши себя, жертвуя собою, и т. д.

«Нѣтъ,—отвѣчаетъ она,—неправда: если-бъ вы думали только о моемъ счастіи и считали необходимою для него разлуку съ вами, то вы бы просто уѣхали, не посылая мнѣ предварительно никакихъ писемъ».

Онъ говоритъ, что боится ея несчастія, если она современемъ пойметъ, что ошиблась въ немъ, разлюбитъ его и полюбитъ другого.

Она спрашиваетъ въ отвѣтъ на это: «гдѣ же вы тутъ видите несчастье мое? Теперь я васъ люблю, и мнѣ хорошо; а послѣ я полюблю другого и, значитъ, мнѣ съ другимъ будетъ хорошо. Напрасно вы обо мнѣ безпокоитесь».

Эта *простота и ясность мышленія* заключаютъ въ себѣ *задатки новой жизни*, не той, въ условіяхъ которой выросло современное общество...

Потомъ,—какъ *воля Ольги послушна ея сердцу!* Она продолжаетъ свои отношенія и любовь къ Обломову, несмотря на всѣ постороннія непріятности, насмѣшки, и т. п., до тѣхъ поръ, пока не убѣждается въ его рѣшительной дрянности.

Тогда она прямо объявляетъ ему, что ошиблась въ немъ, и ужъ не можетъ рѣшиться соединить съ нимъ свою судьбу. Она еще хвалитъ и ласкаетъ его и при этомъ отказѣ, и даже послѣ; но, своимъ поступкомъ, *она уничтожаетъ его* какъ ни одинъ изъ обломовцевъ не былъ уничтожаемъ женщиной.

Татьяна говоритъ *Онѣгину*, въ заключеніе романа:

„Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
Но я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна“...

Итакъ, *только внѣшній нравственный долгъ* спасаетъ ее отъ этого пустого фата; будь она свободна, она бы бросилась ему на шею.

Наталья оставляетъ *Рудина* только потому, что *онъ самъ уперся* на первыхъ же порахъ, да и, проводивъ его, она убѣждается только въ томъ, что онъ ея не любитъ, и ужасно горюетъ объ этомъ.

Нечего и говорить о *Печоринѣ*, который успѣлъ заслужить только ненависть княжны Мери.

Нѣтъ, *Ольга* не такъ поступила съ Обломовымъ. *Она просто и кротко сказала ему*: «я узнала недавно только, что я любила въ тебѣ то, что я хотѣла, чтобъ было въ тебѣ, что указалъ мнѣ Штольцъ, что мы выдумали съ нимъ. Я любила будущаго Обломова! Ты кротокъ, честенъ, Илья; ты нѣженъ... какъ голубь; ты спрячешь голову подъ крыло—и ничего не хочешь больше; ты готовъ всю жизнь проворковать подъ кровлей... да я не такая: мнѣ мало этого, мнѣ нужно чего-то еще, а чего—не знаю!»

И она оставляетъ Обломова, и она стремится къ своему чему-то, хотя и не знаетъ его хорошенько.

Наконецъ, она находитъ его въ Штольцѣ, соединяется съ нимъ, счастлива: но и тутъ не останавливается, не замираетъ. *Какіе-то туманные вопросы и сомнѣнія тревожатъ ее*, она чего-то допытывается. Авторъ не раскрылъ предъ нами ея волненій во всей ихъ полнотѣ, и мы можемъ ошибиться въ предположеніи насчетъ ихъ свойства. Но намъ кажется, что *это въ ея сердцѣ и головѣ вѣяніе новой жизни*, къ которой она была несравненно ближе Штольца. Дума-

емъ такъ потому, что находимъ нѣсколько намековъ въ слѣдующемъ разговорѣ:

„— Что же дѣлать? поддаться и тосковать?—спросила она.

„— Ничего,—сказалъ онъ:—вооружиться твердостью и спокойствіемъ. Мы не титаны съ тобой,—продолжалъ онъ, обнимая ее:— мы не пойдемъ съ Манфредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы и смиренно переживемъ трудную минуту, и опять потомъ улыбнется жизнь, счастье и...

„— А если они никогда не отстанутъ: грусть будетъ тревожить все больше, больше?..—спрашивала она.

„— Что-жъ? примемъ ее, какъ новую стихію жизни... Да нѣтъ, этого не бываетъ, не можетъ быть у насъ! Это не твоя грусть; это общій недугъ человѣчества. На тебя брызнула одна капля... Все это страшно, когда человѣкъ отрывается отъ жизни, когда нѣтъ опоры. А у насъ...

Онъ не договорилъ, что у насъ... Но ясно: что это онъ не хочетъ «идти на борьбу съ мятежными вопросами», онъ рѣшается «смиренно склонить голову»...

А *она готова на эту борьбу, тоскуетъ по ней и постоянно страшится, чтобъ ея тихое счастье съ Штольцемъ не превратилось во что-то, подходящее къ обломовской апатіи.*

Ясно, что она не хочетъ склонять голову и смиренно переживать трудныя минуты, въ надеждѣ, что потомъ опять улыбнется жизнь. Она бросила Обломова, когда перестала въ него вѣрить; *она оставитъ и Штольца, ежели перестанетъ вѣрить въ него.*

А это случится, ежели вопросы и сомнѣнія не перестанутъ мучить ее, а онъ будетъ продолжать ей совѣты— принять ихъ какъ новую стихію жизни, и склонить голову.

Обломовщина хорошо ей знакома, она сумѣетъ различить ее во всѣхъ видахъ, подъ всѣми масками, и всегда найдетъ въ себѣ столько силъ, чтобъ произнести надъ нею судъ безпощадный.

Н. А. Добролюбовъ.

Ольга Ильинская — психологическій типъ, объединяющій лучшія стороны русской образованной женщины.

Самъ относясь къ обломовщинѣ послѣдовательно-отрицательно, но спокойно и благодушно, Гончаровъ все же указалъ на возможность и, пожалуй, необходимость и иного—*болѣе радикальнаго*—отрицанія нашей «національной болѣзни», близкаго къ добролюбовскому.

Это отрицаніе, *въ мягкой женственной формѣ*, не нарушающей его послѣдовательности, его принципіальности, дано въ самомъ романѣ и было въ свое время отмѣчено и превосходно комментировано Добролюбовымъ. Оно представлено героиней романа Ольгой Ильинской, о которой великій критикъ писалъ: «въ ней-то болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину...»

Незаурядная сила и ясность ума, цѣльность натуры, вѣчное стремленіе впередъ—къ разумной дѣятельности, къ плодотворной общественной работѣ — вотъ *тѣ черты, которыя ставятъ Ольгу выше другихъ*, даже лучшихъ, женщинъ ея времени и вмѣстѣ съ тѣмъ являются главнымъ основаніемъ того, что въ лицѣ Ольги обломовщина встрѣтила судью и противника гораздо болѣе послѣдовательнаго и рѣшительнаго, чѣмъ Штольцъ.

Ольга изображена Гончаровымъ такъ, что читателю становятся вполнѣ ясными ея дальнѣйшіе пути въ жизни. Уже Добролюбовъ предсказывалъ, что она когда-нибудь броситъ Штольца, разочаровавшись въ немъ, какъ въ общественномъ дѣятелѣ и величинѣ моральной.

Личнымъ и семейнымъ счастьемъ она не удовлетворится.

Натура *изящно-женственная*, она вмѣстѣ съ тѣмъ *одарена мужскимъ умомъ и мужскимъ стремленіемъ къ дѣлу, работѣ, борьбѣ.*

Спокойная, тихая, счастливая жизнь пугаетъ ее, какъ призракъ обломовщины, какъ болотная тина, грозящая затянуть и поглотить человѣка.

Всего менѣе могла бы выйти изъ нея самодовольная мать, женщина-насѣдка, «нянька своихъ дѣтей», жена-хозяйка.

Это понялъ и оцѣнилъ въ ней Штольцъ [1]).

Ничего нѣтъ въ ней буржуазнаго,—и, очевидно, это послужитъ когда-нибудь причиной ея разрыва съ Штольцемъ.

«Чѣмъ счастье ея полнѣе, тѣмъ она становилась задумчивѣе и даже... боязливѣе. Она стала строго замѣчать за собой и уловила, что ее смущала эта тишина жизни, ея остановка на минутахъ счастья...»

Не трудно предвидѣть, что когда-нибудь, въ одну изъ такихъ «остановокъ жизни», глаза Ольги откроются, и она вдругъ пойметъ, что ея мужъ, въ сущности, далеко не соотвѣтствуетъ ея идеалу. У такихъ, какъ Штольцъ, оборотная, пошлая сторона души маскируется ихъ «дѣятельностью», подвижностью, предпріимчивостью, суетой и шумомъ; зато тѣмъ ярче можетъ выступить она—на досугѣ, въ тѣ счастливыя минуты «тишины» и «остановокъ жизни»...

И кажется, Ольга потому и боится этихъ минутъ, что смутно предчувствуетъ разочарованіе, которое онѣ принесутъ ей.

Ольга любитъ не слѣпо, а сознательно. Къ ней не приложима поговорка: «не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ».

«Признавъ разъ въ избранномъ человѣкѣ достоинство и права на себя, она вѣрила въ него и потому любила, а переставала вѣрить—переставала и любить, какъ случилось съ Обломовымъ».

Такъ и Штольца полюбила она «не слѣпо, а съ сознаніемъ, и «чѣмъ сознательнѣе она вѣровала въ него, тѣмъ труднѣе было ему держаться на одной высотѣ, быть героемъ не ума ея и сердца только, но и воображенія».

И, конечно, онъ не удержится «на высотѣ». Онъ могъ бы, пожалуй, остаться «героемъ ея воображенія» въ глухое обломовское время, на безлюдьи; но времена перемѣнились,—явилась возможность нѣкоторой общественной работы, борьба манила, новый идеалъ дѣятеля уже складывался

---

[1]) Вдали ему улыбался новый образъ, не эгоистки Ольги, не страстно любящей жены, не матери-няньки, увядающей потомъ въ безцвѣтной, никому ненужной жизни, а что-то другое, высокое, почти небывалое... Ему грезилась *мать-создательница и участница нравственной и общественной жизни цѣлаго счастливаго поколѣнія...*"

въ сознаніи лучшихъ людей, и эти лучшіе люди уже выступали на арену, разоблачая незначительность «дѣятельности» и буржуазно-либеральной идеологіи Штольцевъ.

И Ольга «готовилась, ждала»... «Она росла все выше и выше».

Предугадывая ея дальнѣйшую жизнь, мы скажемъ, что она, раньше или позже, *разочаруется* въ Штольцѣ, убѣдится въ ничтожности его «дѣятельности» и въ недостаточности его «программы».

Она выступитъ на иной путь, трудный и тернистый, исполненный лишеній и невзгодъ.

И куда бы судьба ни забросила ее, въ какомъ бы забытомъ уголкѣ ни пришлось ей жить,—*она повсюду сохранитъ на всю жизнь завѣты своей молодости.*

Пройдутъ года,—она состарится тѣломъ, но не духомъ: если вы ее гдѣ-нибудь встрѣтите, вы будете поражены и очарованы ясностью ея ума, свѣжестью ея чувства, ея живою отзывчивостью на всѣ вопросы и злобы времени.

Въ противоположность фигурѣ Штольца, *въ Ольгѣ нѣтъ ничего искусственнаго, апріорнаго.*

Это *живое лицо, прямо взятое изъ жизни.*

Въ художественномъ отраженіи, въ поэтическомъ обобщеніи—оно явилось *психологическимъ типомъ, объединяющимъ лучшія стороны русской образованной женщины, сильной умомъ, волею и внутреннею свободою,—женщины, имѣющей всѣ данныя, чтобы явить тотъ идеалъ общественнаго дѣятеля, о которомъ нѣкогда мечталъ Добролюбовъ...*

Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

„Обрывъ".

(Разборъ романа, характеристика и оцѣнка типовъ).

Глубокое знаніе авторомъ изображаемой имъ жизни, необычайная *наблюдательность* и благодаря ей *огромное изобиліе выпуклыхъ и характерныхъ подробностей*, въ особенности же *поэзіи провинціальнаго захолустья*, поэзія тихой, замкнутой патріархальной жизни, въ которой дремлютъ мирные обитатели глухихъ закоулковъ нашего обширнаго

отечества, *и теплый, грустный тонъ, разлитый надъ многими и иногда лучшими страницами его романовъ*, все это вмѣстѣ дѣлаетъ *талантъ Гончарова столь же оригинальнымъ, сколько и симпатичнымъ.*

Но кромѣ этихъ изящныхъ сторонъ, въ романахъ Гончарова есть *еще сторона*, отличающая ихъ отъ большинства произведеній этого рода. Это—*ихъ отношеніе къ развитію идей и убѣжденій въ нашемъ обществѣ.*

Въ самомъ дѣлѣ, и «Обыкновенная исторія», и «Обломовъ», и «Обрывъ», каждый воспроизводитъ какую-нибудь фазу этого развитія, большею частью сопоставляя въ контрастѣ представителей двухъ борющихся направленій.

Здѣсь заключается, вмѣстѣ съ важнымъ условіемъ интереса и занимательности, *и Ахиллесова пята творчества* Гончарова.

Въ самомъ дѣлѣ, избранный имъ способъ олицетворять ходячія мнѣнія и убѣжденія въ отдѣльныхъ представителяхъ и сосредоточивать въ одномъ лицѣ черты, разбросанныя въ цѣломъ лагерѣ людей, хотя, съ одной стороны, и далъ ему случай намѣтить множество тончайшихъ чертъ и высказать множество мыслей, зато, съ другой, сообщилъ изображенію этихъ представителей нѣкоторую *отвлеченность и искусственность,* которую много скрадываетъ талантъ автора рисовать подробности, но которая все-таки даетъ себя чувствовать.

Поэтому нерѣдко случалось у Гончарова, что самыя слабыя фигуры его романовъ—главныя, и напротивъ, лица второстепенныя, лица случайныя и какъ бы для роскоши выставленныя въ романѣ, отличаются жизнью и правдой.

Всѣ три романа Гончарова богаты этими второстепенными лицами, которыя иногда не находятъ въ романѣ ни малѣйшаго себѣ дѣла, но, взятыя отдѣльно, очерчены безподобно.

Эти лица снова подтверждаютъ старую истину, что *искусство всегда лучше дается тамъ, гдѣ художникъ не задается никакою дидактическою или даже философскою цѣлью, гдѣ онъ творитъ наивно и отказывается отъ постороннихъ искусству цѣлей.* Если-бъ эта истина нуждалась въ какихъ-либо новыхъ доказательствахъ, то достаточно было бы указать на тѣ проникнутыя реальною правдой и чистою поэ-

зіей картины провинціальной помѣщичьей жизни, которыми такъ богаты произведенія Гончарова, которыми такъ прославился въ особенности его «Обломовъ».

Нигдѣ талантъ Гончарова не находилъ такого сроднаго ему содержанія, какъ въ сферѣ этой тихой и лѣнивой жизни, въ которой, при всей ея кажущейся неподвижности, усмотрѣнъ имъ такой богатый источникъ поэзіи. Нигдѣ мастерство въ описаніи, свойственное нашему автору, не развертывалось съ такимъ блескомъ, какъ въ этихъ изображеніяхъ дремлющаго захолустья, съ его тѣсно ограниченною, однообразно вращающеюся жизнью. Гончарова можно назвать поэтомъ захолустья. Никто лучше его не умѣлъ разгадать поэтическое значеніе, уловить поэтическій ароматъ этого захолустья и воспроизвести его съ такою законченною художественностью.

Все сказанное нами о талантѣ Гончарова вообще, можно сказать и о его новомъ романѣ. Блестящія качества его дарованія выказались въ немъ тѣ же и почти такъ же, какъ и въ его прежнихъ двухъ романахъ; слабыя стороны для насъ такъ же не новы и даже происходятъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ.

Но романъ «Обрывъ» отнюдь не есть копія съ «Обломова», или съ «Обыкновенной исторіи».

Напротивъ, новый романъ *значительно отличается отъ прежнихъ*, *во-первыхъ*, *канвою своего сюжета*, «*фабулою*», которая не представляетъ ничего общаго съ содержаніемъ прежнихъ романовъ Гончарова; во-вторыхъ *противоположность между представителями двухъ лагерей*, и олицетвореніе двухъ направленій двумя лицами романа (эта необходимая черта всякаго романа Гончарова) здѣсь совершенно *иного рода*, чѣмъ въ «Обломовѣ» и «Обыкновенной исторіи».

Въ «Обрывѣ» этотъ необходимый контрастъ обнаруживается между человѣкомъ, принадлежащимъ къ такъ называемымъ «артистическимъ натурамъ» и человѣкомъ изъ того довольно неопредѣленнаго, хотя и многочисленнаго разряда, который у насъ въ Россіи называется «нигилистами».

Очевидно, новый романъ долженъ былъ услѣдить за новѣйшимъ движеніемъ русской мысли и отразить на себѣ эту временную и нынѣ уже проходящую болѣзнь ея.

По склонности автора къ типическимъ контрастамъ, въ новомъ романѣ долженъ былъ, съ другой стороны, обозначиться и характеръ, соединяющій въ себѣ большую часть того, на что, главнымъ образомъ, падаетъ отрицаніе нигилистовъ.

Но идея романа, такимъ образомъ формулованная, возникла не предъ написаніемъ его, а обозначилась мало-по-малу въ долгій періодъ времени, пока созидался романъ.

Изъ небольшого предисловія, которое авторъ предпослалъ своему новому произведенію, явствуетъ, что «Обрывъ» былъ начатъ Гончаровымъ еще въ 1857 году, и писался понемногу («прибавляя нѣсколько главъ въ годъ»,—говоритъ Гончаровъ) въ теченіе двѣнадцати лѣтъ; что авторъ «самъ видѣлъ въ перспективѣ весь романъ, съ толпой дѣйствующихъ лицъ, съ описаніемъ мѣстностей, сценъ, съ характерами, выключая одинъ изъ нихъ (Маркъ Волоховъ), принявшій подъ конецъ романа, начатаго давно и конченнаго недавно, болѣе современный оттѣнокъ».

Скромность и откровенность автора въ значительной мѣрѣ обезоруживаютъ критику; но критика, для которой дорога правда, должна сознаться, что романъ, съ теченіемъ времени измѣнявшійся по отношенію къ самому себѣ, что романъ, въ которомъ дѣйствующія лица измѣняются въ значеніи не вслѣдствіе развитія характеровъ внутри самого романа (такое измѣненіе вполнѣ законно и бываетъ въ высшей степени интересно), а вслѣдствіе современныхъ вѣяній, настигшихъ автора среди его творчества, что такой романъ, говорю я, по необходимости лишенъ художественнаго единства.

Въ самомъ дѣлѣ, «Обрывъ» прежде всего страдаетъ этимъ недостаткомъ: *первая, петербургская часть романа, съ Бѣловодовою, Наташею, Аяновымъ и Пахотиными совершенно излишня* по отношенію къ остальнымъ частямъ и въ дѣйствіи всего остального романа ничего не обусловливаетъ и не объясняетъ.

Извѣстно, что отсутствіе единства въ цѣломъ никогда не препятствуетъ наслаждаться отдѣльными подробностями: и «Обрывъ», несмотря на всю разрозненность его композиціи, читается съ величайшимъ интересомъ, постоянно при-

ковывая къ себѣ вниманіе утонченною и остроумною отдѣлкою деталей.

Но читая его, нельзя не чувствовать постепеннаго возникновенія того современнаго оттѣнка, какъ выражается предисловіе, оттѣнка, котораго первоначально не имѣлось въ виду и отъ котораго романъ едва ли выигралъ.

Слишкомъ долгое писаніе повредило художественному произведенію: другія вѣянія, другія ученія, другіе лозунги окружили конецъ этого романа, чѣмъ при какихъ создалось начало, и конецъ явился съ тою «разницею въ перѣ», о которой упоминаетъ самъ авторъ и въ которой онъ скромно извиняется.

Какъ и прежде бывало у Гончарова, въ его новомъ романѣ самою удачною частью является *общій фонъ картины*, изображеніе обстановки, среди которой разыгрывается драма.

Деревня, служащая мѣстомъ дѣйствія романа, эта *Малиновка*, царство бабушки Татьяны Марковны, изображена съ тою *вѣрностью, цѣльностью* и *любовью*, которыхъ слѣдовало ожидать отъ поэта «Обломовки».

Здѣсь безподобна *внѣшняя декорація, безподобно описаніе стараго дома, новаго дома, двора, обрыва, вида на Волгу*, а выше всего — *картина соннаго губернскаго города*, къ которому прилегаетъ деревня Райскаго.

Но не одна декорація поражаетъ здѣсь законченностью и поэтическимъ вдохновеніемъ. *Фигуры*, населяющія эту глушь, *изображены не менѣе живо, выпукло и ярко.*

Вся деревня Бережковой превосходна. Этотъ *Яковъ*, солидный, задумчивый и набожный; этотъ нахальный и неотвязчивый *Егорка*-зубоскалъ; этотъ мрачный и неповоротливый *Савелій*, подъ грубою оболочкой таящій страстно и глубоко-любящее сердце; эта деревенская Мессалина, *Марина*; эта молчаливая, вѣчно-шепчущая *Василиса*, даже *гномъ-Улита*, образъ которой небрежно набросанъ въ нѣсколькихъ словахъ—какъ всѣ эти фигуры живо рисуются передъ вашими глазами! Для хода романа, для объясненія дѣйствія онѣ не нужны: въ его общей экономіи онѣ составляютъ роскошь; но кто, прочитавъ «Обрывъ», согласился бы отказаться отъ этой роскоши, кто бы захотѣлъ, чтобъ эти фигуры были выключены изъ романа?

Поднимемся ступенью выше на гражданской лѣстницѣ— и мы увидимъ новыя лица, не болѣе Савелія или Марины нужныя для разсказа, но и не менѣе ихъ превосходно нарисованныя. Сюда принадлежитъ пьяный *Опенкинъ*, этотъ продуктъ безграничнаго гостепріимства, какимъ гордится провинція; сюда принадлежитъ генералъ *Тычковъ*, этотъ «серьезный» человѣкъ, какъ называетъ его бабушка Татьяна Марковна, этотъ всеобщій авторитетъ города и околодка, авторитетъ обязанный обаяніемъ давности привычки, чину и звѣздѣ на груди, и признанный даже бабушкой, помнящею неблаговидное прошлое авторитета; сюда принадлежатъ мелькомъ появляющіеся (на именинномъ завтракѣ у бабушки) сынки провинціальнаго помѣщика «гордость и счастье отца», очерченные съ такимъ веселымъ юморомъ.

По нашему мнѣнію, едва-ли можно причислить сюда «*львицу*» *Полину Карповну Крицкую*, эту эксцентрическую барыню, ищущую, на старости лѣтъ, случая уронить свою репутацію и (оберегая себя отъ дѣйствительнаго паденія) прослыть женщиной свободныхъ нравовъ. Характеръ этотъ такъ дикъ и страненъ, что невольно рождается сомнѣніе въ его вѣрности и подозрѣніе въ преувеличеніи. Мы почти готовы раздѣлить о Крицкой мнѣніе самого Райскаго: «А она не годится и въ романъ: слишкомъ карикатурна! Никто не повѣритъ»...

Къ характерамъ, не поставленнымъ около центра дѣйствія и, такъ сказать, не заинтересованнымъ въ его ходѣ, мы еще причислимъ двѣ фигуры, составляющія прелестный эпизодъ въ этомъ богатомъ эпизодами романѣ. Мы говоримъ объ учителѣ *Леонтіи Козловѣ* и его женѣ *Ульянѣ Андреевнѣ*.

Леонтій—*ученый* по призванію, чуждый вѣяній современной жизни, ушедшій въ свой замкнутый и немногимъ вѣдомый міръ, въ дѣйствительной жизни крайне наивный, неловкій и непрактическій человѣкъ. Онъ страстно любитъ свою жену, рыжую красавицу, «съ застывшимъ смѣхомъ въ лицѣ» и римскимъ профилемъ, бойкую и ловкую, легкомысленную и чувственную. Она заботится о немъ, увѣренная, по ея собственнымъ словамъ, что только благодаря ея попеченіямъ «онъ одѣтъ, обутъ, ѣстъ вкусно, спитъ покойно», что «если не посмотрѣть за нимъ, онъ мимо рта ложку пронесетъ»; она хлопочетъ о хозяйствѣ и съ задняго

крыльца принимаетъ, какъ Леонтій наивно разсказываетъ своему другу Райскому, родителей учениковъ своего мужа съ различными подарками; а отъ скучной жизни съ нелюбимымъ мужемъ, ученымъ и неинтереснымъ, она развлекается интрижками съ различными господами, интрижками, которыхъ не замѣчаетъ и не подозрѣваетъ ея безхитростный супругъ.

Контрастъ между этими двумя характерами, связанными судьбой и другъ друга непонимающими—*изященъ и исполненъ глубокаго смысла.*

Леонтій Козловъ прекрасно олицетворяетъ то *дѣтское простодушіе, то довѣрчивое невѣдѣніе жизни, которое такъ часто бываетъ у кабинетныхъ людей, живущихъ своею, книжною жизнію и освободившихся отъ міра сего.* Такой-то человѣкъ полюбилъ всѣми силами души женщину, которая и по натурѣ и по воспитанію менѣе всего способна оцѣнить его прекрасныя стороны и сочувственно понять его слабости.

Пустая и необразованная, прозаическая и поверхностная, жена Козлова однако-же одарена какимъ-то опьяняющимъ, сладострастнымъ обаяніемъ, благодаря которому она обезоруживаетъ краснорѣчиваго друга своего мужа, Райскаго, пришедшаго было ее увѣщать, и вмѣсто того сдѣлавшагося ея любовникомъ.

Прекрасенъ разсказъ о томъ, какъ Ульяна Андреевна покинула мужа (уйдя отъ него со своимъ главнымъ любовникомъ, французомъ Шарль), и какъ неожиданный ударъ подѣйствовалъ на Козлова; прекрасно дополняютъ характеристику Козлова и рисуютъ намъ его кроткую и любящую натуру слова его, обращенныя къ Райскому, когда тотъ съ изумленіемъ спросилъ его: «Ты хотѣлъ бы... ты принялъ бы ее (жену) теперь!..»

„— Ахъ, Борисъ, и ты не понимаешь!—почти съ отчаяніемъ произнесъ Козловъ, хватаясь за голову и ходя по комнатѣ.—Боже мой! Твердятъ, что я боленъ, сострадаютъ мнѣ, водятъ лѣкарей, сидятъ по ночамъ у постели и все-таки не угадываютъ моей болѣзни и лѣкарства, какое нужно, а лѣкарство одно... Ея нѣтъ—вотъ моя болѣзнь. Я не боленъ, я умеръ: и настоящее мое и будущее все умерло, потому что ея нѣтъ! Поди, вороти ее, приведи сюда, и я воскресну!.. А онъ спрашиваетъ: принялъ ли бы я ее! Какъ же ты: романъ пишешь, а не умѣешь понять такого простого дѣла!“

Переходимъ отъ лицъ болѣе или менѣе постороннихъ и эпизодическихъ къ главнымъ лицамъ романа, къ обитателямъ барскаго дома въ Малиновкѣ и немногимъ другимъ, поставленнымъ къ нимъ въ ближайшія отношенія.

Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ, если не по числу страницъ и строчекъ, ими занимаемыхъ, то по красотѣ и правдѣ изображенія, двѣ благородныя, старческія фигуры: *Татьяна Марковна Бережкова*, бабушка героя романа, и ея неизмѣнный другъ и рыцарь *Титъ Никонычъ Ватутинъ*.

Этого послѣдняго можно было бы назвать заглавіемъ одного изъ Джемсовскихъ романовъ: A Gentleman of the old school, *джентльменъ старой школы*.

Легкій оттѣнокъ юмора, наложенный авторомъ на его изображеніе (впрочемъ, съ тончайшимъ соблюденіемъ мѣры), эта кудрявость церемонной рѣчи, эта устарѣлость нѣкоторыхъ оборотовъ, эта старческая щеголеватость туалета не въ силахъ скрыть теплое сочувствіе автора къ этой столь удавшейся ему фигурѣ и еще менѣе въ силахъ повредить этому сочувствію у читателя.

Мы увѣрены, что и читатель, вглядываясь, хотя бы иногда съ улыбкой, въ наружность, нравы и поступки стараго «джентльмена», не въ силахъ будетъ не полюбить благороднаго старичка, который самъ такъ исполненъ любви и благодушія ко всѣмъ и всему окружающему.

Титъ Никонычъ именно такая фигура, которая подъ перомъ Гончарова должна была выйти превосходною.

Онъ *провинціалъ*, онъ *старикъ*, онъ *добрякъ*, онъ *хлѣбосолъ*, образованіе его старомодное, *честность и благородство* его несомнѣнны, онъ именно принадлежитъ къ этимъ фигурамъ, населяющимъ гончаровскія Stillleben (картины тихой жизни), какъ говорятъ нѣмцы, и неразрывно связаннымъ со всѣмъ бытомъ этого Stillleben.

Конечно, провинціальная обстановка и старый вѣкъ вырабатывали не однихъ благодушныхъ, незлобливыхъ Ватутиныхъ; конечно, Тычковы и Опенкины и еще болѣе мрачныя и отталкивающія явленія въ изобиліи встрѣчались тамъ, гдѣ взоръ могъ изрѣдка остновиться на какомъ-нибудь Ватутинѣ; но зато сколько отрады въ этихъ свѣтлыхъ исключеніяхъ!

Какъ симпатична каждая черта въ этомъ старикѣ, какъ мила его *старосвѣтская вѣжливость, его обращеніе съ дамами*! «Предъ дамой никогда не сядетъ и на улицѣ говоритъ безъ шапки, прежде всѣхъ подниметъ платокъ и подвинетъ скамеечку. Если въ домѣ есть дѣвицы, то принесетъ фунтъ конфетъ, букетъ цвѣтовъ и старается подладить тонъ разговора подъ ихъ лѣта, занятія, склонности, сохраняя утонченнѣйшую учтивость, смѣшанную съ неизмѣнною почтительностью рыцарей стараго времени, не позволяя себѣ нескромной мысли, не только намека въ рѣчи, не являясь предъ ними иначе какъ во фракѣ».

Какъ просто его сознаніе своего достоинства, съ которымъ «онъ сохранялъ всегда учтивость и сдержанность въ словахъ и жестахъ, какъ бы съ кѣмъ близокъ ни былъ. И губернатору, и пріятелю, и новому лицу онъ всегда одинаково поклонится, шаркнетъ ногой и приподниметъ ее немного назадъ, соблюдая старинные фасоны вѣжливости».

Какъ добродушна *его щедрость и расточительность*, которой хватаетъ не только на роскошные подарки внучкамъ его обожаемой Татьяны Марковны, но даже на милостыню въ триста рублей негодяю и отверженцу Марку Волохову!

Какъ трогательна его *мягкость*, не умѣющая осуждать и злословить, мягкость, съ которою онъ и объ этомъ ненавистномъ Маркѣ только говоритъ: «Онъ, такъ сказать, загадка для всѣхъ. Должно-быть, сбился въ ранней молодости съ прямого пути... Но, кажется, съ большими дарованіями и свѣдѣніями: могъ бы быть полезенъ»...

Можетъ-быть, черты, намѣченныя нами, покажутся читателю мелкими и мелочными; можетъ-быть, читатель увидитъ въ Титѣ Никонычѣ не болѣе какъ состарѣвшагося Манилова, сотканнаго изъ учтивыхъ фразъ и смѣшной церемонности. Но мы увѣрены, что едва-ли кто останется при этомъ презрительномъ мнѣніи, прочитавъ весь романъ, и едва-ли на кого не повѣетъ тепломъ отъ скромнаго и добраго человѣка, „старомодные фасоны вѣжливости“ котораго можетъ заставить улыбнуться, но развѣ тою хорошею улыбкой, которая на тысячу верстъ далека отъ ироніи и насмѣшки. Въ пятой части романа неожиданно раскрывается трагическая участь Ватутина, постигшая его въ молодости и легшая гнетомъ на всю его жизнь; и, признаемся, мы не были удивлены и не чувствовали ощущенія неправдоподобности, когда узнали, что этотъ тихій и ласковый человѣкъ былъ способенъ на сильную и роковую страсть, доведшую и его и любимую дѣвушку до трагическаго несчастія...

Обратимся теперь къ самому капитальному изъ всѣхъ характеровъ романа, *къ „бабушкѣ“ Татьянѣ Марковнѣ Бережковой.* Такой переходъ естественъ отъ Тита Никоныча, личность котораго неразрывно связана съ бабушкой, и по годамъ, и воззрѣніямъ, и по прекраснымъ сторонамъ души, общимъ имъ обоимъ, и по ихъ долголѣтнему и близкому знакомству и, болѣе всего, хотя для всѣхъ окружающихъ (и до пятой части романа и для самого читателя) это составляетъ тайну, по той глубокой и страстной привязанности, которая съ ранней молодости соединила ихъ неразрывными узами.

Когда Райскій, будучи студентомъ, въ каникулы пріѣхалъ въ Малиновку и увидалъ вновь бабушку, которую оставилъ въ раннемъ дѣтствѣ, она ему показалась *красавицей.* И дѣйствительно, вся Татьяна Марковна, какъ она рисуется и раскрывается намъ въ пяти частяхъ романа, исполнена *красоты*, той красоты, которая происходитъ *отъ совершеннаго согласія между натурой, убѣжденіями, поступками, обстановкой, отъ полной внутренней гармоніи.*

Бабушка въ высшей степени *честная и прямая натура, съ сильною волей*, перешедшею, при ея помѣщичьей привычкѣ повелѣвать, въ *легкій деспотизмъ*,—она содиняетъ *мягкость и нѣжность чувства*, неразлучныя съ истинною женственностью.

Райскій, который въ теченіе всего романа сопровождаетъ каждое лицо, каждое событіе своими замѣчаніями и сентенціями, Райскій, размышленія котораго составляютъ почти полный критическій комментарій къ произведенію Гончарова, въ одномъ мѣстѣ говоритъ себѣ: «Я бьюсь, чтобы быть гуманнымъ и добрымъ — бабушка не подумала объ этомъ никогда, а гуманна и добра. Я недовѣрчивъ, холоденъ къ людямъ и горячъ только къ созданіямъ своей фантазіи, бабушка горяча къ ближнему и вѣритъ во все. Я вижу, гдѣ обманъ, знаю, что все—иллюзія, и не могу ни къ чему привязаться, не нахожу ни въ чемъ примиренія—бабушка не подозрѣваетъ обмана ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ купцовъ, и любовь ея, снисхожденіе, доброта покоятся на тепломъ довѣріи къ добру и людямъ, а если я... бываю снисходителенъ, такъ это изъ холоднаго сознанія принципа—у бабушки принципъ весь въ чувствѣ, въ сим-

патіи, въ ея натурѣ. Я ничего не дѣлаю, она весь вѣкъ трудится. . .»

Параллель весьма удачна, хотя послѣдняя антитеза грѣшитъ преувеличеніемъ. Бабушка, собственно говоря, не трудится, а наблюдаетъ и надзираетъ надъ чужимъ трудомъ. «То она заставитъ дѣвокъ кроить, шить, то чинить что-нибудь, то варить, чистить. Дѣлать все самой она называла смотрѣть, чтобы все при ней дѣлали.

Она собственно не дотронется ни до чего, а старчески-граціозно подопретъ одною рукой бокъ, а пальцемъ другой повелительно указываетъ, что́ какъ сдѣлать, куда поставить, убрать».

Несмотря на это, бабушка—*великая хозяйка* и не безъ маленькаго педантизма соблюдаетъ у себя въ домѣ и въ имѣніи строжайшій порядокъ.

Она хлѣбосольна и радушна, какъ только можно быть хлѣбосольной и радушной: и престарѣлая кокетка Крицкая, внушающая ей глубокое отвращеніе, и горькій пьяница Опенкинъ, личность вполнѣ неприличная, и даже пресловутый Маркъ Волоховъ, высланный въ городъ Татьяны Марковны за какія-то революціонныя затѣи и живущій подъ надзоромъ полиціи, Маркъ Волоховъ, это живое отрицаніе всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, этотъ ужасъ бабушки, — всѣ пользуются широкимъ, чисто-русскимъ гостепріимствомъ бабушки.

Но, при всей своей добротѣ, Татьяна Марковна очень далека отъ того всепрощенія, того «изящнаго смиренія» (выраженіе Гончарова), которымъ отличается ея другъ Титъ Никонычъ. Личности, которыхъ она угощаетъ у себя на славу, подвергаются, однако-же, ея строгому суду.

Ея нравственныя понятія, чистыя и честныя, притомъ, конечно, старосвѣтскія, *не имѣютъ податливости и уступчивости*, идущей на всякіе компромиссы.

Ея простыя и наивныя убѣжденія составляютъ для нея непреложныя аксіомы.

Она *очень умна*, но умъ ея нашелъ себѣ опредѣленную сферу, въ которой онъ заключился и которой на старости лѣтъ, конечно, не покинетъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется намъ, пока мы видимъ бабушку лишь на аренѣ вседневной жизни, пока она

не выступаетъ, въ концѣ романа, во всей силѣ своего характера.

Съ юморомъ и остроуміемъ разсказываетъ Гончаровъ нѣсколько стычекъ, происшедшихъ между нею и внукомъ Райскимъ, привезшимъ въ ея мирную глушь гибкую шаткость скептическаго образа мыслей и словоохотливую діалектику образованнаго и празднаго человѣка.

Привыкшій къ неправильной жизни холостого петербуржца, вращающагося то въ «свѣтѣ», то въ мірѣ артистовъ, Райскій въ первый же день своего (второго) пріѣзда исчезаетъ изъ дома во время обѣда и возвращается лишь позднею ночью.

Происходитъ очень забавная ссора, въ которой бабушка «со старческой граціей» дуется и упрекаетъ любимаго ею внука въ невниманіи и пренебреженіи.

Эта маленькая ссора открываетъ цѣлый рядъ мирныхъ и безобидныхъ стычекъ, въ которыхъ Райскій, къ изумленію бабушки, вовсе не подчиняющійся ея авторитету, принимается разрушать ея практическіе догматы и житейскую мудрость.

Эти пренія Райскаго съ Бережковой и приводятъ его въ конечномъ результатѣ къ той параллели между нимъ и старушкой, которую мы выписали выше, и въ которой онъ признаетъ превосходство ея цѣльнаго и гармоническаго характера надъ своею изломанностью и пресыщенностью.

Бабушка въ высшей степени *консервативна*, «говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, и весь наружный обрядъ жизни отправляется у ней по затверженнымъ правиламъ.

Но когда Райскій приглядѣлся попристальнѣе, то увидѣлъ, что въ тѣхъ случаяхъ, которые не могли почему-нибудь подойти подъ готовыя правила, у бабушки вдругъ выступали *собственныя силы, и она дѣйствовала своеобразно*. Сквозь обветшавшую, а иногда никуда непригодную мудрость у ней пробивалась *живая струя здраваго практическаго смысла, собственныхъ идей, взглядовъ и понятій*».

Она съ привычнымъ уваженіемъ соблюдаетъ церемоніалъ стародавнихъ приличій, но живое и теплое чувство ея иногда неожиданно сбрасываетъ съ себя стѣснительныя

условія этого церемоніала, какъ въ томъ случаѣ, когда мать молодого Викентьева пріѣзжаетъ къ ней сватать своего сына за ея внучку Марѳиньку. Этотъ визитъ, по старомодному, долженъ непремѣнно быть парадным, и бабушка, принимая давнишнюю и короткую знакомую, напускаетъ на себя важность, рядится въ богатый туалетъ, заводитъ разговоръ о погодѣ и о томъ и о семъ, прикидывается, что предложеніе, съ которымъ пріѣхала гостья, для нея совершенно неожиданно, тогда какъ не только молодые люди объяснились, но и чистосердечная Марѳинька сейчасъ же разсказала ихъ объясненіе бабушкѣ. По этикетъ, соблюдаемый бабушкой, требуетъ непремѣнно, чтобы родители игнорировали всѣ неофиціальныя проявленія любви, чтобы вся инициатива казалась принадлежащею имъ. Викентьева, живая и нетерпѣливая, не выдержала этикета и сболтнула: «Марѳа Васильевна согласна: она любитъ Николеньку»,— и чуть не произошла бѣда, этикетъ былъ нарушенъ самымъ оскорбительнымъ образомъ, и, строго говоря, двумъ барынямъ оставалось только поссориться.

Но въ рѣшительную минуту «у Татьяны Марковны пропала вся важность. Морщины разгладились, и радость засіяла въ глазахъ. Она сбросила на диванъ шаль и чепчикъ» и обратилась къ гостьѣ со словами:

„— Мочи нѣтъ, жарко! Извините, душечка, скиньте мантилью, вотъ такъ, и шляпку тоже. Видите, какая жара! Ну... мы ихъ накажемъ вмѣстѣ, Марья Егоровна: женимъ; у меня будетъ еще внукъ, а у васъ дочь. Обнимите меня, душенька! Вѣдь я только старый обычай хотѣла поддержать! Да, видно, не вездѣ пригожи они, эти старые обычаи!..

„Какое сватовство и церемонія между нами! Обѣ мы знали къ чему дѣло идетъ, и если-бъ не хотѣли этого, такъ не допустили бы ихъ слушать соловья“.

Въ этой сценѣ, живо и увлекательно разсказанной, выступила, на этотъ разъ, конечно, въ случаѣ маловажномъ, особая сторона характера Татьяны Марковны, ея *способность отрѣшаться отъ рутины тамъ, гдѣ сильно заговоритъ ея теплое, женственное чувство.*

Строю ея понятій и убѣжденій былъ сужденъ самый жестокій ударъ, ударъ, который въ то же время долженъ былъ поразить и ея сердце.

Ея другая внучка и воспитанница, Вѣра, сестра Марѳиньки, влюбилась въ Марка Волохова и была имъ обольщена. Въ этомъ случаѣ, въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, выказалось въ характерѣ Татьяны Марковны *преобладаніе непосредственности, горячей и любящей натуры надъ строемъ непреложныхъ понятій.*

При извѣстіи о случившейся «бѣдѣ» она впадаетъ въ состояніе какого-то помѣшательства, изъ котораго ее сразу приводитъ въ сознаніе другое извѣстіе, о болѣзни Вѣры. Какъ бы горе ни было законно и искренно, но оно можетъ сдѣлаться эгоистическимъ, и сильная, великодушная женщина, предавшаяся было своей скорби до забвенія, сейчасъ же пробуждается къ тревожной и сознательной заботѣ, лишь только до ея чуткаго слуха доходитъ вѣсть о новой опасности — и случай помочь.

«Усталости какъ не бывало. Жизнь воротилась къ ней, и Райскій радовался, какъ доброму другу, страху на ея лицѣ».

Отношеніе Татьяны Марковны къ поступку Вѣры, ея глубокое горе, но вмѣстѣ съ тѣмъ ея полное любви прощеніе прекрасно дополняютъ характеръ бабушки и выясняютъ передъ нами его сущность.

Въ образѣ Татьяны Марковны съ замѣчательною полнотой изображена *женщина, вскормленная преданіемъ и мудростью старыхъ временъ, крѣпко привязанная ко всему ее окружающему, чуждая сомнѣній и разлада, но чуждая ихъ не по ограниченности ума, не по бѣдности внутренняго міра, а напротивъ того, богато одаренная, нѣжно чувствующая натура, съ тонкимъ чутьемъ правды, умѣющая дополнить узкій кругозоръ завѣщанныхъ истинъ тѣмъ непосредственнымъ угадываніемъ, которое дается въ удѣлъ лишь немногимъ избраннымъ, которое есть несомнѣнный признакъ поэтической души.*

Въ образѣ Бережковой романъ достигъ своей высшей точки: ни въ одномъ изъ остальныхъ характеровъ мысль художника не достигла такого живого выраженія. Для дарованія Гончарова въ высшей степени характеристично, что этотъ наилучше удавшійся характеръ романа опять принадлежитъ къ старымъ людямъ, что авторъ помѣстилъ его въ провинціи; сказанное нами въ началѣ статьи о той особенной спеціальности, которая замѣтна въ талантѣ Гонча-

рова, здѣсь находитъ новое подтвержденіе. *Талантъ нашего автора торжествуетъ, гдѣ онъ имѣетъ дѣло со строемъ внутренней жизни, которой не коснулись вѣянія новѣйшаго разлада и скептицизма.* Такую цѣльность и наивность жизни въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ обыкновенно приписываютъ людямъ «стараго поколѣнія»; но, разумѣется, она можетъ быть и у молодыхъ людей: здѣсь вопросъ не всегда въ поколѣніи, къ которому принадлежитъ лицо, но въ обстановкѣ, воспитаніи, вліяніяхъ, наконецъ, въ индивидуальности самого лица.

Въ «Обрывѣ» есть и молодые люди, живущіе въ полномъ ладу со своею обстановкой, чуждые недовольства средой и внутренняго протеста, молодые люди не дошедшіе и не обѣщающіе дойти до того безплоднаго отрицательнаго анализа, до той изящной ироніи надъ всѣмъ окружающимъ, до того интересничанья внутренними страданіями собственнаго издѣлія, который (опять въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ) отчасти прежде составляли, отчасти теперь составляютъ признаки людей «новаго поколѣнія». И эти молодые люди, гармонирующіе со старыми людьми и со всею своею обстановкой, у Гончарова опять-таки изображены превосходно.

Мы сейчасъ говорили, что вопросъ о внутренней гармоніи и наивности душевнаго строя зависитъ, помимо другихъ условій, и отъ индивидуальности лица.

Въ «Обрывѣ» авторъ изобразилъ двухъ сестеръ почти одинаковыхъ лѣтъ, выросшихъ при совершенно тождественныхъ условіяхъ, вдобавокъ и вмѣстѣ, среди самой мирной и старосвѣтской обстановки, подъ крылошкомъ Татьяны Марковны, и однако развившихся въ полную противоположность.

Одна изъ нихъ оторвалась отъ преданія, отъ вѣрованій старины, освободилась отъ всѣхъ ея вліяній, стала «молодымъ поколѣніемъ»; другая крѣпко приросла къ своей почвѣ, вѣритъ въ одно со стариной, и не чувствуя потребности, даже не видя возможности поколебать ея ученіе, осталась «старымъ поколѣніемъ».

Первая героиня романа, его примадонна, его donna primissima, какъ выразился Троллопъ о героинѣ одного изъ своихъ романовъ, справедливо полагая и между примадон-

нами нѣкоторую іерархію; вторая также примадонна, съ хорошею ролью и отлично костюмированная, но все-таки второстепенная. Обратимся къ послѣдней.

Марѳа Васильевна или Марѳинька (этимъ уменьшительнымъ зовутъ ее и авторъ, и почти всѣ лица въ романѣ, кромѣ, разумѣется, вѣжливаго Тита Никоныча). *„свѣжая, бѣлокурая, здоровая, склонная къ полнотѣ дѣвушка, живая и веселая. Она прилежна, любитъ шить, рисуетъ... любитъ домашнія заботы... разливаетъ чай и вообще присматриваетъ за хозяйствомъ...*

Желанія у ней вращаются въ кругу ея быта: она любитъ, чтобы Святая недѣля была сухая, любитъ Святки, сильный морозъ, чтобы сани скрипѣли и за носъ щипало. Любитъ катанье и танцы, толпу, праздники, пріѣздъ гостей и выѣзды съ визитами—до страсти...

Но, несмотря на страсть къ танцамъ, ждетъ съ нетерпѣніемъ лѣта, поры плодовъ, любитъ, чтобы много вишенъ уродилось и арбузы вышли большіе, а яблоковъ народилось бы столько, какъ ни у кого въ садахъ... *Она никогда не задумывалась и смотрѣла на все бодро, зорко“.*

Въ душѣ этого веселаго, цвѣтущаго созданія, конечно, *нѣтъ мѣста для неопредѣленной тоски*, для скуки и отвращенія къ окружающему. Отрицаніе къ ней не прививается, и Райскій, отъ нечего дѣлать подвергающій анализу всѣхъ, кто ему попадается, а въ особенности женщинъ, тщетно силится найти у ней зародышъ разлада или недовольства средой.

— Скажи, Марѳинька,—началъ онъ однажды, сидя съ нею въ сумерки на дерновомъ диванѣ, подъ акаціями: — не скучно-ли тебѣ здѣсь? Не надоѣли тебѣ бабушка, Титъ Никонычъ, садъ, цвѣты, пѣсенки, книжки съ веселымъ окончаніемъ?

Марѳинька предъ тѣмъ говорила Райскому, что она любитъ только такія повѣсти, гдѣ исходъ счастливый.

„Нѣтъ,—сказала она, удивляясь этимъ вопросамъ,—чего же мнѣ еще нужно?“

— Не кажется тебѣ иногда это... однообразно, пошло, скучно?

„Пошло, скучно? — повторила она задумчиво. — Нѣтъ! Развѣ здѣсь скучно?“

— Все это ребячество, Марѳинька: цвѣты, пѣсенки, а ты ужъ взрослая дѣвушка (онъ бросилъ бѣглый взглядъ на ея плечи и бюстъ): ужели тебѣ не приходитъ въ голову что-нибудь другое серьезное? Развѣ тебя ничто больше не занимаетъ?

Она задумалась, потупивъ глаза. Ей было немного стыдно и неловко, что ее считаютъ еще ребенкомъ. „А вѣдь я давно не ребенокъ: мнѣ идетъ четырнадцать аршинъ матеріи на платье, столько же, сколько бабушкѣ... нѣтъ, больше: бабушка не носитъ широкихъ юбокъ", успѣла она въ это время подумать. „Но, Боже мой! Что это за вздоръ у меня въ головѣ? Что я ему скажу? Пусть бы Вѣрочка поскорѣе пріѣхала на подмогу". (Сестра ея въ это время гостила за Волгой, и Райскій покамѣстъ занимался Марѳинькой). Она не знала, что ей надо дѣлать, чтобы быть не ребенкомъ, чтобы на нее смотрѣли, какъ на взрослую, уважали, боялись ея. Она безпокойно оглядывалась вокругъ, тиранила пальцами кончикъ передника, смотрѣла себѣ подъ ноги. У ней многое проносилось въ головѣ, росли мысли, являлись вопросы, но такъ туманно, блѣдно, что она не успѣвала вслушиваться въ нихъ, какъ онѣ исчезали, и не умѣла высказать.

„Послушайте, братецъ,—отвѣчала она:—вы не думайте, что я дитя, потому что люблю птицъ, цвѣты, я и дѣло дѣлаю. Бабушка часто велитъ мнѣ записывать приходъ и расходъ. Я знаю, сколько засѣвается ржи, овса, когда что поспѣваетъ, куда и когда сплавляютъ хлѣбъ, знаю сколько лѣсу надо мужику, чтобы избу построить..." Она смѣло посмотрѣла на него.—Я бы могла и за полевыми работами смотрѣть, да бабушка не пускаетъ. Что же еще?—прибавила она, глядя на него во всѣ глаза и думая: выросла ли она хоть немного въ его глазахъ?

— Да, все это, конечно, хорошо, и со временемъ изъ тебя можетъ выйти такая же бабушка. Развѣ ты хотѣла бы быть такою?

„Ахъ, дай Богъ; да гдѣ мнѣ?"

— А другою тебѣ не хочется быть?

„Зачѣмъ? Вѣдь если-бъ я была другою, я бы здѣсь была не на мѣстѣ...

— Такъ, умно сказано, Марѳинька: да зачѣмъ же здѣсь? Ты слыхала про Москву, про Петербургъ, про Парижъ, Лондонъ: развѣ тебѣ не хотѣлось бы побывать вездѣ?

„Зачѣмъ мнѣ?"

— Какъ, зачѣмъ? Ты читаешь книги, тамъ говорится, какъ живутъ другія женщины, вонъ хоть бы эта Елена у Миссъ Эджевортъ; развѣ тебя не тянетъ, не хочется тебѣ испытать этой другой жизни?..

Она медленно и задумчиво качала головой.

„Нѣтъ,—сказала она,—чего не знаешь, такъ и не хочется. Вотъ Вѣрочка, той все скучно, она часто груститъ, сидитъ, какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь; ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшняя... А я... ахъ. какъ мнѣ здѣсь хорошо въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышется легко! Какъ весело, когда съѣдутся знакомые!.. Нѣтъ, нѣтъ, я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки! Не хочу никуда".

Райскій, однако-же, продолжаетъ закидывать ее вопросами и приводитъ ее все въ большее замѣшательство. Наконецъ онъ ее спрашиваетъ:

— Не мучаешься ты ничѣмъ внутренно? Нѣтъ ничего у тебя на душѣ?

„Она глубоко вздохнула. „Бабушка велѣла, чтобъ ужинъ былъ хорошій,—вотъ что у меня на душѣ: какъ я ему скажу это!"—подумала она".

Этотъ прелестный разговоръ, который мы, къ сожалѣнію, по объему его не можемъ привести здѣсь вполнѣ. и предъ Райскимъ и предъ читателемъ вполнѣ выяснилъ граціозную и невинную фигуру Марѳеньки, этого безмятежно-счастливаго существа, этой, какъ выразился умиленный Титъ Никонычъ «распускающейся, такъ сказать, розы на стебелькѣ, до коей даже дыханіе вѣтерка не смѣетъ прикоснуться».

Марѳенька *глубже и поэтичнѣе*, чѣмъ сумѣлъ бы это сдѣлать Райскій со всѣмъ своимъ анализомъ, опредѣлила себя въ немногихъ словахъ: «я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки!»—говоритъ она, мѣткимъ словомъ давая чувствовать свою *живую, органическую связь съ тою почвой, на которой она стоитъ.*

Надъ каждою чертой характера Марѳеньки. надъ каждомъ событіемъ, касающимся ея, какъ надъ выписаннымъ мною отрывкомъ, разлито это *чувство отрадной гармоніи и глубокаго счастія*; отъ каждаго поступка, каждаго слова ея вѣетъ тою же *наивною дѣтскою граціей*. Такою же какъ въ разговорѣ съ Райскимъ, Марѳенька является намъ и въ сценѣ объясненія съ Викентьевымъ, и въ послѣдующихъ сценахъ съ женихомъ, и въ своихъ посѣщеніяхъ деревни и мужиковъ, и въ день своего рожденія незадолго передъ свадьбой.

Лишенная глубины и силы характера бабушки, лишенная ея энергіи и страстности, Марѳенька, однако, подобна ей въ своемъ отношеніи къ окружающему, въ своемъ сродствѣ съ «этимъ песочкомъ», съ «этою травкой», въ которое она поэтично облекла мысль о полномъ, тепломъ, гармоническомъ единствѣ своей натуры, своихъ вѣрованій и своей обстановки.

Къ молодымъ людямъ, которые, по вышеопредѣленнымъ признакамъ, вполнѣ принадлежатъ къ «старому поколѣнію» относится и *Викентьевъ*, который въ теченіе романа дѣлается женихомъ и мужемъ Марѳеньки. Но о немъ мы не считаемъ нужнымъ долго распространяться, хотя онъ и очерченъ *съ большою веселостью и живостью*. Мы не сомнѣваемся въ его *добротѣ*, въ искренности его любви къ Марѳенькѣ; въ теченіе романа мы видимъ много свидѣтельствъ его *неусидчивости, а также его огромнаго аппетита*. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать въ немъ какой-нибудь *разладъ, или внутреннее бореніе*.

Но едва-ли мы будемъ слишкомъ строги, сказавъ, что тѣ же или почти тѣ же черты, которыя у Марѳеньки, являются дѣтски-граціозными, нѣсколько увеличенныя въ физіономіи Викентьева, дѣлаются уже *ребяческими*. Быть-можетъ, это потому, что онъ мужчина, и въ суммѣ его качествъ недостаетъ плюса той нѣжной прелести, которая такъ рѣшительна въ дѣйствіи, производимомъ молодою дѣвушкой и въ жизни и даже въ чтеніи; быть-можетъ, это потому, что въ мужчинѣ мы привыкли скорѣе ожидать присутствіе мысли, и глубже сожалѣемъ, когда она въ немъ отсутствуетъ...

Тѣмъ не менѣе Викентьевъ, говоря языкомъ Татьяны Марковны, «буфонитъ» иногда очень забавно и значительно оживляетъ романъ, въ которомъ преобладаютъ люди совсѣмъ иного и не слишкомъ веселаго свойства, люди, съ характерами которыхъ намъ еще остается познакомиться.

Самое большое мѣсто въ романѣ занимаетъ внукъ Татьяны Марковны, троюродный братъ Вѣры и Марѳеньки, *Борисъ Павловичъ Райскій*, и занимаетъ не событіями относящимися до него, и даже не разговорами, а болѣе всего своиму монологами, размышленіями, изліяніями.

Авторъ довольно подробно разсказываетъ жизнь Райскаго почти съ колыбели, описываетъ его дѣтство, отрочество, юность.

Въ пяти частяхъ романа разсѣяно множество чертъ, служащихъ для характеристики Райскаго, но всѣ эти черты однородны и сводятся къ весьма немногимъ крупнымъ признакамъ.

Райскій принадлежитъ къ нѣсколько устарѣлому въ нашей литературѣ типу *развитыхъ и скучающихъ людей*, стоящихъ въ сознаніи (мы чуть было не сказали: въ собственномъ мнѣніи) гораздо выше окружающей ихъ среды, людей *много читавшихъ, много пожившихъ, красно говорящихъ, отрицательно добродушныхъ и неизлѣчимо-праздныхъ*.

Эти господа знакомы намъ еще съ Пушкинскаго Онѣгина; черезъ множество варіантовъ, черезъ Бельтова, Герцена и Тургеневскихъ героевъ, типъ этотъ (давно оставленный, напримѣръ, Тургеневымъ) прошелъ до нашихъ дней и разбираемаго романа.

Повидимому, тутъ есть *одно большое различіе*, на которое авторъ романа кладетъ сильнѣйшій вѣсъ, черта, къ которой онъ постоянно возвращается и которую считаетъ какъ бы важнѣйшею въ характерѣ Райскаго. Это *артистическія наклонности Райскаго*, его *живописный и музыкальный талантъ*, его *эстетическая наблюдательность*, его *культъ красоты*.

Разработавъ съ большою подробностью и очевидною любовью эту сторону своего героя, Гончаровъ намѣтилъ много чертъ дѣйствительно изящныхъ и правдивыхъ, напримѣръ, описаніе того, какъ маленькій Райскій въ школѣ изучалъ не уроки, а учителя и товарищей, вглядываясь въ малѣйшія подробности ихъ физіономій, пріемовъ и нравовъ.

Не говоримъ уже о томъ, что подъ видомъ наблюденій Райскаго (особенно во второй и третьей части) намъ предлагается запасъ наблюденій самого Гончарова, картины деревенской жизни и очерки провинціальныхъ характеровъ.

Въ цѣломъ же, въ окончательномъ выводѣ, который дѣлается читателемъ по прочтеніи всего романа, Райскій совсѣмъ не представляется тѣмъ, чѣмъ онъ самъ себя величаетъ, «художественною натурой».

Призваніе Райскаго къ искусству не что иное, какъ та *лишенная производительности, но много-поглащающая воспріимчивость, которая нерѣдко бываетъ у способныхъ и живочувствующихъ людей, вовсе не дѣлая изъ нихъ художниковъ*.

У такихъ людей бываетъ утонченное критическое чутье, пониманіе формы и страсть къ изящному, и эти качества,

которыя они любятъ воспитывать и лелѣять въ себѣ чтеніемъ, смотрѣніемъ картинъ, слушаніемъ музыки, которыя, такимъ образомъ, развиваются у нихъ на счетъ остальныхъ сторонъ души, нерѣдко дразнятъ и увлекаютъ ихъ къ собственнымъ опытамъ на художественномъ поприщѣ.

Но лишенные творческой силы и не вѣдая того повелительнаго зова, того «требованія къ священной жертвѣ», которое знакомо художникамъ настоящимъ, эти люди бросаются изъ стороны въ сторону, хватаются за различные жанры, тщетно отыскивая свое истинное призваніе, тщетно надѣясь установиться на найденномъ и остаться ему вѣрными на всю жизнь.

Ихъ занятіе искусствомъ не болѣе, какъ *праздный дилетантизмъ*, хотя бы образованный и облагороженный, ихъ дѣятельность заключается въ рядѣ попытокъ безъ внутренняго прогресса, *попытокъ произвольныхъ и случайныхъ, безполезныхъ для искусства и горько-разочаровывающихъ самихъ дилетантовъ*, въ томъ случаѣ, когда они не упоены самомнѣніемъ и тщеславіемъ.

Райскій носитъ всѣ признаки этого изящнаго и безплоднаго дилетантизма: *онъ никогда не имѣлъ терпѣнія одолѣть технику какого-нибудь искусства, терпѣнія, присущаго истиннымъ художникамъ, которымъ неутолимый жаръ творчества даетъ силу побѣдить прозаическія трудности механизма, не охлаждаясь отъ ихъ соприкосновенія и не чувствуя ихъ гнета.*

Онъ никогда не зналъ, какое призваніе, къ какому искусству вложила въ него природа: въ началѣ романа мы застаемъ его за картинами и литературными очерками, въ большей части романа за портретами и за романомъ, а въ концѣ—за элементарными уроками скульптуры, которой онъ дотолѣ не вѣдалъ и за которую принимается уже съ сѣдинами въ волосахъ!

Райскій не имѣетъ и той *объективности*, того уваженія и любви къ явленіямъ дѣйствительности, которыя составляютъ другой признакъ истиннаго художника: онъ *моралистъ и проповѣдникъ*, онъ имѣетъ свою схему понятій и требованій, за которыя ратуетъ, которыя навязываетъ и Бѣловодовой, и бабушкѣ, и Марѳенькѣ.

Настоящій художникъ любитъ въ живомъ явленіи, въ

личности именно ихъ самобытность, ихъ индивидуальный характеръ, ихъ выразительность, посредствомъ которой въ нихъ сказывается идея.

Вотъ почему художникъ съ сильнымъ призваніемъ такъ чуждъ тенденціозности, вотъ почему онъ способенъ воспринимать и воспроизводить такія различныя, такія противоположныя явленія.

И Райскій въ одномъ мѣстѣ является намъ такимъ, прося бабушку не вмѣшиваться въ драму, разыгрывающуюся между Савеліемъ и Мариною, не прерывать ее своими мѣрами и распоряженіями: «Въ кои-то вѣки, — восклицаетъ онъ,—тутъ завязался настоящій человѣческій интересъ, сложился въ драму, а вы мѣшать!.. Оставьте, ради Бога!»

Но это «оставьте» является какъ исключеніе, вѣроятно, потому, что грубые крѣпостные люди слишкомъ далеки отъ Райскаго, и онъ, не питая къ нимъ ни малѣйшаго участія, относится къ нимъ объективно.

Въ другомъ мѣстѣ Гончаровъ кратко, но довольно опредѣленно объясняетъ отношеніе Райскаго къ такъ называемымъ современнымъ идеямъ, при чемъ говоритъ, что Райскій «добродушно и снисходительно воевалъ съ бабушкой, видя, что подъ старыми, заученными правилами, таился здравый смыслъ и житейская мудрость, и лежали сѣмена тѣхъ началъ, что безусловно присвоила себѣ новая жизнь, но что было только завалено уродливыми формами и наростами въ старой».

Что можетъ быть прозаичнѣе, суше, тенденціознѣе, этого «добродушія» и «снисхожденія»?

Тотъ художникъ, который еще въ дѣтствѣ не могъ слушать учителя, потому что ушелъ въ наблюденіе надъ нимъ, «какой онъ, какъ говоритъ, какъ нюхаетъ табакъ, какія у него брови, бакенбарды», встрѣтясь здѣсь, въ порѣ самаго зрѣлаго развитія своихъ душевныхъ силъ, а слѣдовательно и художническихъ, съ такимъ *цѣльнымъ, самобытнымъ и поэтическимъ характеромъ, какъ бабушка,* не впивается въ этотъ чудный образъ глазами художника, а занимается *просвѣщеннымъ либеральничаньемъ,* «снисходительно» прощая бабушкѣ ея отсталость за то, что у ней, пожалуй отыщуться кое-какіе зародыши современныхъ прогрессивныхъ идей!

Мы отказываемся признать въ этой постоянной пропагандѣ, въ этомъ словоохотливомъ ратованіи черту, совмѣстимую съ художническою натурой: это опять тотъ же дилетантизмъ, то же дѣло отъ бездѣлья, какъ и живопись и поэзія Райскаго, только дилетантизмъ искусства замѣненъ дилетантизмомъ тенденціи.

И потому въ такомъ человѣкѣ, какъ герой Гончарова, вдвойнѣ странно поражаютъ такія уже и сами-по-себѣ *неправдоподобныя черты*, какія въ V-ой части романа являются для вящаго подтвержденія «художественности» натуры Райскаго.

Глядя на бабушку, которая послѣ полученія ужасной для нея вѣсти о проступкѣ Вѣры впала въ какой-то сомнамбулизмъ и безсознательно бродитъ по окрестностямъ своего дома, Райскій, который (по всему предыдущему) весь погруженъ въ семейное горе, да и вообще весь полонъ нѣжнаго участія къ своимъ, вдругъ начинаетъ мысленно уподоблять бабушку Марѳѣ Пасадницѣ, сосланнымъ русскимъ боярынямъ.

Усталая, измученная раскаяніемъ и болѣзнью, Вѣра приходитъ въ комнату Райскаго говорить съ нимъ о весьма важномъ для нея дѣлѣ, о письмахъ, полученныхъ ея отъ обольстившаго ее господина, а Райскій не понимаетъ, не слышитъ словъ, которыя бы въ другое время подѣйствовали на него, какъ прикосновеніе «каленаго желѣза» (выраженіе автора). Онъ находится въ состояніи вдохновенія. У него «волосы поднимаются, мурашки бѣгаютъ», готовы брызнуть слезы. Онъ начинаетъ писать портретъ Вѣры и, не замѣчая ея утомленія, все пишетъ, «блѣдный отъ артистическаго раздраженія», пока та не засыпаетъ.

Въ обоихъ разсказанныхъ здѣсь случаяхъ утрировка такъ непріятно-ощутительна, такъ сразу бросается въ глаза, что производитъ дѣйствіе прямо противоположное предположенному. Читатель еще съ большею силой вспоминаетъ, какъ поверхностно и безсильно до тѣхъ поръ бывало вдохновеніе Райскаго, и не можетъ увѣровать въ этого новаго Райскаго, внезапно поднятаго на ходули.

Впрочемъ, въ характерѣ Райскаго *противорѣчія* разсыпаны щедрой рукой. Мы говоримъ совсѣмъ *не о томъ непостоянствѣ*, которое описываетъ самъ авторъ, говоря о

контрастахъ, которые совмѣщалъ въ себѣ его герой. *Это непостоянство, черта весьма правдивая*, оно должно быть въ человѣкѣ безъ опредѣленнаго стремленія, безъ идеала, безъ воли, каковъ Райскій, и слѣдуетъ прибавить, что эта черта очень тонко выдержана въ романѣ.

Но въ Райскомъ есть *еще совсѣмъ другія противорѣчія, которые уже никакъ нельзя объяснить его измѣнчивостью*, его обычаемъ переходить изъ одной крайности въ другую.

Посмотрите, какъ онъ знакомится со своею троюродною сестрой, съ красавицей Вѣрой. Съ перваго взгляда она производитъ на него сильнѣйшее впечатлѣніе, заставляетъ его совершенно забыть о существованіи Марѳеньки, «развитіе» которой его недавно такъ безпокоило, а немного спустя онъ влюбляется въ нее безъ памяти.

Но мы знаемъ изъ первой части, какъ опытенъ Райскій въ дѣлѣ любви и женщинъ, мы знаемъ также, что ему за тридцать лѣтъ, что у него волосы съ просѣдью; это намъ нѣсколько разъ повторяютъ. И вотъ, передъ изумленными глазами читателя, Райскій начинаетъ «приставать» къ Вѣрѣ самымъ докучливымъ, самымъ невыносимымъ образомъ, съ перваго раза закидываетъ ее вопросами, напрашивается къ ней въ руководители и, несмотря на ея очевидную, и даже слишкомъ очевидную и рѣзко выраженную холодность, лѣзетъ къ ней съ кипами книгъ, неожиданно врываясь въ ея комнату и добродушно объясняя ей свой странный поступокъ такими словами: «улетимъ куда-нибудь на крыльяхъ поэзіи, будемъ читать, мечтать, понесемся вслѣдъ за поэтами».

Такая *неслыханная, наивная навязчивость* еще возможна у очень неопытнаго и притомъ горячаго юноши, хотя, конечно, и тутъ обличаетъ натуру грубоватую, самоувѣренную и простодушную.

Но Райскій искушенъ опытомъ многихъ лѣтъ; ничѣмъ онъ такъ постоянно не занимался, какъ изученіемъ женщинъ, кокетничаніемъ съ ними, «любовью» въ самыхъ утонченныхъ, а также и въ грубыхъ формахъ. Кромѣ того, онъ человѣкъ хорошаго общества, гдѣ могъ научиться не навязывать себя другимъ; кромѣ того, онъ тонко-чувствующая натура, для которой слишкомъ довольно было перваго урока, полученнаго имъ отъ Вѣры, когда онъ спросилъ ее

не боится-ли она его, а она поглядѣла на него во всѣ глаза, съ язвительнымъ удивленіемъ.

Другія неправдоподобности, бросающіяся въ глаза въ характерѣ Райскаго, находятся въ тѣсной связи съ исторіей Марка Волохова и Вѣры, а потому и будутъ указаны при разборѣ этихъ характеровъ, а неправдоподобность, въ которой совсѣмъ не виноватъ Райскій, но о которой намъ не приходилось упомянуть раньше, есть слѣдующая: Райскій такъ очевидно для всѣхъ окружающихъ ухаживаетъ за Вѣрой, дуется на нее, огорчается ея отсутствіемъ и т. п., что не замѣтить его любви къ ней весьма трудно для нихъ. И мы въ романѣ находимъ два прямыя указанія на то, что любовь Райскаго не была тайной для прислуги и сосѣдей. Егоръ, лакей Райскаго, всеобщій любимецъ женской половины дворни и извѣстный подъ именемъ «Егорки-зубоскала», приводитъ двухъ дѣвокъ къ перегородкѣ комнаты Райскаго смотрѣть въ щель, какъ баринъ ходитъ и говоритъ самъ съ собой. «Экъ его разбираетъ!» — говоритъ Егорка, «врѣзамшись, должно-быть, въ Вѣру Васильевну». И хотя дѣвушка, любующаяся вмѣстѣ съ Егоркой на барина, приходитъ въ негодованіе отъ такого предположенія и говоритъ ему: «ври, да не смѣй трогать барышень», однако-же въ другомъ мѣстѣ люди Татьяны Марковны, не спрошенные Райскимъ, говорятъ ему: «барышни нѣтъ!» когда онъ, возвратившись домой послѣ поѣздки съ губернаторомъ по его губерніи, «тоскливо оглядѣлся вокругъ себя». Другое доказательство того, что любовь Райскаго къ Вѣрѣ была замѣчена (и что даже слухъ объ этой любви проникъ въ городъ) видно въ словахъ Ульяны Андреевны къ Райскому: «Развѣ ничего не осталось на мою доля въ этомъ сердцѣ?.. Развѣ все отдали Вѣрѣ?» Но есть и другія менѣе рельефныя обстоятельства, которыя обнаруживаютъ, что Райскій не умѣлъ скрывать свою страсть отъ окружавшихъ его лицъ. Ближе всего, конечно, она была замѣтна для его родныхъ, т. е. для бабушки и Марѳеньки. Что имъ слѣдовало подумать, когда Райскій, которому до смерти хотѣлось узнать, отъ кого Вѣра получила нѣкое письмо на синей бумагѣ, «освѣдомлялся осторожно у Марѳеньки и бабушки, къ кому всѣ онѣ пишутъ и кто пишетъ къ нимъ».

„— Да кто пишетъ: ко мнѣ никто,—сказала бабушка,—а къ Марѳенькѣ недавно изъ лавки купецъ письмо прислалъ...

„— Это, бабушка, не письмо, а счетъ за шерсть, за узоры: я забирала у него.

„— А къ Вѣрочкѣ купецъ не присылалъ?—спросилъ Райскій.

„— И къ ней присылалъ: она для попадьи забирала...

„— Не на синей-ли бумагѣ?

„— Да, на синей: вы почемъ знаете?“

Какъ видите, Марѳенька уже подчеркнула своимъ «вы почемъ знаете» не совсѣмъ скромный и не совсѣмъ обыкновенный вопросъ Райскаго о цвѣтѣ бумаги. Но этого мало. Вѣра солгала Райскому, что письмо это она получила отъ попадьи, своей подруги. У Райскаго «гора съ плечъ свалилась», и онъ такъ мало владѣетъ собой, что при бабушкѣ и Марѳеньки вдругъ дѣлаетъ слѣдующую выходку:

„— Письмо отъ попадьи!—вдругъ брякнулъ Райскій.

„— Какое письмо?—сказали обѣ, Марѳенька и бабушка.

„— А то, что на синей бумагѣ, о которомъ я недавно спрашивалъ“.

Это очень забавно, очень хорошо подмѣчено, очень остроумно, но во всякомъ случаѣ послѣ этихъ словъ Райскаго бабушка и Марѳенька не могутъ не догадаться, что Райскій влюбленъ. Но и этого мало. Въ бесѣдѣ съ бабушкой о Вѣрѣ, Райскій говоритъ про себя: «Всѣ ключи увезла!» Татьяна Марковна услыхала и вся встрепенулась. Послѣ нѣсколькихъ вопросовъ съ ея стороны, разъясняется, что Райскій разумѣлъ «ключи отъ своего (т. е. Вѣрина) ума, сердца, характера, отъ мыслей и тайнъ, вотъ какіе!» У бабушки отлегло отъ сердца: она было подумала, что Вѣра увезла дѣйствительные, не аллегорическіе ключи. Разговоръ съ внукомъ продолжается все о той же Вѣрѣ. Наконецъ, Райскій говоритъ старушкѣ:

„— Не стѣсняйте только ея, дайте волю... Она сумѣетъ управить своей судьбой одна...

„— А развѣ я мѣшаю ей, стѣсняю ее? Она не довѣряется мнѣ, прячется, молчитъ, живетъ своимъ умомъ: я даже не прошу у ней *ключей*, а вотъ ты, кажется, безпокоишься!

„Она пристально посмотрѣла на него. Райскій покраснѣлъ“.

Посмотрѣвъ пристально на Райскаго, трудно было не увидать, что онъ влюбленъ въ Вѣру. Согласно съ этимъ, въ вышеприведенномъ случаѣ, гдѣ люди предугадали во-

просъ Райскаго, и Марѳенька, и Викентьевъ оказались проницательны не менѣе прислуги.

„— А Вѣра уѣхала вчера!—сказала Марѳенька съ особенною живостью, замѣтивъ, конечно, что онъ тоскливо оглядывается вокругъ себя.

„— Да, Вѣра Васильевна уѣхала,—повторилъ и Викентьевъ“.

Если ужъ Райскій такъ мало умѣетъ или такъ мало хочетъ скрывать свои чувства, что и Марѳенька, и Викентьевъ, и Егорка, и Яковъ про нихъ знаютъ, то кому же лучше знать, кому скорѣе замѣтить ихъ, какъ не бабушкѣ, этой умной, проницательной, знающей жизнь старушкѣ, отъ пристальнаго взора которой, какъ видѣли мы выше, Райскій покраснѣлъ, какъ пойманный школьникъ?

Каково же наше удивленіе, когда мы въ концѣ романа узнаемъ, что *бабушка «ничего не знала о страсти Райскаго»*?

Правда, это странное извѣстіе выражается авторомъ такъ, что его можно принять и за мысль Вѣры и за фактъ, сообщенный самимъ авторомъ.

Но авторъ, какъ видно изъ всѣхъ мѣстъ романа, гдѣ участвуетъ Вѣра, почти солидаренъ съ сужденіями своей героини, ибо ей приписываются такой умъ и вообще такія качества души, при которыхъ она въ романѣ съ удобствомъ можетъ занять мѣсто, какое занимаетъ въ иной драмѣ лицо, говорящее за автора.

Да если бы бабушка знала о страсти Райскаго, то это, вѣроятно, въ чемъ-нибудь бы высказалось.

Итакъ, по намѣреніямъ автора, Татьяна Марковна ничего не замѣтила изъ худо скрытой, постоянно прорывавшейся страсти Райскаго; между тѣмъ, по вышеприведеннымъ отрывкамъ, на которыхъ мы съ намѣреніемъ остановились такъ подробно, видно, что люди съ меньшимъ противъ ея природнымъ умомъ и знаніемъ жизни догадались объ этой страсти. Выходитъ *неправдоподобность*, ускользающая только отъ невнимательнаго чтенія и значительно вредящая роману.

Райскій, какъ видитъ читатель, принадлежитъ къ «молодому поколѣнію».

Во всемъ романѣ есть только одна женщина, принадлежащая къ «молодому поколѣнію», по тому опредѣленію, ко-

торое мы, на основаніи обычаевъ нашей беллетристики, дали двумъ поколѣніямъ. Женщина эта –*Вѣра*, героиня романа, donna primissima.

На эту первѣйшую примадонну *Гончаровъ не пожалѣлъ никакой помпы, никакихъ издержекъ*. Она освѣщена и костюмирована въ высшей степени *эффектно*.

Самое первое появленіе ея уже обставлено тою особенною, такъ-сказать, почтительною эффектностью, которою писатель даетъ чувствовать читателю, что вотъ *это-то лицо и есть самое важное, самое интересное и значительное во всемъ романѣ*.

Райскій, зашедши въ «старый домъ» (гдѣ Вѣра живетъ совершенно одна, занимая единственную обитаемую комнату среди давно оставленныхъ, пыльныхъ и обвалившихся, богатыхъ покоевъ), неожиданно видитъ предъ собой Вѣру, о которой онъ еще не зналъ, что она воротилась въ Малиновку изъ-за Волги, гдѣ она гостила у подруги.

Онъ видитъ ее въ профиль: она стоитъ у окна и неподвижно и напряженно смотритъ въ даль, «какъ-будто провожая кого-то глазами». Она тотчасъ же «ослѣпила» Райскаго своею красотой.

Произведя на читателя впечатлѣніе своею жизнью въ уединенномъ и развалившемся замкѣ, своею мечтательною позой, своимъ неожиданнымъ появленіемъ, она сейчасъ же производитъ еще сильнѣйшее впечатлѣніе на Райскаго.

Начинается то странное и докучливое «приставаніе» къ ней Райскаго, о которомъ мы выше упомянули.

Начинается и сопротивленіе Вѣры: Райскій унимается, потомъ опять пристаетъ, потомъ опять унимается и т. д.

Въ этой борьбѣ, занимающей во второй, третьей и четвертой частяхъ романа очень значительное число страницъ, выказываются нѣкоторыя черты характера Вѣры, черты все болѣе и болѣе приковывающія къ ней сердце Райскаго.

Вѣра *очень мало сообщительна, ко всѣмъ холодна, молчалива, любитъ уединеніе, бабушки не слушается* (впрочемъ болѣе оттого, что та ей рѣдко выражаетъ свою волю съ опредѣленностью, и вообще оставляетъ ее въ покоѣ); въ тѣхъ разговорахъ, на которые вынуждаетъ ее Райскій, она говоритъ *языкомъ образованнаго и начитаннаго человѣка*, выра-

жается *рѣзко и открыто*, обнаруживаетъ *знаніе и опытность жизни*, которыя трудно предположить въ дѣвушкѣ, и которыми она удивляетъ Райскаго.

Райскій начинаетъ допытываться «откуда у ней эта мудрость», но она отвѣчаетъ уклончиво, говоря напримѣръ: «Духъ Божій вѣетъ не на однихъ финскихъ болотахъ, повѣялъ и на нашъ уголокъ», и лишь гораздо позже Райскій узнаетъ, что Вѣра брала читать много книгъ изъ старой библіотеки дома, что она читала творенія святыхъ отцовъ, Спинозу, Вольтера, нѣкоторыхъ энциклопедистовъ и, кромѣ сокровищъ старой библіотеки, сумѣла гдѣ-то себѣ достать и прочесть «Фейербаха съ братіей».

Изъ всего видно, что Вѣра, въ совершенную противоположность Марѳенькѣ, выражаетъ собой *выходъ женщины изъ-подъ опеки старыхъ людей и старыхъ ученій, освобожденіе отъ авторитета и рутины, протестъ молодого поколѣнія.*

Но съ этимъ олицетвореннымъ протестомъ, по нашему мнѣнію, случилось то же, что и со многими дѣвицами, читавшими «Фейербаха съ братіей» и, вѣроятно, попадавшимися читателю. Кто не видалъ образчика нашихъ псевдо-современныхъ дѣвицъ, просвѣщенныхъ и либеральныхъ по самому новѣйшему рецепту, говорящихъ литературными фразами и оборотами, гордыхъ своимъ воображаемымъ сходствомъ съ образованными мужчинами, и кто, кромѣ Марковъ Волоховыхъ, не чувствовалъ при видѣ ихъ глубокаго сожалѣнія о томъ отсутствіи граціи, скромности и женственности, которое всегда сопровождаетъ эти фальшивыя претензіи на сходство съ мужчинами и усвоеніе себѣ ихъ языка? Да не поймутъ нашего вопроса превратнымъ образомъ.

Грація и женственность, эти драгоцѣнные атрибуты красоты, ни мало не страдаютъ отъ дѣйствительнаго знанія, отъ серьезнаго образованія: онѣ затираются именно отъ этой модной поверхностной замашки, этой пародіи на знаніе и образованіе, которая, къ сожалѣнію, часто встрѣчается у нашихъ модныхъ дѣвушекъ и часто почитается ими за дѣйствительное пріобрѣтеніе, за благо и успѣхъ.

Этотъ же видъ просвѣщенія мы встрѣчаемъ и у Вѣры: *ея отчеканенныя фразы, ея рѣзкій тонъ, ея «мудрость»*, какъ говоритъ восторгающійся Райскій, *какъ нельзя болѣе далеки*

отъ того идеала граціи и прелести, какимъ она представляется глазамъ своего влюбленнаго.

Въ Вѣрѣ есть нѣчто *сухое, холодное и книжное*: самъ Райскій, хотя любовь и дѣлаетъ слѣпымъ, не могъ не воскликнуть послѣ одной изъ ея фразъ: «Ай да Вѣра! Откуда у тебя эти ультра-юридическія понятія?»

Та поэзія любви и страсти, которыми авторъ обставилъ свою героиню, увлеченіе ею Райскаго, вся роль, которую онъ разыгрываетъ въ романѣ, заставляютъ насъ думать, что авторъ не совсѣмъ сознательно придалъ своей героинѣ эти непривлекательныя черты современно-либеральной дѣвицы.

Напротивъ, во всемъ романѣ Вѣра стоитъ на пьедесталѣ, который, по мѣрѣ развитія дѣйствія, дѣлается все выше и выше, такъ какъ въ Вѣрѣ, къ интересу любви и красоты, прибавляется еще интересъ страданія и несчастія.

Вѣра — та красавица романа, которая должна приковать къ себѣ все участіе и возбудить все сочувствіе читателя.

По нашему крайнему разумѣнію, она въ этомъ не можетъ успѣть, такъ какъ именно то качество ея, въ которомъ заключается весь смыслъ ея характера и все значеніе его для романа, *ея самостоятельность, ея эманципація* отъ бабушкиныхъ вліяній *выражаются въ формѣ, которая лишаетъ ее всякой мягкости, нѣжности и симпатичности.*

Самостоятельность Вѣры заключается больше всего въ томъ, что она мало сидитъ съ бабушкой, почти не говоритъ за обѣдомъ, не удостоиваетъ свою наивную и добрую сестру своимъ обществомъ, а на авансы Райскаго отвѣчаетъ съ самою отталкивающею жестокостью. Правда, Райскій очень навязчивъ и докучливъ; правда, что отъ тѣхъ пріемовъ ухаживанія, образчикъ которыхъ мы выше привели, трудно ожидать чего-нибудь кромѣ полнѣйшаго неуспѣха. Но, разувѣряя Райскаго въ его надеждахъ на взаимность любви, Вѣра постоянно переступаетъ ту черту, которая раздѣляетъ спокойное равнодушіе, свободу сердца отъ умышленной, грубой рѣзкости.

Въ продолженіе всего романа, Вѣра обращается съ Райскимъ, великодушно подарившимъ ей большую часть своего состоянія, съ самою оскорбительною небрежностью. Гово-

рятъ, что женщины особенно жестоки съ тѣми, кто въ нихъ влюбленъ и чью любовь онѣ не раздѣляютъ: это, можетъ быть, справедливо по отношенію къ кокеткамъ, которыхъ жизнь посвящена игрѣ въ любовь и наслажденіямъ тщеславія. Но мы сильно сомнѣваемся, чтобъ авторъ намѣренно представилъ именно Вѣру въ этомъ невыгодномъ и пошломъ свѣтѣ.

Къ тому же «самостоятельность» Вѣры сказывается въ самой капризной и непонятной непослѣдовательности: когда Райскій, ея родственникъ, человѣкъ давно знакомый, въ порядочности котораго она должна быть увѣрена, говоритъ ей о ея красотѣ, она благонравно оскорбляется и возмущается; когда объ этой же красотѣ начинаетъ говорить ей какой-то оборванный незнакомецъ, котораго она застаетъ въ своемъ саду съ крадеными яблоками, она спокойно и почтительно выслушиваетъ его любезности.

«Что вамъ нужно?»—спрашиваетъ Вѣра со свойственною ей мягкостью и пріятностью оборотовъ у Райскаго, молчаливое, влюбленное преслѣдованіе котораго ей сильно надоѣло. «Мнѣ ничего не нужно»,—отвѣчаетъ ей влюбленный дилетантъ.—«но ты сама должна знать, какими другими глазами, какъ не жадными, влюбленными, можетъ мужчина смотрѣть на твою поразительную красоту». Райскій, очевидно, увлекается и говоритъ лишнее; но посмотрите, какъ она его «осадила».

Она вспыхнула и быстро встала съ мѣста.

— Какъ вы смѣете говорить это?—сказала она, вспыхнувъ и глядя на него съ ногъ до головы.

Бѣдный Райскій совсѣмъ уничтоженъ за свое увлеченіе. Положимъ, что и подѣломъ.

Но для увлеченія подобнаго рода у Вѣры *двоякій вѣсъ и двоякая мѣра.*

Въ концѣ третьей части заднимъ числомъ разсказывается, какъ познакомилась Вѣра съ Маркомъ Волоховымъ, въ котораго она влюблена. Сидя однажды въ саду, въ бесѣдкѣ, около забора, она увидѣла незнакомаго человѣка, судя по платью, не простолюдина, сидѣвшаго на заборѣ и нагнувшаго къ себѣ вѣтвь одной яблони, съ которой онъ срывалъ плоды. Увидѣвъ ее, незнакомецъ не обнаружилъ

ни малѣйшаго смущенія. Онъ закусилъ одно яблоко, подвинулся къ Вѣрѣ и предложилъ ей другое. Она вступила съ нимъ въ разговоръ: не было еще сказано четырехъ словъ, какъ рѣчь дошла до Прудона и до знаменитаго изреченія, что «собственность есть кража»; еще нѣсколько словъ, и Волоховъ—это и былъ незнакомецъ—даетъ ей слѣдующій лестный отзывъ: «Вы красавица, вдвойнѣ красавица. И хороши собой и умны. Жаль, если украсите собой существованіе какого-нибудь идіота».

Конечно, было бы смѣшно, если бы Вѣра вспыхнула, встала и начала говорить: «какъ вы смѣете» и пр., какъ она сдѣлала съ Райскимъ. Гораздо проще было, не разражаясь негодованіемъ, встать и уйти, дабы пресѣчь назойливому незнакомцу путь къ дальнѣйшимъ любезностямъ, а дома сказать, кому слѣдуетъ, чтобы лучше караулили садъ, а то яблоки подвергаются серьезной опасности, да и гулять въ саду молодымъ дѣвушкамъ будетъ неудобно. Но Вѣра не сдѣлала ни того ни другого. *Циническая фамильярность нахальнаго вора понравилась ей болѣе, чѣмъ лирическая восторженность «художнической натуры»*. Разговоръ продолжается, и знакомство завязалось.

Это-ли результатъ того «духа Божія», который, если мы вѣрно поняли вышеприведенные слова Вѣры, вѣетъ всего сильнѣе на финскихъ болотахъ, и первоначально именно повѣялъ на этихъ болотахъ, а потомъ и на разныхъ уголкахъ вродѣ Малиновки, повсюду вызывая своимъ благотворнымъ вѣяніемъ явленія подобныя связи Вѣры съ Маркомъ?

Это-ли выраженіе самостоятельности и свободы, которыя и Райскій и авторъ приписываютъ Вѣрѣ?

Снисходительность Вѣры къ Марку при первомъ же свиданіи, ея странная любезность съ нимъ тѣмъ болѣе поражаютъ, что Вѣра далеко не имѣетъ того невиннаго невѣдѣнія нѣкоторыхъ сторонъ любви и страсти, что иногда бываетъ у молодыхъ дѣвушекъ, какъ, напримѣръ, въ этомъ же романѣ у Марѳеньки.

Авторъ самъ распространяется объ этой *дѣвической просвѣщенности своей героини* въ формѣ слѣдующихъ размышленій Райскаго: «У Вѣры нѣтъ этой безсознательности: въ ней проглядываетъ и проговаривается, если не опытъ...

если не знаніе, то явное предчувствіе опыта и знанія, и она—не невѣдѣніемъ, а гордостью отразила его (Райскаго) нескромный взглядъ и желаніе нравиться ей. Стало-быть, она уже знаетъ, что значитъ страстный взглядъ, влеченіе къ красотѣ, къ чему это ведетъ, и когда и почему поклоненіе можетъ быть оскорбительно. Она какъ-нибудь угадала или услѣдила перспективу впечатлѣній, борьбу чувствъ и предузнаетъ ходъ и, можетъ-быть, драму страсти, и понимаетъ, какъ глубоко входитъ эта драма въ жизнь женщины».

Тѣмъ хуже для Вѣры, скажемъ мы отъ себя, если она такъ много знаетъ, а между тѣмъ у забора сада пускается въ разговоры съ какимъ-то неизвѣстнымъ и неприличнымъ человѣкомъ, съ первыхъ же словъ хвалящимъ ея красоту и сожалѣющимъ о ея возможномъ въ будущности замужествѣ.

Характеръ Вѣры невозможно разсматривать иначе, какъ въ связи съ характеромъ Марка Волохова, въ котораго вскорѣ послѣ бесѣды о Прудонѣ и ея красотѣ, она влюбилась.

Этотъ господинъ живетъ въ городѣ, пограничномъ съ Малиновкой, куда онъ высланъ на жительство подъ присмотромъ полиціи. Денегъ у него нѣтъ никакихъ, и онъ занимаетъ ихъ у перваго встрѣчнаго (первый встрѣчный, съ замѣчательною щедростью, никогда не отказываетъ въ нихъ Волохову), занимаетъ довольно порядочными кушами и тутъ же объявляетъ, что никогда не отдастъ.

Занятій у него нѣтъ никакихъ, кромѣ охоты.

Но онъ съ похвальною изобрѣтательностью создаетъ себѣ занятія: беретъ у Леонтія Козлова книги и вырываетъ изъ нихъ листы, чтобы закуривать ими сигары; воспитываетъ бульдоговъ, которыхъ онъ гдѣ-то досталъ себѣ, съ тѣмъ, чтобы травить ими полицеймейстера, когда тотъ проѣдетъ, осаждаетъ ночью трактиры и т. п.

Неизвѣстно какъ, но, хотя онъ и высланъ изъ столицы и живетъ подъ надзоромъ полиціи, у него уцѣлѣли запрещенныя книги, которыя онъ и распространяетъ гдѣ возможно.

Въ «Обрывѣ» сообщаются нѣкоторые разговоры его, почти исключительно съ Райскимъ (кромѣ сценъ съ Вѣ-

рой), и во всѣхъ этихъ разговорахъ Волоховъ поражаетъ читателя *апломбомъ и безнаказанностью наглаго, дерзкаго тона.*

Политическія и соціальныя мечтанія, а тѣмъ болѣе религіозный матеріализмъ на заднемъ планѣ: на первомъ планѣ *грязная безцеремонность, трактирное буйство, любовь къ сигарамъ и жженкѣ, и развѣ страсть говорить людямъ свое мнѣніе о нихъ.*

Гончаровъ не поскупился, въ характерѣ Волохова, на непристойные и неблаговидные поступки: кромѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ подвиговъ, Волоховъ, напримѣръ, когда Райскій приходитъ къ нему, уговариваетъ его снять пальто, подъ предлогомъ жары; потомъ надѣваетъ пальто Райскаго и объявляетъ, что не отдастъ ему; не разъ получавъ вспоможенія отъ Райскаго, поддѣлываетъ къ нему письмо подъ почеркъ Вѣры, чтобы выманить у него деньги, и вообще выказываетъ себя окончательнымъ негодяемъ.

Вотъ этотъ-то господинъ сидѣлъ на заборѣ, ѣлъ яблоки, предложилъ Вѣрѣ книжку Прудона и сдѣлался ея идеаломъ.

Фактъ этотъ былъ бы не особенно удивителенъ, если бы Вѣра являлась во всемъ романѣ такою, какъ мы старались ее опредѣлить.

Недостаточность образованія, зараженіе какими-то журнальными верхушками новѣйшихъ ученій, нелюбовь къ *своей семьѣ и отчужденность отъ всѣхъ тѣхъ, кто должны бы были быть ей близки,* наконецъ *и природная эксцентричность и чувственность,* все это не могло не подготовить паденія, къ которому страсть привела Вѣру.

Въ такомъ случаѣ это было паденіе *дѣвушки самой обыкновенной, весьма не глупенькой, но лишенной поэзіи, сердечной доброты и природной стыдливости.*

Такою, дѣйствительно, кажется намъ Вѣра.

Но такъ какъ, повторяемъ, въ большей части романа она поставлена на пьедесталъ, такъ какъ она исправляетъ должность какого-то чуда красоты, ума и граціи, такъ какъ Райскій, этотъ тонкій и опытный цѣнитель женщинъ, въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ страницъ расточаетъ ей самые восторженные гимны, то дѣло представляется въ нѣсколько иномъ видѣ.

Въ «Обрывѣ» (на сколько написанное произведеніе даетъ матеріалъ для обсужденія цѣлей и намѣреній автора,

которыя въ произведеніи художественномъ весьма важно знать) Вѣра исполненная такъ же разнится отъ Вѣры задуманной, какъ и Райскій исполненный отъ Райскаго задуманнаго.

И какъ *Райскій не вышелъ въ романѣ тою художническою натурой, какъ онъ былъ задуманъ, а оказался просто умнымъ, досужимъ и скучающимъ бариномъ, измельчавшимъ Онѣгинымъ*, такъ и *Вѣра*, эта, по намѣреніямъ автора высшая женская натура, выросшая въ самой ограниченной сферѣ, но силой души порвавшая съ нею связь и освободившаяся отъ гнета предразсудковъ, эта избранница истины, порывающаяся къ свѣту и свободѣ, — на дѣлѣ *оказалась просто хорошенькою губернскою барышней, много читавшею и плохо переварившею читанное, сухою сердцемъ и лишенною привязанностей, но неумѣстно тронутою участіемъ къ грязной личности безстыднаго пройдохи.*

Надобно увидать дѣйствительную Вѣру сквозь Вѣру придуманную и призрачную, надобно разсѣять заблужденіе относительно Вѣры, въ которомъ находится Райскій, а съ нимъ и авторъ, чтобы найти объясненіе для факта, съ перваго взгляда возмутительнаго и чудовищнаго, факта обольщенія Вѣры пустымъ и презрѣннымъ негодяемъ.

Если бы Вѣра была тѣмъ, чѣмъ она кажется Райскому и чѣмъ нерѣдко выставляетъ ее самъ авторъ, если бы въ ней дѣйствительно присутствовали тѣ высшія силы, которыя выдвигаютъ личность изъ круга всего окружающаго и дѣлаютъ ее непонятною для будничныхъ людей, — *она никогда не могла бы увлечься этою пошлою смѣсью трактирныхъ приключеній и нигилистическихъ фразъ, этимъ ломаніемъ циническаго безобразія, какое представляетъ личность Марка.*

Нѣтъ. Вѣра не есть протестъ разума и свободы противъ преданія и власти: *Вѣра незрѣлый плодъ нездоровыхъ ученій, нѣчто среднее между «кисейною барышней» и стриженою нигилисткой, эманципированная женщина, остановившаяся и раскаявшаяся на полдорогѣ.*

Она стоитъ еще на той ступени развитія, когда можно почувствовать обаяніе трактирнаго героя, шатающейся и подозрительной личности; когда можно мечтать о миломъ, хвастающемся своими буйными скандалами и существующемъ чуть не мошенничествами; когда сердце безсильно

противъ театральнаго эффекта, производимаго доморощеннымъ Карломъ Моромъ, и нравственное чувство настолько некрѣпко, что не можетъ проникнуться омерзѣніемъ даже къ личности подобной Волохову.

Такова, по нашему мнѣнію, единственная точка зрѣнія, съ которой исторія Вѣры дѣлается правдоподобною и проступокъ ея находитъ объясненіе. Но, ставъ на эту точку зрѣнія, мы должны пойти далѣе и сказать, что *Вѣра, въ умственномъ отношеніи, не стоитъ выше Марка*, что *у ней нѣтъ никакой нравственной силы*, которую она могла бы ему противопоставить, что *она ему покоряется, потому что она всецѣло увлечена имъ.*

Авторъ посмотрѣлъ на отношенія Вѣры къ Марку иначе. Такъ какъ у него задумана совсѣмъ не эта Вѣра, такъ какъ его задуманная Вѣра обладаетъ громадною силой ума и развитія, то Гончаровъ, во всѣхъ разговорахъ Вѣры съ Маркомъ и еще болѣе въ окончательномъ, post factum, анализѣ ея отношеній къ Марку ставитъ Вѣру несравненно *выше Марка*, выказываетъ безсиліе его пропаганды противъ строя ея убѣжденій, указываетъ даже на частыя побѣды ея надъ нимъ, на благодѣтельныя перемѣны въ Маркѣ, которыхъ Вѣра была причиной.

Мы и этому противорѣчію нисколько не удивляемся. Гдѣ въ романѣ Гончарова мы видимъ появленіе этого противорѣчія, мы знаемъ, что на смѣну настоящей Вѣры является Вѣра, первоначально задуманная, лицо, которое въ другомъ произведеніи, съ другою канвой, могло бы быть знаменательнымъ и глубоко-поэтическимъ, а въ «Обрывѣ» есть не болѣе какъ *блѣдный призракъ, реторическая фигура.*

Но если внутреннія причины факта страсти Вѣры къ Марку и ея паденія ясны и просты, несмотря на безобразіе и кажущуюся неестественность такого факта, то *внѣшнее развитіе драмы*, внѣшняя обстановка и судьба этой страсти отличаются *величайшею невѣроятностью.*

У Вѣры очень часты свиданія съ Маркомъ, за садомъ, внизу «обрыва», по которому и названъ романъ.

Въ этомъ обрывѣ было когда-то совершено убійство, и въ немъ же зарытъ преступникъ; вслѣдствіе этого дворня Бережковой и окрестные жители суевѣрно обходятъ этотъ

обрывъ и Вѣра и Маркъ могутъ въ немъ видѣться никѣмъ незамѣченные.

Такъ объясняетъ авторъ тотъ фактъ, что никто никогда не заставалъ Вѣры съ Маркомъ.

Но мы рѣшительно отказываемся вѣрить или даже понять это объясненіе. Пусть люди не ходятъ на дно самаго обрыва, но, вѣдь, они должны же иногда бывать въ той сторонѣ. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, при столь частыхъ свиданіяхъ Вѣры съ Маркомъ все въ одномъ и томъ же мѣстѣ, никто никогда не замѣтилъ одновременнаго приближенія къ обрыву, съ одной стороны, Марка, съ другой— Вѣры? Какъ люди Бережковой могли не найти подозрительнымъ, что около сада барыни все шатается этотъ подозрительный человѣкъ? Какъ Мароинька, любившая бѣгать въ садъ, могла не замѣтить, что Вѣра ходитъ гулять все въ одну сторону и, главное, всегда отправляется въ эту сторону, когда заслышитъ выстрѣлъ, условный сигналъ Марка? Какъ эти частые выстрѣлы вблизи сада не возбудили ничьего недоумѣнія и любопытства? Не бекасиное же болото этотъ обрывъ!

Но если родные, дворня и сосѣди должны были заподозрить Вѣру и догадаться о ея свиданіяхъ, то уже *Райскій, конечно, могъ, не питая подозрѣній и не теряясь въ догадкахъ, пріобрѣсти самую твердую увѣренность въ ея отношеніяхъ къ Марку.* Въ концѣ второй и по всей третьей части романа разсѣяно множество мелкихъ подробностей, уличающихъ Вѣру отчасти въ томъ, что она влюблена въ Марка, отчасти въ томъ, что она съ нимъ переписывается и ходитъ къ нему на свиданія. Во-первыхъ, Маркъ Волоховъ какъ-то непонятно скоро, словно озаренный ясновидѣніемъ, узнаетъ о любви Райскаго къ кузинѣ и дразнитъ его этою любовью: «Что томить себя вздохами, не спать, караулить, когда бѣленькая ручка откинетъ лиловую занавѣску... ждать по недѣлямъ отъ нея ласковаго взгляда?» и пр. Во-вторыхъ, Вѣра всегда, такъ или иначе, обнаруживаетъ волненіе, когда рѣчь заходитъ о Волоховѣ. Напримѣръ, она замѣчаетъ на своемъ кузенѣ пальто Волохова, вмѣсто котораго Маркъ, какъ мы выше упоминали, въ посѣщеніе его Райскимъ, надѣлъ пальто своего гостя и оставилъ его себѣ.

„— Чье это на васъ пальто? Это не ваше?—вдругъ спросила она съ удивленіемъ, вглядываясь въ пальто.

„— Ахъ, это Марка...

„— Зачѣмъ оно у васъ? Развѣ онъ здѣсь?—спросила она, отнявъ у него руку.

„— Нѣтъ, нѣтъ,—смѣясь отвѣчалъ онъ:—чего ты испугалась?“

Или вотъ другой примѣръ. Райскому докладываютъ, что къ нему пришелъ Маркъ. Онъ въ это время сидѣлъ съ Вѣрой въ ея комнатѣ.

„Вѣра сдѣлала какое-то движеніе.

„— Подите скорѣй, узнайте зачѣмъ онъ?—торопливо сказала она.

„— Чего ты испугалась?—замѣтилъ Райскій:—вѣдь онъ не собака, не мертвецъ, не воръ, а такъ, безпутный бродяга.

„— Идите, идите,—въ тревогѣ говорила Вѣра, не слушая его.—Это любопытно“.

Мы уже упоминали выше о таинственномъ письмѣ на синей бумагѣ, которое также должно было усилить подозрѣнія Райскаго, если и не могло обратить ихъ именно на Волохова. Но есть другое письмо, письмо Вѣры къ ея подругѣ, попадьѣ, которое Вѣра показываетъ Райскому. Въ этомъ письмѣ встрѣчаются такія выраженія: «я отъ этого преслѣдованія (то-есть отъ преслѣдованія Райскаго) чуть не захворала; не видалась ни съ кѣмъ, не писала ни къ кому» (курсивъ въ подлинникѣ: не знаемъ, принадлежитъ ли онъ Вѣрѣ, или это только авторъ подчеркнулъ эти слова по тому впечатлѣнію, которое они произвели на Райскаго). На этотъ разъ и Райскій догадался, что «тутъ есть кто-то, съ кѣмъ она видится, кому пишетъ!» И вслѣдствіе этого долго надоѣдаетъ Вѣрѣ просьбой раскрыть ему ея тайну.

Въ другомъ мѣстѣ Вѣра отправляется на островъ на Волгѣ, предварительно написавъ (при Райскомъ) какую-то записку и спрятавъ ее у себя за платье на грудь. Разумѣется, по свему обыкновенію, Райскій приставалъ съ разспросами, къ кому записка и узналъ только, что это секретъ. Онъ, незамѣченный, отправляется вслѣдъ за Вѣрой и натыкается на Марка Волохова. Въ этотъ разъ Вѣра не шла на свиданіе: она отправлялась на partie de plaisir, въ которой Маркъ не участвовалъ; но прежде чѣмъ соединиться съ остальными, она могла застать Марка и передать ему записку. Маркъ былъ съ ружьемъ. Два дня спустя, вечеромъ,

когда совершенно стемнѣло, Райскій пробирается мимо стараго дома. «Вдругъ онъ услышалъ, что въ старомъ домѣ отворяется окно. Онъ взглянулъ вверхъ, но окно, которое отворилось, выходило не къ саду, а въ поле, и онъ поспѣшилъ въ бесѣдку изъ акацій, перепрыгнулъ черезъ заборъ и попалъ въ лужу, но остался на мѣстѣ не шевелясь.

„— Это вы?—спросилъ шопотомъ кто-то изъ окна нижняго этажа, конечно, Вѣра, потому что въ старомъ домѣ никого кромѣ ея не было.

„У Райскаго затряслись колѣни, однако онъ невнятнымъ шопотомъ отвѣчалъ: „Я“.

„— Сегодня я не могла выйти: дождикъ шелъ цѣлый день, завтра приходите туда же въ десять часовъ... Уйдите скорѣе, кто-то идетъ!

„Окно тихо затворилось. Райскій все стоялъ.

„Куда „туда же“, спрашивалъ онъ мучительно себя, проклиная чьи-то шаги, помѣшавшіе услышать продолженіе разговора. „Боже! такъ это правда! тайна есть (а онъ все не вѣрилъ), письмо на синей бумагѣ не сонъ! Свиданія! Вотъ она таинственная ночь! („Ночью“ Райскій прозвалъ самоё Вѣру). А мнѣ утромъ проповѣдывала о нравственности!“

И такъ герой есть у Вѣры: остается догадаться, кто этотъ герой. Если всѣ предшествовавшія улики были для этого недостаточны, то вотъ вамъ еще новая: на слѣдующій день Райскій зоветъ Вѣру итти гулять именно въ условленный часъ свиданія, и она, къ его удивленію, соглашается. Они отправляются въ садъ, проходятъ чрезъ него и садятся на лавку у обрыва. Вѣрѣ, которая послѣ ухода Райскаго отъ окна, узнала, что это былъ онъ, а не Маркъ, скрываться и хитрить больше нечего: она сознается, что любитъ; Райскій спрашиваетъ кого, она въ шутку отвѣчаетъ, что его...

„Внизу въ рощѣ раздался въ это время выстрѣлъ. Она быстро встала со скамьи.

— А это что: это... онъ?—спросилъ Райскій, мѣняясь въ лицѣ.

— Мнѣ пора, десять часовъ!—сказала она, видимо встревоженная, стараясь не глядѣть на Райскаго. Она подошла къ обрыву, онъ ступилъ шагъ за ней. Она сдѣлала ему знакъ рукой, чтобъ онъ остался.

— Что значитъ этотъ выстрѣлъ?—спросилъ онъ съ испугомъ.

— Меня зоветъ...

— Кто?

— Авторъ синяго письма. Ни шагу за мной!—шепнула она ему сильно:—если не хотите, чтобъ я...

— Вѣра!

— Ни шагу—никогда!—повторила она, спускаясь съ обрыва:—или я оставлю домъ навсегда!—Она скользнула въ кусты.

— Вѣра! Вѣра! Берегись!—кричалъ онъ въ отчаяніи и сталъ слушать. Онъ слышалъ только, какъ раза два подъ ея торопливыми шагами затрещали сухія вѣтки, потомъ настала тишина.—Боже мой!—въ отчаянной зависти вскрикнулъ онъ.—Кто онъ? Кто этотъ счастливецъ?

„Люблю васъ!—говоритъ она... Меня! Что, если правда... А выстрѣлъ?—шепталъ онъ въ ужасѣ:—а авторъ синяго письма? Что за тайна: кто это?"

И послѣ всѣхъ этихъ указаній на Марка Волохова, которыя сама судьба дѣлаетъ Райскому, онъ все еще продолжаетъ недоумѣвать, онъ даже не понимаетъ выстрѣла, хотя предъ тѣмъ, въ тѣхъ же мѣстахъ, встрѣчалъ Волохова съ ружьемъ! Читатель, однако, опытнѣе и догадливѣе Райскаго: онъ давно видитъ, куда гнетъ авторъ, и поэтому весьма законно обижается, когда Гончаровъ, не безъ нѣкоторой торжественности, открываетъ слѣдующую главу объясненіемъ:

„А никто другой какъ Маркъ Волоховъ, эта парія, циникъ, ведущій бродячую, цыганскую жизнь", и пр., и пр.

Напрасно авторъ съ такимъ усиліемъ и эффектомъ открываетъ читателю глаза: читатель и такъ уже прозрѣлъ. Лучше бы было открыть глаза Райскому, слѣпота котораго, и послѣ сейчасъ описанной сцены, во все продолженіе четвертой части остается неизлѣчимою, хотя указанія и намеки на Марка Волохова и въ этой части продолжаются съ прежнимъ постоянствомъ.

Въ этихъ натяжкахъ, въ этомъ отсутствіи правдоподобія одинъ изъ главныхъ недостатковъ романа, очевидно, въ цѣломъ слишкомъ придуманнаго.

Вдохновеніе автора не въ цѣломъ, а въ частностяхъ: оно уходитъ на *обстановку, аксессуары, картины нравовъ, описаніе мѣстностей*, и большею частью покидаетъ его, когда онъ беретъ главную нить своего разсказа, когда онъ занятъ исторіей «Обрыва», т. е. исторіей любви и паденія Вѣры.

Въ «Обрывѣ» *чѣмъ «поэтичнѣе»* (въ ходячемъ смыслѣ) *предметъ, тѣмъ менѣе поэзіи въ его изображеніи.* Какіе-нибудь рабочіе сидятъ за обѣдомъ, въ городѣ, на открытомъ

воздухѣ, и картина этихъ рабочихъ выходитъ яркая и живая. А тутъ страсть, любовь, скитающійся изгнанникъ, мученикъ свободы, и влюбленная дѣвушка, пугливо охраняющая свою тайну, и ничего изъ всего этого богатаго матеріала не выходитъ, кромѣ мертвыхъ, придуманныхъ разговоровъ, длинныхъ, холодныхъ разсужденій, однообразно умно вертящихся около одной точки. *Не удалось автору «Обрыва», рѣшительно не удалось «молодое поколѣніе»*!

Представители, взятые имъ, претендуютъ на замѣчательныя качества души, Маркъ на остроуміе и смѣлость мысли, Вѣра на умъ, чувство, поэзію, страсть, и пр., и пр. А между тѣмъ, оба представителя оказываются крайне мелкими и посредственными натурами, и «дѣти» Гончарова не только не изображаютъ, какъ по многимъ мѣстамъ романа слѣдовало бы ожидать, момента высшаго сравнительно съ «отцами», но напротивъ, настолько же ниже «отцовъ» въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, насколько ихъ изображеніе ниже изображенія «отцовъ» въ эстетическомъ.

Исторія любви Вѣры и ея паденія есть главная основа всего романа, и долгое, нерѣшительное приготовленіе этого паденія, долгая борьба Вѣры противъ собственной страсти—главная пружина интереса въ произведеніи Гончарова.

Содержаніе четвертой части почти исключительно заключается въ томъ, что моментъ этого паденія откладывается и еще откладывается, а между тѣмъ дѣлается все неизбѣжнѣе. Это тѣмъ невыносимѣе, что ничѣмъ не выкупается для читателя.

Ничтожество характеровъ Вѣры и Марка находится въ яркомъ контрастѣ съ тѣмъ значеніемъ и вѣсомъ, которые приданы имъ въ романѣ. Увлеченіе самаго низменнаго свойства получаетъ, благодаря фальшивому освѣщенію, характеръ какого-то рокового величія. Обыкновенная исторія, какъ можно было бы назвать и это произведеніе Гончарова, насильственно обращается въ грандіозную трагедію. Грязный Маркъ и незначительная Вѣра окружаются какимъ-то поэтическимъ ореоломъ.

Авторъ не сумѣлъ или не захотѣлъ взглянуть на исторію Марка и Вѣры такъ же просто, какъ онъ смотритъ на Савелія и Марину, хотя, вдобавокъ, Савелій и Марина несравненно поэтичнѣе Вѣры съ Маркомъ.

Въ совершенную противоположность той трезвой простотѣ, которая составляетъ отличительный признакъ таланта Гончарова и господствуетъ на каждой страницѣ «Обыкновенной исторіи» и «Обломова», въ новомъ его романѣ появляется элементъ *напряженной реторики.*

Эта реторика, эта *ходульность*, господствующія въ изображеніи Вѣры, дѣлаются все ощутительнѣе, по мѣрѣ того, какъ подвигается романъ: болѣе всего преобладаютъ онѣ въ пятой части, чтеніе которой значительно затрудняется этимъ элементомъ.

Авторъ, очевидно, поставилъ себѣ задачу, которая лежитъ или внѣ круга его реальныхъ наблюденій, или внѣ области его дарованія.

Онъ захотѣлъ изобразить столкновеніе между старымъ воспитаніемъ и новыми идеями, между обаяніемъ авторитета и вѣяніемъ революціи, между силой старыхъ убѣжденій и силой новыхъ требованій.

Нѣчто подобное, но безъ всякаго участія театральныхъ эффектовъ, потрясающихъ сценъ, обмороковъ и сомнамбулизма, изобразилъ Тургеневъ въ своихъ „Отцахъ и дѣтяхъ". Романъ этотъ не имѣетъ того богатства интересныхъ подробностей, той тщательной отдѣлки реальныхъ миніатюръ, которыми плѣняетъ „Обрывъ"; но зато въ немъ дѣйствительно изображено столкновеніе, и люди, выражающіе его, выказываются не прибѣгая къ оскорбляющей смыслъ мелодраматической натяжкѣ. Нигилистъ Тургенева несравненно порядочнѣе нежели нигилистъ Гончарова, и все-таки не находится въ его обстановкѣ ни одной дѣвушки, которая бы произвела его въ свои герои и кинулась бы ему на шею. Тургеневъ вполнѣ обошелся безъ тѣхъ рѣзкихъ красокъ, которыя мы находимъ въ „Обрывѣ" и которыя такъ неумѣстны въ романѣ съ содержаніемъ изъ современной жизни, гдѣ читатель болѣе чѣмъ гдѣ-либо контролируетъ фантазію поэта и скорѣе всего почувствуетъ малѣйшую натяжку и неестественность. Главное же преимущество романа Тургенева предъ романомъ Гончарова то, что лица перваго вышли именно тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ ихъ сдѣлать авторъ, что ни одинъ изъ нихъ не занялъ мѣста не по чину, что ни одному изъ нихъ не приписываются авторомъ возвышенныя качества, которыхъ на повѣрку у него не оказывается. Борьба въ современномъ русскомъ обществѣ понятій и ученій, отношенія между собой различныхъ кружковъ, придерживающихся того или другого строя убѣжденій, все это издавна составляетъ область дарованія Тургенева. Совсѣмъ иного рода область, въ которой торжествуетъ талантъ Гончарова. *Борьба, движеніе и дѣятельность ему антипатичны. Его сфера—покой и старина.* И потому, покусившись на анализъ высшихъ натуръ, Гончаровъ не про-

извелъ ничего *кромѣ бѣдныхъ абстракцій, кромѣ сбивчивыхъ и противорѣчивыхъ призраковъ, съ притязаніями на глубокій трагическій смыслъ, но безъ политическаго содержанія или жизненной правды.*

То, что мы имѣемъ противъ Райскаго и Марка, какъ представителей молодого поколѣнія, вѣроятно, сознавалъ и Гончаровъ; вѣроятно, и онъ видѣлъ, что безсильный дилетантизмъ одного и грязная распущенность другого не составляютъ достойнаго контраста, достойнаго pendant къ возвышенной фигурѣ бабушки, къ симпатичнымъ личностямъ Тита Никоныча, Марѳиньки, Леонтія и другихъ; что и героиня романа, Вѣра, по крайней мѣрѣ, болѣзненное и ненормальное явленіе.

Гончаровъ, такъ сказать, очистилъ свою совѣсть предъ молодымъ поколѣніемъ, играющимъ столь незавидную роль въ его романѣ, тѣмъ, что изобразилъ еще одного представителя молодого поколѣнія, но на этотъ разъ уже *совершеннаго и безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ.* Мы разумѣемъ Ивана Ивановича *Тушина*, лѣсного помѣщика и «друга» Вѣры (почему это именно Тушинъ удостоился быть ея другомъ, а не Райскій, не Викентьевъ и не Ватутинъ, мы никогда не поймемъ).

Причислили мы его къ молодому поколѣнію за раціональное хозяйство, которое онъ завелъ у себя въ лѣсу,—черта, старому поколѣнію несвойственная. Тушинъ *благодѣтель своихъ крестьянъ, отличный администраторъ, отличный лѣсной хозяинъ, верхъ благородства и аккуратности, нравственный и промышленный идеалъ.*

Онъ относится къ Райскому, *какъ Штольцъ къ Обломову;* даже Вѣра въ концѣ романа, хотя не влюбляется, но собирается влюбиться въ Тушина,—черта, соотвѣтствующая любви Ольги къ Штольцу.

Со Штольцемъ онъ имѣетъ еще и то общее, что онъ—*чистѣйшая абстракція, извѣстная сумма высокихъ душевныхъ и хозяйственныхъ качествъ,* и то что въ этомъ идеалѣ *технологія и сельское хозяйство играютъ свою необходимую роль.*

Несмотря на всю доброту, на все великодушіе, которое авторъ заставляетъ выказывать Тушина, мы рѣшительно не видимъ въ этомъ господинѣ ни малѣйшей живой черты.

Прекрасныя качества добродѣтельныхъ идеаловъ Гончарова чисто отрицательныя. Они свободны отъ тѣхъ пороковъ, отъ тѣхъ увлеченій, отъ того неблагоразумія, которыя мы видимъ въ остальныхъ персоналахъ Гончарова; но сами по себѣ они не представляютъ *ни одной выпуклой, индивидуальной черты*, которая могла бы залечь въ память или заинтересовать воображеніе.

Это гладкія, сытыя, здоровыя лица, необыкновенно чистыя, безъ малѣйшаго родимаго пятнышка, бородавки, рябинки или веснушки, но также и безъ малѣйшаго слѣда выраженія.

Впрочемъ, несмотря на отвлеченность и безжизненность характера Штольца, онъ все-таки въ художественномъ отношеніи выше Тушина, такъ какъ онъ всѣми нитями связанъ съ ходомъ развитія «*Обломова*», такъ какъ его личность, хотя и неудачно обрисованная, для сюжета этого романа необходима.

Тушинъ же, несмотря на свою образцовую дѣятельность, *именно въ романѣ Гончарова ничего не дѣлаетъ*, исключая развѣ то обстоятельство, что онъ въ немъ является почтальономъ, относящимъ отказъ Вѣры къ Марку Волохову.

Но отнести это письмо могла бы и Марина, относившая уже столько другихъ писемъ своей барышни.

Мы не можемъ, по отношенію къ Гончарову, быть строгими судьями экономіи числа дѣйствующихъ лицъ. Увлекательный талантъ въ эпизодахъ, повсюду обнаруживаемый нашимъ авторомъ, вполнѣ оправдываетъ его роскошь въ этомъ отношеніи. Пусть многія лица безполезны, но они схвачены мѣтко и преданы живо. Но это соображеніе совсѣмъ не можетъ относиться къ Тушину. Онъ столь же неинтересенъ самъ по себѣ, сколько не нуженъ въ канвѣ романа. Въ довершеніе производимой имъ скуки, онъ больше всего выступаетъ впередъ послѣ катастрофы Вѣры, когда *ея* романъ уже нашелъ трагическую развязку и, повидимому, автору слѣдовало бы кончить. Но авторъ, вмѣсто того, чтобы кончить, везетъ Райскаго въ усадьбу Тушина и заставляетъ его удивляться этой «простой, открытой личности» и ея лѣсопильному заводу. Въ той части романа, гдѣ читатель подвергается скукѣ этой назидательной поѣздки, нельзя вообще не видѣть признаковъ

величайшаго утомленія, легко объяснимаго послѣ такого большого сочиненія, широко задуманнаго и въ первыхъ, давно написанныхъ, частяхъ исполненнаго прекрасно. Авторъ, очевидно, вынуждалъ себя окончить свой романъ, заглядывая въ прежде написанное, заботясь о тѣснѣйшемъ единствѣ, повторялъ прежніе признаки, выраженія, обычные поступки своихъ лицъ (въ пятой части довольно много такихъ повтореній), но несмотря на всѣ свои усилія и на все свое остроуміе, не могъ уже вдохнуть жизнь въ охладѣвшіе члены этихъ нѣкогда полныхъ страсти и движенія фигуръ, умершихъ въ долгій срокъ писанія романа. И вотъ на смѣну живыхъ, полныхъ значенія и интереса лицъ, является блѣдный и искусственный характеръ, олицетворенная мораль басни, каллиграфическая пропись, живо напоминающая того «добродѣтельнаго человѣка», котораго Гоголь не захотѣлъ взять героемъ «Мертвыхъ душъ». Злая и безпощадная характеристика гоголевскаго «добродѣтельнаго человѣка» невольно приходитъ на умъ, когда читаешь описанія добродѣтелей Тушина; остается, конечно, радоваться, что и Гончаровъ, собственно говоря, не взялъ себѣ добродѣтельнаго человѣка въ герои романа, а помѣстилъ его на скромный третій планъ.

Мы окончили нашъ обзоръ дѣйствующихъ лицъ новаго романа Гончарова. По нашему убѣжденію, въ этомъ произведеніи второстепенныя и вводныя лица большею частью удачны, но зато главныя (кромѣ бабушки) нарисованы и освѣщены фальшиво. Истинный интересъ романа заключается не въ содержаніи его, а въ постороннихъ, эпизодическихъ описаніяхъ и характеристикахъ. Особенно богата такими эпизодическими красотами вторая часть, а также тотъ отдѣлъ первой, который посвященъ бабушкѣ. Эти характеристики правдивы, закончены и поэтичны; но тѣмъ мизернѣе является главное содержаніе романа и тѣмъ рѣзче выступаетъ фальшь главныхъ фигуръ. Поэтическій талантъ Гончарова еще разъ сказался въ деталяхъ новаго романа со всею своею силой, съ тою силой, вдохновенныя проявленія которой давно восхищали насъ въ «Обыкновенной исторіи» и въ «Обломовѣ». И если новый романъ по основной канвѣ, по общей формѣ, представляетъ цѣлое фальшивое, натянутое, плодъ рефлексіи безъ

вдохновенія, а потому необходимо заблуждающейся, то въ тѣхъ частностяхъ, которыя мы старались указать, въ деталяхъ будничной, старомодной, провинціальной жизни, «Обрывъ» представляетъ богатый запасъ поэзіи, наблюдательности, тонкаго юмора и теплаго чувства, и живо напоминаетъ лучшія страницы прежнихъ произведеній нашего автора.

И. Нелюбовъ.

Отношеніе Гончарова къ прошлому.

(Два типа писателей.—Въ прошломъ находится для Гончарова источникъ свѣта, озаряющаго созданные имъ характеры.—Отъ современности вѣетъ холодомъ.—Люди будущаго кажутся призраками въ сравненіи съ живыми людьми прошлаго.—Бабушка—представительница патріархальнаго быта.—Какое здоровье, какая крѣпость духа!—Ближе къ природѣ, и потому здоровѣе и проще.—Гончаровъ чувствуетъ своей совѣстью ложь и безобразіе прошлаго, но онъ видитъ и красоту прошлаго.—Марѳинька—самое идеальное и нѣжное воплощеніе всего, что было хорошаго въ старой помѣщичьей жизни.—Счастливая гармонія съ окружающей природой.—„Я здѣшняя!"—Великая заповѣдь любви.—Деспотизмъ и ограниченность феодальныхъ понятій бабушки. Сила и героизмъ ея: свѣжіе соки подъ старой корой.—Состраданіе.—Параллель между Райскимъ и бабушкой: холодное сознаніе и чувство.—Слитіе поэзіи прошлаго съ поэзіей вѣчнаго въ Вѣрѣ.—Вѣра судитъ, выбираетъ изъ прошлаго то, что кажется ей вѣчнымъ.—Свободная оцѣнка взглядовъ Марка.—Вѣчный идеалъ любви.—Вѣра въ божественное начало человѣческой совѣсти.—Трагизмъ положенія Вѣры.—Вѣра—воплощеніе души человѣка).

Однажды бабушка, дѣлая съ Райскимъ городскіе визиты, завезла его по дорогѣ къ старичкамъ Молочковымъ. «Вотъ примѣръ всякому, замѣтила она: прожили вѣкъ—какъ-будто проспали. Ни дѣтей у нихъ нѣтъ, ни родныхъ. Дремлютъ, да живутъ». Далѣе авторъ съ нѣжностью говоритъ уже отъ себя: «какіе добрые, тихіе, задумчивые, хорошенькіе старички! Оба такіе чистенькіе, такъ свѣжо одѣты; онъ выбритъ, она въ сѣдыхъ букляхъ, такъ тихо говорятъ, такъ любовно смотрятъ другъ на друга, и такъ имъ хорошо въ темныхъ прохладныхъ комнатахъ съ опущенными сторами. И въ жизни, должно быть, хорошо!»

Вся эта картинка озарена *лучомъ тихой поэзіи*. Забываешь судить старичковъ за пустую, лѣнивую жизнь и только наслаждаешься угасающимъ отблескомъ далекаго прошлаго.

Есть *два типа писателей:* одни, какъ Лермонтовъ, Байронъ, Достоевскій, съ жадностью и тревогой смотрятъ впередъ, не могутъ ни на чемъ остановиться, идутъ къ неизвѣданному, не любятъ и не знаютъ прошлаго, стремятся уловить еще несознанныя чувства, горятъ, волнуются, негодуютъ и умираютъ, непримиренные.

Другіе, какъ Вальтеръ-Скоттъ и Гончаровъ, смотрятъ съ благодарностью назадъ, подолгу и съ любовью останавливаются на стройныхъ и завершенныхъ формахъ дѣйствительности, предпочитаютъ прошлое—будущему, извѣстное—неизвѣданному, тихія глубины жизни—взволнованной поверхности, любуются, какъ на высотахъ меркнутъ послѣдніе лучи заката, и жалѣютъ угасшаго дня.

Они понимаютъ поэзію прошлаго.

Въ прошломъ находится для Гончарова *источникъ свѣта, озаряющаго созданные имъ характеры.*

Чѣмъ ближе къ свѣту, тѣми они ярче. *Безсмертные образы*—бабушка, Марѳинька, крѣпостная дворня, хозяйка Обломова, мать Адуева—*все это люди прошлаго*, совсѣмъ или почти совсѣмъ нетронутые современностью. Въ переходныхъ типахъ, какъ въ Райскомъ, въ Александрѣ Адуевѣ, все-таки ярче сторона, обращенная къ свѣту, т. е. къ прошлому, къ воспитанію, воспоминаніямъ дѣтства, къ родной деревнѣ.

Современность представляется Гончарову сѣрымъ и дождливымъ петербургскимъ утромъ; отъ нея вѣетъ холодомъ; въ ея тускломъ свѣтѣ потухаютъ всѣ краски поэзіи, и являются мертвыя, нехудожественныя фигуры—Штольцъ въ «Обломовѣ», дядя въ «Обыкновенной исторіи», Тушинъ въ «Обрывѣ».

Люди будущаго кажутся призраками въ сравненіи съ живыми людьми прошлаго.

Въ исторіи бываютъ періоды, когда жизнь на время устаетъ творить, отдыхаетъ и наслаждается законченными формами. Люди не ищутъ, не критикуютъ, свято вѣрятъ въ авторитетъ и посвоему счастливы. Даже человѣку, отрицавшему всѣ авторитеты и вѣрованія прошлаго—Райскому,

«нравилась эта простота формъ жизни, эта опредѣленная рама, въ которой пріютился человѣкъ». Норма существованія была «готова и преподана родителями, а тѣ приняли ее, тоже готовую, отъ дѣдушки, а дѣдушка отъ прадѣдушки, съ завѣтомъ блюсти ея цѣлость и неприкосновенность, какъ огонь Весты».

Бабушка—представительница патріархальнаго быта—«говоритъ языкомъ преданій, сыплетъ пословицы, готовыя сентенціи старой мудрости, и весь наружный обрядъ жизни исполняется у нея по затверженнымъ правиламъ». Горизонтъ ея весьма ограниченъ: онъ «кончается съ одной стороны полями, съ другой—Волгой и ея горами, съ третьей—городомъ, а съ четвертой—дорогой въ міръ, до котораго ей дѣла нѣтъ». Зато, несмотря на старость, *какое здоровье, какая крѣпость духа!* «Всякій день былъ для нея какъ-будто новымъ, свѣжимъ цвѣткомъ, отъ котораго на завтра она ожидала плодовъ».

Огражденная преданіями, покорная традиціямъ, *жизнь прошлаго текла свѣтло и мирно въ глубокомъ, вѣковомъ руслѣ.* Она была *ближе къ природѣ,* и потому *здоровѣе и проще,* чѣмъ наша жизнь.

Къ такому выводу приходитъ Райскій, наблюдая нравы и бытъ въ имѣніи бабушки.

«Здѣсь не было ни въ комъ претензіи казаться чѣмъ-нибудь другимъ, лучше, выше, умнѣе, нравственнѣе, *а между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, оно было выше, нравственнѣе, нежели казалось, и едва ли не умнѣе.* Тамъ, въ кучѣ людей съ развитыми понятіями, бьются изъ того, чтобы быть проще, и не умѣютъ; здѣсь, не думая о томъ, всѣ просты, никто не лѣзъ изъ кожи поддѣлаться подъ простоту».

Но вотъ для полноты картины маленькій уголокъ оборотной стороны: «Захаръ, какъ бывало нянька, напяливаетъ ему (т. е. барину Обломову) чулки, надѣваетъ башмаки, а Илюша, уже четырнадцатилѣтній мальчикъ, только и знаетъ, что подставляетъ ему, лежа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не такъ, то онъ поддаетъ Захаркѣ ногой въ носъ».

И все-таки—признается Гончаровъ—«мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы

я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!»

Великій художникъ лучше и глубже сатирика *чувствуетъ своей совѣстью* ложь и безобразіе прошлаго, но ненависть не ослѣпляетъ его: *онъ видитъ и красоту, и поэзію прошлаго.*

Граціозный образъ *Марѳиньки—самое идеальное и нѣжное воплощеніе всего, что было хорошаго въ старой помѣщичьей жизни.* Марѳинька живетъ въ родной обстановкѣ такъ же привольно и радостно, какъ птица въ воздухѣ, рыба въ водѣ: ей ничего больше не надо.

Это—*полная счастливая гармонія съ окружающей природой*, не нарушенная ни однимъ ложнымъ звукомъ. «Чего не знаешь—съ наивностью признается Марѳинька—такъ и не хочется. Вотъ Вѣрочка, той все скучно: она часто груститъ, сидитъ, какъ каменная, все ей будто чужое здѣсь! Ей бы надо куда-нибудь уѣхать, она не здѣшняя. А я—ахъ, какъ мнѣ здѣсь хорошо: въ полѣ, съ цвѣтами, съ птицами, какъ дышется легко! Какъ весело, когда съѣдутся знакомые!.. Нѣтъ, нѣтъ, я здѣшняя, я вся вотъ изъ этого песочку, изъ этой травки! не хочу никуда».

Жизнь такъ прекрасна, что люди, несмотря на всѣ усилія, даже рабствомъ не могли ее испортить, и сквозь «обломовщину», сквозь крѣпостное право, пробивается она, чистая и вольная.

Пусть Марѳинька кажется намъ неразвитой, глупенькой дѣвочкой; пусть читаетъ только такіе романы, которые кончаются свадьбой, запираетъ лакомства въ особенный шкафикъ, - зато какой поэзіей, счастіемъ и добротой вѣетъ на насъ отъ этого сердца. Всѣ новѣйшія идеи Райскаго отскакиваютъ отъ нея. Но развѣ она не исполняетъ того, что умнѣе всѣхъ этихъ идей—*великую заповѣдь любви?* «Она дѣвкамъ даетъ старыя платья... Къ слѣпому старику носитъ чего-нибудь лакомаго поѣсть или даетъ немного денегъ. Знаетъ всѣхъ бабъ, даже ребятишекъ по именамъ, послѣднимъ покупаетъ башмаки, шьетъ рубашонки». Она любитъ дѣтей, любитъ жизнь вокругъ себя. *Ея нѣжная, женственная симпатія простирается еще дальше*, за предѣлы человѣческаго міра, на всю природу, на цвѣты, деревья, животныхъ...

Люди большихъ городовъ, суетной жизни, оторванные отъ природы, никогда не знавшіе патріархальнаго очага, едва-ли могутъ даже представить себѣ всю силу этой первобытной, физической и вмѣстѣ съ тѣмъ сердечной любви къ родной землѣ. Они похожи на цвѣты, лишенные корней, перенесенные изъ лѣса въ комнату. *Марѳинька—это цвѣтокъ, растущій на волѣ, пустившій корни глубоко въ родную землю.*

Характеръ *бабушки*—одно изъ лучшихъ созданій Гончарова.

Несмотря на старость, *въ ней столько же здоровья, счастья и бодрости, сколько и въ Марѳинькѣ.* «Видно, что ей живется крѣпко, хорошо; что она, если и борется, то не даетъ одолѣвать себя жизни, а сама одолѣваетъ жизнь и тратитъ силы въ этой борьбѣ скупо... Голосъ у нея не такъ звонокъ, какъ прежде, да ходитъ она теперь съ тростью, но не горбится, не жалуется на недуги. Такъ же она безъ чепца, такъ же острижена коротко, и тотъ же, блещущій здоровьемъ и добротой взглядъ озаряетъ все лицо, не только лицо, всю ея фигуру».

Авторъ не думаетъ идеализировать бабушку: онъ не скрываетъ, что иногда она можетъ быть *деспотомъ*. Малѣйшее сомнѣніе въ законности крѣпостного права въ ея глазахъ—нелѣпость. «Просить своихъ подчиненныхъ бабушка не могла, это было не въ ея феодальной натурѣ. «Человѣкъ», лакей, слуга, дѣвка—все это навсегда, несмотря ни на что, оставалось для нея «человѣкомъ», лакеемъ, слугой и дѣвкой». «Различія между «людьми» и господами никогда и ничто не могло истребить. Она была въ мѣру строга, въ мѣру снисходительна, человѣколюбива, но все въ размѣрахъ барскихъ понятій». *А кругъ феодальныхъ понятій весьма ограниченъ.* «Борюшка, ты не огорчай бабушку—упрашиваетъ она племянника—дай дожить ей до такой радости, чтобъ увидѣть тебя въ гвардейскомъ мундирѣ: молодцомъ пріѣзжай сюда... да женись на богатой».

Но предразсудки и ограниченность поверхностны: это кора стараго могучаго дерева, подъ которой свѣжіе соки; вотъ почему такіе зеленые листья на столѣтнемъ деревѣ.

Когда того требуетъ долгъ, бабушка стряхиваетъ съ себя всѣ предразсудки, и *героическая сила ея простой души*

напоминаетъ намъ, въ самомъ дѣлѣ, *тѣхъ древнихъ женщинъ, съ которыми сравниваетъ ее Гончаровъ.*

Впрочемъ, трудно сказать, чего больше въ ея сердцѣ— *силы или нѣжности.*

Послѣ паденія Вѣры, бабушка рѣшила признаться ей въ собственномъ молодомъ грѣхѣ, чтобы облегчить неопытную совѣсть. «Надо! Онъ велитъ смириться—говорила старуха, указывая на небо,—просить у внучки прощенья. Прости меня, Вѣра, прежде ты: тогда и я могу простить тебя... Напрасно я хотѣла обойти тайну, умереть съ ней... Я погубила тебя своимъ грѣхомъ»...

И бабушка признается, что въ молодости тоже любила не безгрѣшной любовью, что на совѣсти у нея паденіе, какъ у Вѣры.

Состраданіе одно только могло сломить непобѣдимую гордость бабушки, и намъ почти страшно, когда мы видимъ эту величавую старуху униженной, смиренной и робко молящей у ногъ любимой внучки. Вѣра спасена признаніемъ, она въ первый разъ послѣ болѣзни тихо уснула. «Милосердуй надъ ней—молилась бабушка—и если не исполнилась еще мѣра гнѣва твоего, отведи его отъ нея и ударь опять въ мою сѣдую голову».

Вотъ какую *параллель* проводитъ Райскій между собой и бабушкой, т. е. *между переходнымъ раздвоеннымъ типомъ современности и законченнымъ характеромъ прошлаго:* «я бьюсь,—размышляетъ онъ—чтобы быть добрымъ: бабушка не подумала объ этомъ никогда, а гуманна и добра. Я недовѣрчивъ, холоденъ къ людямъ и горячъ только къ созданіямъ своей фантазіи—бабушка горяча къ ближнему и вѣритъ во все. Я вижу, гдѣ обманъ; знаю, что все—иллюзія, и не могу ни къ чему привязаться, не нахожу ни въ чемъ примиренія; бабушка не подозрѣваетъ обмана ни въ чемъ и ни въ комъ, кромѣ купцовъ, и любовь ея, снисхожденіе, доброта покоятся на тепломъ довѣріи къ добру и къ людямъ. Если я бываю снисходителенъ, такъ это изъ холоднаго сознанія принципа, у бабушки весь принципъ въ чувствѣ, въ симпатіи, въ ея натурѣ. Я ничего не дѣлаю, она весь вѣкъ трудится».

Поэзія прошлаго началась еще тамъ—*въ голубиномъ, кроткомъ сердцѣ Обломова*; она *сдѣлалась благоуханной и дѣв-*

ственно-нѣжной въ Марѳинькѣ; высокой и величавой въ бабушкѣ, и, наконецъ, *поэзія прошлаго слилась съ поэзіей вѣчнаго въ образѣ Вѣры.*

«*Что за нѣжное, неуловимое созданіе!*»—думаетъ Райскій про Вѣру—«какая противоположность съ сестрой: та—лучъ, тепло и свѣтъ; эта вся—мерцаніе и тайна, какъ ночь, полная мглы и искръ, прелести и чудесъ». Красоту ея онъ называетъ «язвительной». Ему «блеститъ въ глаза эта сіяющая, таинственная ночь опасной, безотрадной красотой».

Марѳинька робко и беззаботно подчиняется традиціямъ прошлаго; Вѣра судитъ, выбираетъ изъ прошлаго то, что кажется ей вѣчнымъ, и тогда только принимаетъ его въ свою душу, но все-таки остается свободной и гордой.

Она любитъ Марка Волохова, какъ человѣка, но чувствуетъ себя умственно равной ему, если не выше, и *смотритъ на его теоріи* о новомъ устройствѣ общества *такъ же независимо и смѣло, какъ на вѣрованія бабушки.* Она сознаетъ, что въ ученіи Волохова есть какая-то сила и правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ понимаетъ его односторонность и жестокость.

Вотъ какъ относится она къ этому ученію: «дѣло пока ограничивалось безпощаднымъ отрицаніемъ всего, во что вѣритъ, что любитъ и на что надѣется живущее большинство. Маркъ клеймилъ это враждой и презрѣніемъ, но Вѣра сама многаго не признаетъ въ старомъ свѣтѣ. Она и безъ него видитъ и знаетъ болѣзни: ей нужно знать, гдѣ Америка?» А онъ «показываетъ ей только рядъ могилъ, готовыхъ поглотить все, чѣмъ жило общество до сихъ поръ... Онъ, во имя истины, развѣнчалъ человѣка въ одинъ животный организмъ, отнявши у него другую, не-животную сторону. Въ чувствахъ видѣлъ только рядъ кратковременныхъ встрѣчъ и грубыхъ наслажденій, обнажая ихъ даже отъ всякихъ иллюзій, составляющихъ роскошь человѣка, въ которой отказано животному».

Вотъ съ чѣмъ Вѣра никогда не примирится: она беретъ изъ прошлаго, изъ Евангелія, изъ собственнаго сердца *вѣчный идеалъ любви*, противопоставляя его безпощадному отрицанію Марка. А для Марка остается непонятнымъ, откуда у этой неопытной дѣвушки такая сила, передъ которой, даже отрицая ее, онъ не можетъ не склонить головы.

Она пожертвуетъ счастіемъ, любовью, жизнью, но не отступитъ ни на іоту отъ завѣтной вѣры, потому что эта вѣра—вся ея душа.

Она вѣритъ въ божественное начало человѣческой совѣсти—Маркъ не вѣритъ въ него или старается не вѣрить.

И они должны разойтись, не вслѣдствіе случайнаго паденія Вѣры, а потому, что въ самой основѣ ихъ жизни нѣтъ ничего общаго. «Живите вашей жизнью, Маркъ,—говоритъ она Волохову—я не могу... у нея нѣтъ корня...»—«Ваши корни подгнили давно, Вѣра!..» «Что дѣлать, Боже мой!—восклицаетъ она въ отчаяніи.—Онъ не вѣритъ, не идетъ! Какъ вразумить васъ?»

Трагизмъ ея положенія заключается въ томъ, что она не принадлежитъ всецѣло ни прошлому, ни настоящему. Она стоитъ между ними и не хочетъ примирить ихъ, и жаждетъ несозданнаго будущаго.

Передъ бабушкой она искренно готова защищать Волохова, передъ Волоховымъ—бабушку. Если бы она могла соединить новую правду Марка съ тѣмъ вѣчнымъ, чѣмъ она дорожитъ въ прошломъ человѣчества!

Но ни бабушка, ни Волоховъ не понимаютъ ея, и она знаетъ, что они никогда не поймутъ. Вотъ почему она такая скрытная и нелюдимая, несмотря на всю бездну любви, заключенную въ ея сердцѣ.

Въ «Обрывѣ» есть одна сцена: Вѣра, только что простившись съ Маркомъ послѣ долгаго, мучительнаго и безплоднаго спора, уходитъ отъ него, чувствуя себя, какъ всегда, одинокой и непонятой. «Правда и свѣтъ», сказалъ онъ—думала она, идучи,—гдѣ же вы? Тамъ ли, гдѣ онъ говоритъ, куда влечетъ меня... сердце? И сердце ли это? Или правда здѣсь?..—говорила она, выходя въ поле и подходя къ часовнѣ». Въ этой часовнѣ была икона Спасителя древней византійской работы съ непонятными, добрыми и, вмѣстѣ съ тѣмъ, строгими очами. Ни разу, возвращаясь со свиданья съ Маркомъ, не могла Вѣра пройти мимо нея безъ молитвы или тайнаго смущенія. И теперь «молча, глубоко глядѣла она въ смотрящій на нее задумчивый взоръ образа.

— Ужели онъ не пойметъ этого никогда и не воротится—ни сюда... къ этой вѣчной правдѣ... ни ко мнѣ:

къ правдѣ моей любви?—шептали ея губы—никогда! какое ужасное слово!»

Эта сцена поднимаетъ читателя на такую высоту, съ которой невольно начинаешь смотрѣть *на Вѣру, какъ на воплощеніе* души человѣка.

Вѣдь и она, какъ Вѣра, стоитъ въ нерѣшимости и скорби между двумя безднами. Куда идти? Маркъ велитъ разрушить наукой и разумомъ божественныя вѣрованія сердца и за нихъ обѣщаетъ великое счастіе на землѣ. А добрый, таинственный взоръ Спасителя зоветъ къ себѣ, къ вѣчному, неземному, къ небесной любви...

Д. С. Мережковскій.

Гончаровъ и мѣщанство.

(*Гончаровъ*, какъ апологетъ и проповѣдникъ мѣщанскихъ идеаловъ и идеологъ этическаго мѣщанства.—„Обыкновенная исторія",—типъ Адуева-дяди; ошибка Бѣлинскаго.—Адуевъ, какъ положительный типъ; характерность его; „адуевщина" эпохи оффиціальнаго мѣщанства.—Дальнѣйшее развитіе этого типа въ Штольцѣ.—„Обломовъ", Обломовъ, какъ переходъ отъ растительности къ мѣщанству.—Штольцъ; эволюція адуевщины.—„Обрывъ"; безсиліе Гончарова построить типъ не мѣщанскій (Волоховъ).—Преемникъ Адуева и Штольца—Тушинъ.—Гончаровъ и его герои; знакъ равенства между ними.—Гончаровъ-Адуевъ въ кругосвѣтномъ плаваніи; „Фрегатъ Паллада"; плаваніе по казенной надобности).

Гончаровъ—*самое яркое воплощеніе этическаго мѣщанства въ русской литературѣ.*

Безсознательный апологетъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства, *сознательный проповѣдникъ мѣщанскихъ идеаловъ*, онъ въ трехъ своихъ романахъ далъ евангеліе этическаго мѣщанства, онъ закрѣпилъ и утвердилъ то, что Гоголь стремился разрушить.

Онъ изъ картоннаго гоголевскаго Костанжогло попробовалъ сдѣлать идеальнаго живого мѣщанина *Штольца*; и если онъ въ этомъ потерпѣлъ фіаско, то лишь потому, что пѣснь торжествующаго мѣщанства была въ то же время лебединой его пѣснью: пока Гоголь погибалъ, безоружный, въ неравной борьбѣ, русская ителлигенція 30-хъ и 40-хъ

годовъ приступомъ взяла цитадель мѣщанства, подвела подкопъ подъ систему оффиціальнаго мѣщанства и громовой взрывъ шестидесятыхъ годовъ раздался какъ разъ въ то время, когда Гончаровъ представилъ русскому обществу своего Штольца въ видѣ идеала человѣка и мѣщанина...

Гончаровъ смѣло можетъ быть названъ идеологомъ этическаго мѣщанства, несмотря на всю свою пресловутую «объективность», а отчасти и благодаря ей. Дѣйствительно, онъ относится ко всѣмъ своимъ героямъ «*объективно*», т. е. по его же собственному толкованію, *безпристрастно и безстрастно*, sine ira, но это, какъ увидимъ ниже, отнюдь не исключаетъ его *ярко выраженной симпатіи* ко всему мѣщанскому и не мѣшаетъ даже проводить *свои чисто субъективные взгляды*.

«Обыкновенная исторія»—первый романъ Гончарова—появилась на самомъ рубежѣ тяжелаго семилѣтья, въ началѣ террора системы оффиціальнаго мѣщанства, въ 1847 году. Гончарову было тогда уже подъ сорокъ лѣтъ; лучшіе годы своей жизни онъ прожилъ подъ ферулою убивающей личность системы, и, самъ того не сознавая, *вполнѣ усвоилъ принципы и идеалы оффиціальнаго мѣщанства*.

Какъ писатель, онъ въ совершенствѣ овладѣлъ острымъ оружіемъ реализма; болѣе того, въ своемъ романѣ онъ задался цѣлью *осмѣять умирающій ультра-романтизмъ*, а свои мѣщанскіе идеалы выставить съ оружіемъ реализма въ рукахъ противъ осмѣянныхъ романтическихъ идеаловъ.

Насколько ловко задуманнымъ и безупречно выполненнымъ оказался этотъ планъ, видно изъ того, что на удочку Гончарова попался даже Бѣлинскій.

Въ ненависти противъ отмирающаго романтизма Бѣлинскій шелъ еще дальше Гончарова; но Бѣлинскій ненавидѣлъ въ псевдо-романтизмѣ его мѣщанство, а что могъ ненавидѣть въ немъ Гончаровъ? Онъ обратилъ вниманіе на тѣ черты *племянника-Адуева*, которыя вовсе не были характерны для романтика вообще — во всякомъ случаѣ для романтика 40-хъ годовъ; онъ забылъ, что со времени трагической кончины Владимира Ленскаго уже не мало воды утекло, и нарисовалъ *фигуру сентиментальнаго романтика*.

Передъ нами сентиментальный романтикъ, наивный, чуть глуповатый и не вылощенный: вѣдь онъ вскормленъ

и воспитанъ глухой деревней. а не monsieur Abbé; въ первый періодъ своей жизни, до знакомства съ «безпощаднымъ анализомъ» дядюшки Адуева, онъ *совершенно родственъ Владиміру Ленскому.*

Позднѣе онъ приближается къ *Онѣгину* и *Печорину*: послѣ исторіи съ Наденькой онъ начинаетъ «байронствовать». по выраженію его дяди; онъ разочарованъ, онъ презираетъ женщинъ, онъ не вѣритъ въ любовь и пр., и пр.

Но *этотъ «демонизмъ» въ немъ чисто внѣшній*, для натуры Адуева-Ленскаго совершенно безпочвенный. Адуевъ перенимаетъ только внѣшніе пріемы (исторія съ Лизой): принимаетъ живописныя позы, устремляетъ въ даль грустно-задумчивый взоръ, говоритъ, что время любви для него миновало...

Кажется, еще двѣ-три черты и ему совершенно удастся закутаться въ тогу демонизма—но нѣтъ; время печоринства миновало безвозвратно, и въ этомъ случаѣ обмѣщанившійся Мефистофель дѣйствительно выглядываетъ изъ-за «безпощаднаго анализа» дяди Адуева: онъ совершенно вѣрно высмѣиваетъ въ племянникѣ обычную черту печоринства — ставитъ себя выше толпы, на что Адуевъ-Ленскій не имѣетъ ни права, ни основанія.

Впрочемъ, это онъ и самъ сознаетъ, почему *начинаетъ ненавидѣть не только людей, но и себя*, а это уже шагъ впередъ; еще одинъ шагъ — и изъ Адуева-младшаго, послѣ этого кризиса, *могъ выработаться типичный человѣкъ 40-хъ годовъ*,—но на это у Гончарова не хватило связи съ общей жизнью историческаго момента, и онъ сдѣлалъ изъ племянника экземпляръ № 2 дяди Адуева.

На придуманность такого окончанія указалъ еще Бѣлинскій, называя эпилогъ романа «неудачнымъ и испорченнымъ»; въ этомъ сказалось характерное для Гончарова непониманіе эпохи, неумѣніе вникнуть въ общественныя теченія и настроенія.

Но не въ племянникѣ-Адуевѣ главное дѣло; хотя онъ и занимаетъ первый планъ, но совершенно подавляется стоящей на второмъ планѣ фигурою дяди—положительнымъ типомъ романа. Племянникъ-Адуевъ съ первой же встрѣчи съ дядей выставленъ съ такой нелѣпой стороны, что, пожалуй, не трудно почувствовать симпатіи къ умному и «дѣ-

ловому» дядѣ. На эту удочку попался Бѣлинскій, въ своемъ негодованіи противъ романтизма не замѣтившій отталкивающаго мѣщанства всей фигуры Адуева-старшаго, котораго онъ находитъ «исполненнымъ ума и здраваго смысла».

Дядя-Адуевъ дѣйствительно *человѣкъ дѣловой*: «надо дѣло дѣлать»—любимая его фраза. Теперь эта фраза вызываетъ въ насъ улыбку, такъ какъ сейчасъ же приводитъ на память профессора изъ «Дяди Вани» Чехова, — эту «сухую воблу» и мѣщанина во профессорствѣ, съ той же фразой на устахъ. Конечно, быть можетъ, что смѣшное теперь было вполнѣ серьезнымъ болѣе полувѣка назадъ; по крайней мѣрѣ самъ Гончаровъ относится къ Адуеву-старшему весьма почтительно, его мѣщанскую банальщину онъ склоненъ считать «безпощаднымъ анализомъ», въ то время какъ дядюшка сплошь да рядомъ изрекаетъ то труизмы, то мѣщанскую мораль.

Съ точки зрѣнія Гончарова дядя-Адуевъ является представителемъ труда и «живого дѣла въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ» (это живое дѣло заключается въ фабрикѣ дяди-Адуева); въ немъ мы якобы имѣемъ «твердое сознаніе необходимости дѣла, труда, знанія». Весьма почтенное сознаніе; но что́ мы видимъ на дѣлѣ? Передъ нами ясно и рельефно—какъ и всегда у Гончарова—вырисовывается *чиновникъ, кулакъ и мѣщанинъ*, считающій свой департаментъ и бумаги — истиннымъ дѣломъ, сѣкущій своихъ фабричныхъ и проповѣдующій плоскую мѣщанскую мораль.

Это *яркій представитель оффиціальнаго мѣщанства въ частной, домашней жизни.*

Основное его качество—*безстрастіе*, почти неизбѣжное слѣдствіе мѣщанской плоскости чувства; въ лицѣ его замѣчалась «*сдержанность*, т. е. умѣнье владѣть собой» и самъ онъ разсуждаетъ объ этомъ своемъ качествѣ съ настоящимъ самодовольствомъ мѣщанина: «велика фигура—человѣкъ съ сильными чувствами, съ огромными страстями! — изрекаетъ онъ;—мало-ли какіе есть темпераменты? Восторги, экзальтація: тутъ человѣкъ всего менѣе похожъ на человѣка и хвастаться нечѣмъ. Надо спросить, умѣетъ-ли онъ управлять чувствами; если умѣетъ, то и человѣкъ»...

Таковъ первый членъ его мѣщанскаго символа вѣры, который онъ излагаетъ, чтобы облить холодной водой «глупую восторженность» племянника.

Второй членъ этого символа вѣры — *узкій и холодный мѣщанскій эгоизмъ*; общеніе съ людьми онъ понимаетъ только какъ дѣловыя отношенія по службѣ; по вечерамъ — карты въ обществѣ солидныхъ людей, изрѣдка — дѣловой обѣдъ въ обществѣ непремѣнно почему-либо нужномъ: «что же даромъ-то кормить?»

Понятно, что при такихъ воззрѣніяхъ на жизнь и людей дядя-Адуевъ одинокъ въ жизни: *одиночество — частый спутникъ мѣщанскаго эгоизма.* У Адуева-старшаго нѣтъ друзей, нѣтъ близкаго человѣка, онъ «никогда не сближался ни съ кѣмъ до такой степени, чтобы жалѣть»; по его мнѣнію, «надо воздерживать себя, не навязывать никому своихъ впечатлѣній, потому, что до нихъ никому нѣтъ надобности». Сухой и черствый, дядя-Адуевъ представляетъ изъ себя лучшій экземпляръ разновидности эгоиста-мѣщанина.

Взгляды этого мѣщанина *на жизнь*—самые *чиновничьи*, самые *мѣщанскіе.* Выше всего въ жизни онъ ставитъ, разумѣется, *комфортъ*; жизнь для него—это деньги и служебное положеніе, «карьера и фортуна», а кромѣ этого все остальное ничто—недаромъ съ его точки зрѣнія жизнь есть озеро, полное грязи и тины.

И рѣшительно на все такой же мѣщанскій взглядъ; *талантъ* для него есть *капиталъ*, приносящій проценты; чѣмъ больше проценты, тѣмъ талантливѣе человѣкъ; *бѣдность—порокъ*, вызывающій омерзѣніе: «ѣсть, говоритъ, нечего,—передразниваетъ онъ воображаемаго бѣдняка:—я, говоритъ, женатъ, у меня, говоритъ, ужъ трое дѣтей, помогите, не могу прокормиться, я бѣденъ».—и кладетъ свою резолюцію: «бѣденъ! какая мерзость!»

Въ случаѣ надобности дядюшка-Адуевъ готовъ пустить въ ходъ благородную мораль: «жениться по разсчету—это низко»,—но не преминетъ сейчасъ же добавить мораль мѣщанскую: «но жениться безъ разсчета—это глупо». Такъ онъ и женится не по разсчету, но и не безъ разсчета; любовь для него—миѳъ, и недаромъ племянникъ говоритъ, что въ жилахъ дядюшки «течетъ молоко, а не кровь».

Жизнь для него ясна, размѣренна и опредѣленна; въ ней нѣтъ ни счастья, ни борьбы, ни волненій, а есть «просто жизнь, раздѣляющая поровну (замѣтьте себѣ, непремѣнно *поровну*!—тоже характерный признакъ для размѣреннаго мѣщанина) на добро и зло, на удовольствіе, удачу, здоровье, покой, потомъ на неудовольствіе, неудачу, безпокойство, болѣзни и проч... на все это надо смотрѣть просто».

Довольно всего этого, чтобы составить себѣ полное понятіе объ Адуевѣ-старшемъ; пропустимъ даже то, что онъ своимъ мѣщанствомъ загубилъ свою жену; и безъ этого добавочнаго штриха передъ нами стоитъ во всей своей красѣ типичная фигура мѣщанина, мѣщанина съ головы до пятъ, мѣщанина до малѣйшихъ деталей внѣшней и внутренней жизни. «Это какая то деревянная жизнь, — скажемъ мы вмѣстѣ съ романтикомъ Адуевымъ-младшимъ: — *прозябаніе, а не жизнь!*—прозябать безъ вдохновенья, безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви!»

Интересно отмѣтить, что *въ эпилогѣ Гончаровъ также испортилъ фигуру дяди, какъ и племянника*: изъ послѣдняго онъ не съумѣлъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія связи съ общей жизнью историческаго момента, сдѣлать типичнаго человѣка 40-хъ годовъ; перваго же онъ зачѣмъ-то счелъ нужнымъ въ концѣ романа смягчить, заставить хоть отчасти *принести повинную въ своемъ мѣщанствѣ*, въ своей деревянности.

Дяди-Адуевъ на порогѣ полученія чина тайнаго совѣтника выходитъ въ отставку, собирается ѣхать въ Италію, и даже восклицаетъ: «полно жить этой деревянной жизнью!» Наконецъ-то сознался! Все это весьма утѣшительно и похвально, но, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно; уже поздно изъявлять желаніе «жить не одной головой»; поздно считать себя способнымъ къ жертвѣ — слишкомъ поздно, и хотя весьма добродѣтельно, но настолько же и маловѣроятно.

Самый типъ теряетъ отъ этого въ выдержанности, такъ какъ въ читателѣ успѣваетъ уже слишкомъ прочно вкорениться впечатлѣніе безпросвѣтнаго мѣщанства Петра Ивановича Адуева, перваго положительнаго типа Гончарова.

Познакомившись съ дядей-Адуевымъ, вы невольно вспоминаете, что когда-то встрѣчались съ нимъ уже и раньше, и не только съ однимъ Адуевымъ-старшимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ его племянникомъ. Дѣйствительно, они существовали еще за пятьдесятъ лѣтъ до появленія „Обыкновенной исторіи", и являлись тогда подъ именами *Леонида* и *Эраста*, „чувствительнаго и холоднаго"—изъ разсказа такого названія Карамзина. Вспомните этотъ разсказъ и мѣщанскую философію Леонида, который „стоялъ на томъ, что благоразумному человѣку надобно въ жизни заниматься дѣломъ" („надо дѣло дѣлать", слышали мы отъ Адуева), который сыпалъ сентенціями совершенно во вкусѣ дяди-Адуева, въ родѣ „служба есть у насъ вѣрнѣйшій путь къ уваженію, а чины ходячая монета" и т. п., который, наконецъ, женился совершенно какъ дядя-Адуевъ, „чтобы избавить себя отъ хозяйственныхъ хлопотъ: женщина нужна для порядка въ домѣ",—вспомните все это, и вы убѣдитесь, что еще сто лѣтъ тому назадъ (разсказъ Карамзина написанъ въ 1803 г.) и почти за полъ-вѣка до „Обыкновенной исторіи" существовалъ точный прототипъ Петра Ивановича Адуева. Отсюда слѣдуетъ, что Адуевъ-старшій не есть всецѣло результатъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства; *такіе типы существовали и раньше*, хотя, конечно, эпоха оффиціальнаго мѣщанства создала удобную почву для пышнаго расцвѣта сотенъ и тысячъ такихъ Адуевыхъ. Но вотъ что создала эпоха оффиціальнаго мѣщанства: *она создала возможность считать такого Адуева положительнымъ типомъ*, въ чемъ былъ твердо убѣжденъ Гончаровъ, въ чемъ повиненъ даже Бѣлинскій (впрочемъ только по ошибкѣ).

При всей пошлости и плоскости Адуева-старшаго *типъ этотъ однако весьма широко захваченъ*; если его имя не сдѣлалось такимъ же нарицательнымъ, какъ имя Обломова, то только потому, что на свою лѣнь и бездѣятельность мы уже давно обратили вниманіе, а на свое мѣщанство—весьма и весьма недавно.

А между тѣмъ, какъ типъ, Адуевъ-старшій нисколько не уступаетъ въ общности Обломову, и вполнѣ заслуживалъ бы новаго словообразованія «*адуевщина*», какъ символа сухого и плоскаго мѣщанства эпохи величія бюрократіи и мундира, подобно тому какъ «обломовщина» является синонимомъ апатіи, бездѣятельности и вообще растительной жизни.

Эта *апатія*, эта *пасивность и растительная жизнь* — тоже особая разновидность мѣщанства; Гончаровъ коснулся ихъ въ своемъ второмъ романѣ. «Обломовъ» появился въ 1858 г., но время его написанія—именно эпоха 1848—1855 гг.; въ этомъ романѣ для насъ интересны два типа, изъ кото-

рыхъ опять одинъ якобы отрицательный, другой положительный; мы поговоримъ о нихъ ниже, а пока укажемъ на *сильное, если не потрясающее, впечатлѣніе, произведенное этимъ романомъ.* Русское общество только-что начинало пробуждаться отъ тяжелаго кошмара эпохи оффиціальнаго мѣщанства, когда предъ нимъ нарисовали ярко и рельефно фигуру Обломова, находящагося въ хронической спячкѣ. *Широта захвати и общность типа* была такъ велика, что каждый россійскій гражданинъ, особенно умѣренно-либеральнаго оттѣнка на дѣлѣ, хотя и безпощадный радикалъ на словахъ, могъ признать свои основныя черты въ этомъ липѣ; *почти все русское „культурное" общество, за очень немногими исключеніями, сознало свое родство съ Обломовымъ*; типъ этотъ сталъ *символическимъ,* Обломовка превратилась въ Россію. Все это сейчасъ же отмѣтилъ Добролюбовъ въ своей знаменитой статьѣ «Что такое обломовщина?»

Съ того времени прошло почти полъ-вѣка и мы теперь въ состояніи отнестись менѣе экспансивно и болѣе безпристрастно къ Обломову и обломовщинѣ—издали виднѣе.

И прежде всего надо спросить себя: законно-ли расширеніе границъ Обломовки до предѣловъ Россіи?

Дѣйствительно, аналогія очень соблазнительная! Представьте себѣ страну, въ которой «правильно и невозмутимо совершается годовой кругъ», въ которой «все тихо, все сонно», «ни страшныхъ бурь, ни разрушеній не слыхать въ томъ краю», и даже грозы бываютъ точно по календарю: «и число, и сила ударовъ, кажется, всякій годъ одни и тѣ же, точно какъ-будто изъ казны отпускалась на годъ на весь край извѣстная мѣра электричества»... Все это очень похоже на Россію, мирно прозябающую въ до-севастопольскомъ снѣ, видимо благоденствующую, но разъѣдаемую скрытымъ недугомъ системы оффиціальнаго мѣщанства. Но все-таки Обломовка—не вся Россія: слишкомъ узкими штрихами обрисована Обломовка, только на одну сторону вопроса обратилъ вниманіе Гончаровъ.

То же самое можно сказать и про Обломова, которому Добролюбовъ придалъ слишкомъ широкое значеніе. Дѣйствительно, *что такое Обломовъ?* Его можно охарактеризовать двумя словами: *растительная жизнь.*

Это *первый этапъ на пути мѣщанства*, хотя еще не все мѣщанство въ своей полнотѣ.

Въ немъ соединено много мѣщанскихъ чертъ съ чертами мало свойственными мѣщанству.

Основная мѣщанская черта растительной жизни Обломова—*пассивность*, переходящая въ апатію: трудно и скучно даже двигаться, ходить; естественное, нормальное состояніе Обломова—лежанье.

Эта же пассивность переходитъ и *въ безстрастіе* Обломова, не чиновничье безстрастіе Адуева-старшаго, но безстрастіе растительной жизни: никакихъ страстей, никакихъ волненій; когда любовь нарушаетъ такой мирный образъ жизни, то Обломовъ можетъ только воскликнуть: «Господи! Зачѣмъ она любитъ меня? Зачѣмъ я люблю ее? Зачѣмъ мы встрѣтились?.. И что это за жизнь, все волненія да тревоги!»

Идеалъ этой растительной жизни — *мирное житіе, сытость и бездѣлье:* «жилъ бы безъ горя, безъ заботъ, и прожилъ бы вѣкъ свой мирно, тихо, никому бы не позавидовалъ»; прожить по этой трафареткѣ — значитъ исполнить свое назначеніе.

Эта *трафаретность*, эта *инертность* и *пассивность* характеризуютъ полную безличность растительной жизни, какъ перваго этапа мѣщанства; слабѣе выражены (однако выражены) *плоскость чувства и узость ума.*

Кромѣ того въ Обломовѣ иногда просыпается *сознаніе*, что́ уже совершенно недоступно чиновнику Адуеву; но какъ разъ въ этомъ и все горе Обломова. Горе это онъ заглушаетъ «жалкими словами», которыя онъ такой мастеръ говорить, но это ему не всегда удается: въ немъ тщетно что-то пробивается изъ-подъ коры растительной жизни, и если горе его не отъ ума, то оно, конечно, отъ сознанія.

Отъ мѣщанства Обломова отдѣляетъ кромѣ того *широта размаха общественной жизни.* «Помѣщичья распущенность, признаться сказать, намъ по душѣ,—отмѣчаетъ обще-русскую черту Герценъ: —въ ней есть своя ширь, которую мы не находимъ въ мѣщанской жизни Запада». «Нашей душѣ несвойственна эта среда,—еще ранѣе говорилъ Герценъ въ своемъ романѣ «Кто виноватъ», о той же мѣщанской средѣ Запада: —она не можетъ утолять жажды такимъ жидень-

кимъ винцомъ: она или гораздо выше этой жизни, или гораздо ниже но въ обоихъ случаяхъ шире». Все это отъ слова и до слова примѣнимо къ Обломову.

Итакъ, *Обломовъ стоитъ на рубежѣ между растительностью и мѣщанствомъ*; за это и казнитъ его умѣренный и аккуратный авторъ, постоянно донекая его своимъ Штольцемъ, какъ лучшимъ образцомъ добродѣтельнаго мѣщанства.

Чтобы окончить съ Обломовымъ, отмѣтимъ еще, что Добролюбовъ захотѣлъ увидѣть въ немъ типичнаго представителя лишнихъ людей, находя въ немъ печоринскій и рудинскій элементы и безплодное стремленіе къ дѣятельности. Добролюбовъ правъ только отчасти, и совершенно неправъ въ своемъ смѣшеніи мѣщанъ и лишнихъ людей. Дѣйствительно, и лишніе люди и мѣщане имѣютъ много общихъ чертъ, но они имѣютъ также не менѣе ясныя раздѣлительныя черты. Обломову до лишнихъ людей какъ до звѣзды небесной далеко. Онъ стоитъ на рубежѣ растительной жизни и мѣщанства; если бы ему удалось благополучно перейти этотъ первый этапъ, то всѣ его шансы къ тому, чтобы стать полнымъ и образцовымъ мѣщаниномъ, положительнымъ типомъ Гончарова, уменьшенной копіей добродѣтельнаго героя Штольца. Интересно, что Гончаровъ относится къ Обломову двойственно: насколько Обломовъ еще не успѣлъ сдѣлаться мѣщаниномъ, настолько авторъ относится къ нему отрицательно, вполнѣ презирая его растительную жизнь; насколько Обломовъ мѣщанинъ, настолько симпатизируетъ ему Гончаровъ, въ которомъ многіе (и самъ онъ) не безъ основанія отмѣчали обломовскія черты. Къ Штольцу же Гончаровъ относится съ совершеннымъ почтеніемъ; въ этомъ лицѣ онъ полнѣе всего выразилъ свои симпатіи и идеалы.

Штольцъ—отчасти продолженіе, отчасти переработка и дополненіе нашего знакомаго—дяди-Адуева; Штольцъ—вѣрный и истинный сынъ эпохи оффиціальнаго мѣщанства; на немъ легче всего прослѣдить, какъ кроила людей по своему шаблону эта убивающая личность эпоха. Передъ нами—*ни холодный, ни горячій, ровный, средній человѣкъ*; *умѣренность и аккуратность* ему такъ же свойственны, какъ вывѣренному хронометру; онъ *въ мѣру либераленъ, въ мѣру консервативенъ*;

онъ *человѣкъ дѣловой*, также какъ и его старшій родственникъ Петръ Ивановичъ Адуевъ. Впрочемъ, мы предоставимъ характеризовать Штольца самому Гончарову.

Для Гончарова Штольцъ— «представитель труда, знанія, энергіи—словомъ, силы», также какъ и Адуевъ-старшій былъ представителемъ «живого дѣла». Подобно Адуеву, Штольцъ *сдержанъ, размѣренъ и точенъ*, какъ часовой механизмъ: «движеній лишнихъ у него не было. Если онъ сидѣлъ, то сидѣлъ покойно, если же дѣйствовалъ, то употреблялъ столько мимики, сколько было нужно» (!); внутренній его міръ построенъ по такому же образцу: «кажется, и печалями и радостями онъ управлялъ какъ движеніемъ рукъ, какъ шагами ногъ» Стремленіе эпохи оффиціальнаго мѣщанства обратить всѣхъ гражданъ въ механизмы достигло въ Штольцѣ самыхъ блистательныхъ результатовъ.

Мѣщанскіе идеалы Штольца не далеко ушли отъ растительныхъ идеаловъ Обломова; по мнѣнію Штольца — «нормальное назначеніе человѣка прожить четыре времени года, т. е. четыре возраста, безъ скачковъ, и донести сосудъ жизни до послѣдняго дня, не проливъ ни одной капли напрасно... Ровное и медленное горѣніе огня лучше бурныхъ пожаровъ, какая бы поэзія ни пылала въ нихъ».

Само собою разумѣется, что такая точка зрѣнія на жизнь не оставляетъ мѣста мучительнымъ сомнѣніямъ, болѣзненнымъ надрывамъ: все такъ ясно, понятно, потому что все такъ узко и плоско. «Не видали, чтобы онъ (Штольцъ) задумывался надъ чѣмъ-нибудь болѣзненно и мучительно»—конечно нѣтъ, такъ какъ для мѣщанина въ его аккуратно размѣренной жизненной программѣ нѣтъ мѣста для мучительныхъ запросовъ; такой мѣщанинъ — и Штольцъ первый изъ нихъ—не столько человѣкъ, сколько *приходо-расходная книга*; онъ и физически и нравственно живетъ *по бюджету*, «стараясь тратить каждый день, какъ каждый рубль, съ ежеминутнымъ, никогда недремлющимъ контролемъ издержаннаго времени, труда, силъ души и сердца»; это какая-то ходячая двойная бухгалтерія, подводящая балансъ и стремящаяся къ «равновѣсію практическихъ сторонъ съ тонкими потребностями духа».

Не удивляйтесь: у мѣщанина могутъ быть тонкія потребности духа. Послѣ хорошаго обѣда мѣщанинъ любитъ

послушать хорошую музыку; иногда онъ цѣнитель стараго фарфора, картинъ; еще чаще онъ нумизматъ — но все въ мѣру, все на своемъ мѣстѣ. Вотъ вѣдь и дядюшка-Адуевъ «знаетъ наизусть не одного Пушкина... любитъ искусства, имѣетъ прекрасную коллекцію картинъ», что не мѣшаетъ однако ему быть мѣщаниномъ съ головы до пятъ.

До сихъ поръ мы видѣли, что Штольцъ является какъ бы вторымъ обновленнымъ, дополненнымъ и усовершенствованнымъ изданіемъ Петра Ивановича Адуева, но, конечно, между ними есть и существенная разница. Вѣдь какъ-никакъ, а между ними лежитъ болѣе десятилѣтія, и мѣщанство Штольца поневолѣ пріобрѣло новый болѣе современный оттѣнокъ.

Прежде всего Штольцъ гораздо *отполированнѣе* своего собрата по мѣщанству, гораздо *«благовоспитаннѣе»*, гораздо *сдержаннѣе* нѣсколько грубоватаго дядюшки; какъ онъ мѣщански сдержанъ даже въ тотъ моментъ, когда всякій другой на его мѣстѣ вѣроятно хоть нѣсколько вышелъ бы изъ нормы! Штольцъ объясняется въ любви Ольгѣ: какъ комично вмѣсто «ангелъ мой» говоритъ онъ любимой дѣвушкѣ «ангелъ—позвольте сказать—мой»! Конечно, это мелочь, но какъ великолѣпно эта мелочь характеризуетъ излюбленнаго гончаровскаго героя! Даже у дядюшки-Адуева мы не найдемъ такого перла умѣренности и сдержанности.

Но разница между мѣщанствомъ Штольца и Адуева идетъ и дальше: Штольцъ — *прогрессистъ*, Штольцъ—*либераленъ*, конечно, въ мѣру; онъ уже не сѣчетъ своихъ фабричныхъ, а разсуждаетъ на ту тему, что-де для народа весьма полезна грамотность, ибо грамотный мужикъ будетъ читать о томъ, какъ пахать—конечно, помѣщику же еще и выгода! И только?- и только... Но какъ бы ни были узки воззрѣнія Штольца, онъ все-таки гораздо лучше вооруженъ, чѣмъ Адуевъ; у него взглядъ зорче, смотритъ онъ дальше. Онъ задается даже вопросомъ о цѣли своей жизни, о цѣли жизни вообще; онъ твердо знаетъ, что жить надо «для самаго труда, больше ни для чего. Трудъ — образъ, содержаніе, стихія и цѣль жизни». *Трудъ какъ цѣль жизни*—это, конечно, полная антитеза Обломову съ его лежачими, растительными идеалами; но какое безпросвѣтное этическое мѣщанство заключено въ идеалахъ Штольца!

Впослѣдствіи и у Чехова, и у Горькаго встрѣтится эта же самая мысль («Три сестры» и «Ѳома Гордѣевъ»), что въ работѣ, въ трудѣ—смыслъ человѣческой жизни; но у Чехова его страдающіе страхомъ жизни герои хватаются за трудъ только какъ за анастезирующее средство, а у Горькаго въ концѣ концовъ рѣшительно осуждается мысль, что трудъ можетъ быть цѣлью жизни: «это невѣрно, что въ трудахъ оправданіе!»

У Штольца же ни на одну секунду не является раздумья, что трудъ можетъ быть только средствомъ, что трудъ является только формой, въ которую можетъ быть втиснуто любое содержаніе.

Итакъ, отъ Адуева къ Штольцу мѣщанство подверглось эволюціи: *изъ консервативно-чиновничьяго, безхитростно-эгоистичнаго, практическаго,* оно стало превращаться *въ теоретическое умѣренно-гуманное и либеральное;* въ немъ больше сознанія, оно нѣсколько шире по формамъ, сохраняя прежнее содержаніе. Точно воздушный шаръ поднялся нѣсколько выше: газъ расширился, оставаясь въ прежней массѣ, хотя и сталъ рѣже, проницаемѣе.

И мѣщанство Штольца стало гораздо проницаемѣе для вѣяній времени, сравнительно съ тупымъ, деревяннымъ мѣщанствомъ чиновника-фабриканта. Но ни проницаемость эта, ни ростъ сознанія не могли довести Штольца до тѣхъ границъ, до тѣхъ вопросовъ, съ которыхъ начинается разложеніе этическаго мѣщанства.

«Проклятые вопросы» отскакиваютъ отъ него какъ горохъ отъ стѣны, а когда жизнь погружаетъ его въ нихъ съ головой, то они стекаютъ съ него, какъ съ гуся вода, и онъ выходитъ изъ нихъ попрежнему сухимъ этическимъ мѣщаниномъ.

Вотъ характерный случай. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливаго прозябанія со Штольцемъ, жена его, Ольга, начинаетъ скучать: «вдругъ какъ-будто найдетъ на меня что-нибудь, какая-то хандра, — жалуется она мужу: — мнѣ жизнь покажется... какъ-будто не все въ ней есть». Ольга сама не понимаетъ, что это съ нею творится, а Гончаровъ, конечно, не позволяетъ ей догадаться, что хандра ея есть неизбѣжная реакція живого человѣка противъ мертвящей суши этическаго мѣщанства, что дѣйствительно (а не «какъ-

будто») въ ея жизни «не все есть», что она жила все время жалкой, половинной жизнью. Но теперь съ ея глазъ спадаетъ завѣса; она смотритъ на свою жизнь, вспоминаетъ прошлое, заглядываетъ въ будущее—и съ ужасомъ спрашиваетъ сама себя: «Что же это? Ужели еще нужно и можно желать чего-нибудь? Куда же идти? Некуда! Дальше нѣтъ дороги... Ужели нѣтъ, ужели ты совершила кругъ жизни? Ужели тутъ все... все...» Ольга задыхается въ болотѣ этическаго мѣщанства. Неужели вся ея жизнь пройдетъ въ этой затхлой атмосферѣ умѣренности и размѣренности, какъ разъ въ то время, когда отмираетъ система оффиціальнаго мѣщанства, когда новая жизнь закипаетъ вокругъ? А все это пройдетъ мимо нея: добродѣтельнаго мѣщанина Штольца величайшія соціальныя движенія могутъ занимать только теоретически; онъ не прочь поговорить о нихъ въ свободную минуту, развить теорію постепеновства, утѣшить Ольгу чѣмъ-нибудь въ родѣ замѣчательнаго изреченія самого Гончарова, что, молъ, «крупные и крутые повороты не могутъ совершаться какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно»... Удовлетворится-ли Ольга этой противорѣчащей всякой логикѣ теоріей о *постепенности крутыхъ* поворотовъ (!)? Во всякомъ случаѣ сама Ольга стоитъ еще на точкѣ поворота; она еще стыдится своихъ недоумѣній и вопросовъ: «что-жъ это... счастье... вся жизнь...—говоритъ она:—всѣ эти радости, горе... природа... все тянетъ меня куда-то еще; я дѣлаюсь ничѣмъ недовольна»...

Что же можетъ отвѣтить на все это мѣщанинъ Штольцъ? Отвѣтъ его можно предвидѣть заранѣе; это тотъ самый отвѣтъ, который мѣщанство всегда давало на всѣ «проклятые вопросы» жизни: оно зажимало уши, закрывало глаза и старалось увѣрить себя, что лишь слѣпые, глухіе и безумные могутъ сомнѣваться въ томъ, что въ мѣщанской жизни все обстоитъ благополучно. Поэтому прежде всего Ольгѣ... *надо полечиться:* «кажется, надо опять купуться въ морѣ... Можетъ быть, въ тебѣ проговаривается еще нервическое разстройство: тогда докторъ, а не я, рѣшитъ что съ тобой»... Если же купаніе въ морѣ не разрѣшитъ «проклятыхъ вопросовъ», то единственное спасеніе—сдаться имъ на капитуляцію: «мы не Титаны съ тобой,—говоритъ Штольцъ Ольгѣ,—мы не пойдемъ съ Ман-

фредами и Фаустами на дерзкую борьбу съ мятежными вопросами, не примемъ ихъ вызова, склонимъ головы»...

Таково *специфически мѣщанское разрѣшеніе проклятыхъ вопросовъ*; и такимъ разрѣшеніемъ характеристика этическаго мѣщанина получаетъ послѣднюю черту, послѣдній ударъ рѣзца.

Здѣсь пѣснь торжествующаго мѣщанства звучитъ fortissime, упраздняя навѣкъ всѣ запросы, лежащіе за кругозоромъ мѣщанства, фиксируя какъ необходимое всѣ мѣщанскіе идеалы, всѣ воззрѣнія мѣщанства на жизнь и на человѣка.

Въ типѣ Штольца Гончаровъ достигъ *апогея мѣщанства* и тѣмъ рельефнѣе оттѣнилъ мѣщанство своего героя, чѣмъ болѣе желалъ нарисовать въ немъ типъ положительный; это желаніе привело къ безжизненности типа, къ тому, что изъ-за него (по собственному признанію Гончарова) «слишкомъ голо выглядываетъ идея», идея превознести и препрославить этическое мѣщанство, сдѣлать его единственно возможной идеологіей достойнаго и добродѣтельнаго человѣка... Но на этомъ fortissime пѣсни торжествующаго мѣщанства голосъ Гончарова сорвался...

Надо замѣтить, что Штольцъ является однимъ изъ наименѣе антипатичныхъ героевъ мѣщанства,—по крайней мѣрѣ Гончаровъ сдѣлалъ все возможное для того, чтобы пріукрасить своего любимца. Онъ далъ ему, или по крайней мѣрѣ пытался дать, нѣкоторыя свойства и качества несомнѣнно положительныя, напримѣръ, *силу*, *энергію*, *активность*, — но эти качества направлены Штольцемъ на узкую и однобокую цѣль: онъ можетъ учетверить свои капиталы, повысить втрое доходность имѣнія, настойчиво стремиться къ знанію—такъ какъ знаніе даетъ ему деньги и комфортъ. Всѣми этими качествами обладалъ въ еще большей степени Алексѣй Степанычъ Молчалинъ; изъ одного этого примѣра можно было бы убѣдиться, что положительныя качества, направленныя на отрицательную цѣль, приводятъ человѣка къ весьма плачевнымъ результатамъ.

Мѣщанскіе идеалы Штольца заглушили собой возможныя положительныя стороны его характера; внѣ своей мѣщанской цѣли Штольцъ пассивенъ и безсиленъ,—это на-

глядѣе всего проявилось въ эпизодѣ съ Ольгой: Штольцъ предлагаетъ ей смириться передъ жизнью, сознать свое безсиліе, «мы не Титаны»... Но вѣдь и не нужно быть титаномъ для борьбы съ житейской пошлостью, достаточно только не быть мѣщаниномъ. Этого не можетъ понять alter ego Гончарова, Штольцъ: эпоха оффиціальнаго мѣщанства воспитала его въ своихъ узкихъ рамкахъ, и онъ теперь передъ жизнью способенъ только *«не разсуждать— повиноваться»*. Передъ нами необходимое слѣдствіе и очевидный результатъ угнетавшей личность эпохи — второй четверти XIX-го вѣка.

Въ Адуевѣ и Штольцѣ ясно выразилась, какихъ размѣровъ достигло мѣщанство въ русской литературѣ послѣ эпохи 1825—1855 гг. Мы могли бы ими покончить наше знакомство съ мѣщанскими типами романовъ Гончарова; но есть еще одинъ типикъ въ послѣднемъ романѣ Гончарова, въ «Обрывѣ». Романъ этотъ появился въ 1869 г., но писался въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ; мы скажемъ только два слова объ общемъ фонѣ романа и о типѣ мѣщанина, нисходящаго родственника Адуевыхъ и Штольцевъ.

На общемъ фонѣ романа выдѣляются интересныя фигуры бабушки, Марѳиньки, Козлова, Крицкой; вся жизнь провинціальнаго города служитъ этимъ фономъ. Здѣсь все *та же растительная жизнь*, что и у обломовцевъ. Бабушка также любитъ задать пиръ горой, также довольствуется «жизненной мудростью», точно купленной на вѣсъ; однако отъ обломовцевъ бабушка отличается своей *дѣятельностью:* она весь день въ работѣ; она не терпитъ «лежебокъ». Она согласна съ Адуевымъ и со Штольцемъ, что «надо дѣло дѣлать» и что «трудъ—цѣль жизни»; вѣдь она сама «вѣкъ свой дѣлала дѣло, и если не было, такъ выдумывала его». Въ лицѣ бабушки мы имѣемъ *постепенный переходъ отъ растительной жизни къ мѣщанству*; въ этомъ отношеніи она стоитъ между Обломовымъ и Штольцемъ, являясь какъ бы среднимъ пропорціональнымъ между ними.

Не въ бабушкѣ теперь, впрочемъ, дѣло; интереснѣе отмѣтить, какъ все, къ чему ни прикасается Гончаровъ, немедленно принимаетъ окраску самаго сугубаго мѣщанства.

Такъ, напримѣръ, даже *изъ типа ужаснаго нигилиста Марка Волохова*, долженствовавшаго по замыслу автора

служить нравоучительнымъ примѣромъ, къ какимъ пагубнымъ результатамъ приводитъ протестъ противъ мѣщанства, даже изъ этого типа Гончаровъ ухитрился сдѣлать *чистокровнаго мѣщанина.*

Нашъ умѣренный и аккуратный авторъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы нарисовать по закону контраста съ благоприличнымъ мѣщанствомъ діаметрально противоположный типъ нигилиста: и чѣмъ невѣроятнѣе и комичнѣе вышелъ послѣдній типъ, тѣмъ яснѣе мѣщанскія потуги добродѣтельнаго автора.

Онъ заставляетъ своего Волохова закуривать сигары вырваннымъ изъ книги листомъ, прыгать по принципу черезъ заборы и въ окна, когда свободенъ проходъ въ ворота и дверь: этимъ выражается его свобода отъ «правилъ» и «долга», столь любезныхъ мѣщанскому сердцу Гончарова.

Онъ не сообразилъ, что его ужасный нигилистъ вышелъ такимъ же узкимъ мѣщаниномъ, какъ и самые мѣщанскіе его герои, ибо развѣ это по существу не узкая мѣщанская мораль, по которой порядочный человѣкъ только тотъ, кто лазитъ черезъ заборы?

Перефразируя слова Герцена, можно сказать, что отрицаніе шаблона во что бы то ни стало — тоже шаблонъ своего рода. Правда, Волоховъ не до конца отрицаетъ шаблонъ, ибо какъ разъ конецъ-то его самый шаблонный: ужасный нигилистъ вдругъ проникается раскаяніемъ и просится на Кавказъ въ юнкера! Въ этомъ неожиданномъ пассажѣ какъ солнце въ малой каплѣ водъ отразилось все безсиліе мѣщанина-автора построить типъ не мѣщанскій: не съ того, такъ съ другого конца у него все-таки получится мѣщанинъ...

Волоховъ—бука, назначеніе котораго пугать всѣхъ добродѣтельныхъ мѣщанъ; на лбу у него роковыя слова: вотъ до чего можетъ довести отрицаніе этическаго мѣщанства!

Смотрите,—вотъ примѣръ для васъ:
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами!..

Полная противоположность ему—Тушинъ, пай-дитюша, съ котораго всѣ могутъ брать примѣръ. Подобно Петру Ивановичу Адуеву и Андрею Ивановичу Штольцу (почему-то всѣ излюбленные мѣщанскіе герои Гончарова непремѣнно

шаблонные «Ивановичи»), Иванъ Ивановичъ *Тушинъ* тоже «*дѣловой человѣкъ*», *человѣкъ «новаго дѣла»*. Въ чемъ это новое дѣло, Гончаровъ не объясняетъ, но не трудно видѣть, что это новое дѣло—очень старое дѣло, которымъ занимались и Адуевъ, и Штольцъ.

«Тушинъ давно уже хозяйничаетъ у себя въ имѣніи на раціональныхъ началахъ хозяйства и строгой справедливости»—ужъ очень это не ново; это возводитъ насъ черезъ Штольца къ Костанжогло, у котораго вѣдь тоже можно научиться «мудрости управлять труднымъ кормиломъ сельскаго хозяйства, мудрости извлекать доходы вѣрные, пріобрѣтать имущество не мечтательное, а существенное»...

Другое новое дѣло Тушина заключается въ томъ, что онъ завелъ въ своемъ имѣніи «*что-то въ родѣ исправительной полиціи (!) для разбора мелкихъ дѣлъ у мужиковъ*»; это тоже очень старо, такъ какъ роднитъ Тушина съ гоголевскимъ полковникомъ Кошкаревымъ, который тоже учредилъ въ своемъ имѣніи «Комитетъ сельскихъ дѣлъ».

Во всемъ остальномъ *Тушинъ тотъ же Штольцъ* подъ нѣсколько инымъ соусомъ, это «то-же — иначе» приготовленное.

Въ немъ мы опять встрѣчаемся «*съ твердостью, почти методическою, намѣреній и поступковъ*», находимъ «*ненарушимую правильность взгляда*», видимъ «*равновѣсіе силы ума съ суммой тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу души и воли*»; мы узнаемъ, что въ Тушинѣ кроется «безсознательная, природная, почти непогрѣшительная *система жизни и дѣятельности*», что въ немъ «ничто не выдается; не просится впередъ, не сверкаетъ, не ослѣпляетъ»...

Однимъ словомъ, *плоскость совершеннѣйшая*... И когда мы слышимъ, что Тушинъ «былъ «человѣкъ», какъ коротко и вѣрно опредѣлила его умная и проницательная Вѣра», то невольно думаемъ, что умная и проницательная Вѣра сама была полу-мѣщанкой (это тоже можно было бы безъ труда доказать), и что только потому она могла дать широкое, всеобъемлющее званіе «человѣка» par excellence плоскому этическому мѣщанину, жалкой помѣси Костанжогло, Кошкарева и Штольца.

Адуевъ, Штольцъ, Тушинъ—это заключительное трезвучіе пѣсни торжествующаго мѣщанства. И что это былъ бы за ужасъ, если бы Гончаровъ оказался правъ, если бы въ Штольцахъ и Тушиныхъ лежала вся будущность Россіи!

Постараемся избѣжать довольно частой ошибки — смѣшиванія автора съ типами его произведеній, яркимъ примѣромъ чего было въ свое время отношеніе Писарева къ Евгенію Онѣгину и къ Пушкину.

Имѣемъ-ли мы право говорить о мѣщанствѣ Гончарова? Дѣйствительно-ли онъ является проповѣдникомъ мѣщанскихъ идеаловъ, дѣйствительно-ли въ Адуевѣ, Штольцѣ и Тушинѣ воплощены его взгляды, его стремленія?

Чтобы выяснить все это, обратимся теперь уже не къ героямъ Гончарова, а непосредственно къ нему самому; у насъ вѣдь есть такой богатый матеріалъ, какъ его дневникъ-письма 1852—1854 гг., вышедшія подъ заглавіемъ „Фрегатъ Паллада“ и веденныя въ продолженіе почти трехлѣтняго кругосвѣтнаго путешествія. Интересно посмотрѣть на человѣка въ такой мало обычной для него обстановкѣ: чего же отъ него ждать, если онъ и здѣсь окажется мѣщаниномъ? А Гончаровъ оказывается таковымъ и въ этомъ экстраординарномъ случаѣ!

Представьте себѣ, что чиновникъ Адуевъ былъ бы посланъ въ кругосвѣтное путешествіе по казенной надобности; посадите его на „Фрегатъ Палладу“, дайте ему литературный талантъ Гончарова— и вы получите ту „адуевщину“, которая сказалась въ письмахъ и дневникѣ нашего автора.

Васъ не удивитъ тогда, что Гончаровъ-Адуевъ *задачей прогресса считаетъ комфортъ* и глубокомысленно замѣчаетъ: „вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза“; задача цивилизаціи—„вогнать“ ананасъ на сѣверѣ въ пятакъ, и въ этомъ отношеніи „прогрессъ сдѣлалъ уже много побѣдъ“. Комфортъ — богъ Адуева: пріѣхавъ на почти необитаемые острова (Бонинъ-Сима), Адуевъ не хочетъ съѣзжать на берегъ—ибо какъ тамъ обѣдать? „вѣдь тамъ ни стульевъ, ни столовъ!“

Отношеніе Адуева къ природѣ не трудно предугадать заранѣе: очевидно, что Адуевъ не обладаетъ ни единой каплей чувства единенія съ природой, лиризмъ у него отсутствуетъ совершенно: недаромъ за три года путешествія и плаванія по казенной надобности вы найдете у него всего три-четыре десятка страницъ, посвященныхъ описанію природы. Согласитесь, что это очень характерно. Человѣкъ поѣхалъ вокругъ свѣта, но природа его мало интересуетъ: вѣдь въ природѣ царитъ такой безпорядокъ!

То ли дѣло, напримѣръ, зайти въ Ботаническій садъ гдѣнибудь въ Африкѣ, въ Капштадтѣ и сразу осмотрѣть все разсаженное въ порядкѣ: „что за наслажденіе этотъ садъ!..—восхищается

Адуевъ: „все разсажено въ порядкѣ, посемейно“... Или вотъ, напримѣръ, тропическій лѣсъ въ Анжерѣ: „тутъ пальмы, какъ по обдуманному плану перемѣшаны съ кустами... какая оригинальная красота! Она (пальма) граціозно наклонилась; листья, какъ длинные, правильными рядами расчесанные волосы... Все кажется убрано заботливою рукою человѣка“... Правда, тутъ же Адуеву захотѣлось и „поэтическаго безпорядка“, т. е. опять-таки безпорядка правильнаго и прилизаннаго...

И повсюду все размѣренное, аккуратное, подведенное подъ одинъ шаблонъ радуетъ сердце чиновника эпохи оффиціальнаго мѣщанства: то онъ обращаетъ свое вниманіе на дерево, которое „точно щеголевато острижено“, то любуется садомъ, въ которомъ растенія расположены „какъ картины въ галлереѣ“, то съ любовью описываетъ, какъ „дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣшаны въ неумышленномъ безпорядкѣ и т. п., и т. п. Конечно, все это можетъ быть красивымъ, но находить красоту *только* въ этомъ одномъ—въ высокой степени характерно для Адуева-Гончарова.

Быть можетъ, однако, еще характернѣе его отношеніе къ морю, къ этой капризной стихіи, которую никакъ не втиснешь въ границы умѣренности и аккуратности; деревья можно хоть щеголевато подстричь или разсадить какъ картины въ галлереѣ, на радость мѣщанскому сердцу, а съ моремъ этого не сдѣлаешь...

Нашъ чиновникъ, плавающій по казенной надобности, относится къ морю весьма благодушно, даже съ любовью, если море тихо, если правильная, размѣренная зыбь чуть колышетъ корабль; но лишь только начинается хотя бы небольшое волненіе, Адуевъ приходитъ въ скверное настроеніе духа и видитъ вокругъ себя только „уродливые бугры съ пѣной и брызгами“.

Въ Индійскомъ океанѣ „Фрегатъ Палладу“ встрѣтилъ такой штормъ, котораго Адуевъ еще ни разу не видалъ; однако онъ спокойно сидѣлъ на своемъ комфортабельномъ, уютномъ и тепломъ мѣстѣ въ каютѣ и не шелъ на палубу. „Штормъ былъ классическій, во всей формѣ,—повѣствуетъ Адуевъ:—въ теченіе вечера приходили раза два за мной сверху, звать посмотрѣть его; но какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно уже было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи“... Наконецъ нашего мѣщанина чуть не силою вытащили на палубу. „Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.—Какова картина? — спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.—Безобразіе, безпорядокъ!—отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту, перемѣнить обувь и бѣлье“. Что сказать послѣ этого? Въ добрыя старыя времена примѣромъ „высокаго“, „du sublime“ считалось знаменитое „qu'il mourût!“ отца трехъ Гораціевъ; но это адуевско-гончаровское „безобразіе, безпорядокъ!“ Не съ равнымъ-ли правомъ можетъ считаться примѣромъ „sublime“ въ мѣщанствѣ, ибо выше этого мѣщанство никогда ничего не создавало...

Я не путешествовалъ, я плавалъ „по казенной надобности“, сознался впослѣдствіи, „черезъ двадцать лѣтъ“ самъ Гончаровъ— и никогда въ жизни онъ не сказалъ ничего болѣе справедливаго.

Своимъ дневникомъ и письмами изъ путешествія онъ доказалъ, что между нимъ и его мѣщанскими героями можно съ увѣренностью поставить знакъ равенства, что самъ онъ такой же мѣщанинъ, какъ Адуевъ, Штольцъ и Тушинъ вмѣстѣ взятые.

Письма и путевыя впечатлѣнія Гончарова по своему значенію діаметрально противоположны „Письмамъ русскаго путешественника“ Карамзина: тѣ были началомъ борьбы съ литературнымъ мѣщанствомъ, эти — наоборотъ, фиксированіемъ въ художественномъ словѣ идеаловъ этическаго мѣщанства.

Гончаровъ, сказали мы, это идеологъ этическаго мѣщанства, это пѣснь торжествующаго мѣщанства, сломившаго такихъ титановъ мысли и чувства, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь.

Гончаровъ какъ-будто предчувствовалъ, что впослѣдствіи его типы будутъ объяснены его же собственной личностью Это его возмущало. Надо довольствоваться тѣмъ, что далъ авторъ своими типами, говоритъ Гончаровъ, и негодуетъ, что этимъ не удовлетворятся критики и историки литературы: „начнутъ добираться, каковъ былъ самъ дѣятель, разбираютъ связь писателя или художника съ его произведеніями, согласенъ-ли его характеръ, нравственныя свойства съ тѣмъ, что имъ выражено, и почему, и какъ?“

Это взглядъ глубоко невѣрный, узкій, мѣщанскій, стремящійся насильственно изолировать художника отъ человѣка, сдѣлать изъ перваго какую-то схему, абстракцію.

Ивановъ-Разумникъ.

Книгоиздательское Товарищество „ОРОСЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 66, уг. Фонтанки

ВАРШАВА, Новый Свѣтъ, 70.

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 15 ВЫПУСКОВЪ СЕРІИ „КОРИФЕИ РУССКАГО СЛОВА“:

№ 1.	Ломоносовъ,	его жизнь и творчество.	Цѣна — Р. 40 к.
№ 2.	Державинъ,	„ „ „ „ „	„ 50 „
№ 3.	Карамзинъ,	„ „ „ „ „	— „ 35 „
№ 4.	Жуковскій,	„ „ „ „ „	— „ 95 „
№ 5.	Грибоѣдовъ,	„ „ „ „ „	— „ 70
№ 6.	Пушкинъ,	„ „ „ „ „	— „ 90 „
№ 7.	Лермонтовъ,	„ „ „ „ „	1 „ 20 „
№ 8.	Гоголь,	„ „ „ „ „	— „ 80 „
№ 9.	Крыловъ,	„ „ „ „ „	
№ 10.	Тургеневъ,	„ „ „ „ „	— „ 80 „
№ 11.	Гончаровъ,	„ „ „ „ „	1 „ — „
№ 12.	Достоевскій,	„ „ „ „ „	
№ 13.	Островскій,	„ „ „ „ „	
№ 14.	Ал. Толстой,	„ „ „ „ „	— „ 45 „
№ 15.	Левъ Толстой,	„ „ „ „ „	1 „ 10 „

Подробный каталогъ Книгоиздательскаго Т-ва „Оросъ“ высылается по первому требованію.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

Поставщиковъ Двора Его Императорскаго Величества.

С.-Петербургъ: 1) Гостиный Дворъ, 18. 2) Невскій пр., 13. | **Москва:** 1) Кузнецкій Мостъ, 12. 2) Моховая ул., 22

и у Акц. О-ва Типографск. Дѣла въ С.-Петербургѣ, 7 Рота, 26.

DUKE UNIVERSITY LIBRARIES
Goncharov : zhizn i tvorchestvo
891.73 G635ZPR
D90353842Y